

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (10)

Academic Journal

Series
Economics. Management. Law

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (10)

Научный журнал

Серия
«Экономика. Управление. Право»

Москва
2017

УДК 338.24(05)+340(05)
ББК 65.050я5+67я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Экономика. Управление. Право»

Редакционная коллегия серии

Н.И. Архипова, гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), Н.В. Овчинникова, зам. гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), С.В. Тимофеев, зам. гл. ред., д-р юрид. н., проф. (РГГУ), В.А. Умнов, зам. гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), Т.М. Алиева, отв. секретарь, канд. экон. н., доц. (РГГУ), Л.И. Глухарева, д-р юрид. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., доц. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), И.М. Поморцева, канд. экон. н., доц. (РГГУ), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша)

Ответственные за выпуск: И.М. Поморцева, канд. экон. н., доц. (РГГУ),
Т.М. Алиева, канд. экон. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

С.И. Беленчук

Кризис мировой валютной системы как окно возможностей
для перехода России к суверенной экономике 9

О.Н. Рыбковская

Проекты СССР/России по «дедолларизации»
мировой экономики: от Московского международного
экономического совещания (1952 г.) к БРИКС.
Анализ проектов по валютной конкуренции 18

И.Л. Юрзинова, В.Н. Незамайкин

Оценка эффективности функционирования системы
финансового планирования: интегральный подход к оценке 32

Е.Ю. Князева, В.В. Терехова

Государственная долговая политика России
на современном этапе 47

Управление

Л.А. Корчагова, Ю.Е. Черемушкина

Особенности формирования продуктового портфеля
на фармацевтическом рынке 61

В.О. Сиротюк, С.А. Косяченко

Моделирование предметных областей пользователей
при использовании облачных технологий 74

Г.Е. Кедрова, В.В. Муромцев

Современное состояние и направления развития систем
дистанционного обучения 88

Право

Л.И. Глухарева

Юридическая догматика и догматическое мышление
в российской доктрине права 102

В.А. Цыгановкин

Собственность как институциональная
основа формирования права 117

С.В. Жучков

Особенности правового регулирования обязательного
медицинского страхования в России и в странах
Таможенного союза в современных условиях 125

Abstracts 135

Сведения об авторах 140

CONTENTS

Economy

S. Belenchuk

Crisis of the World currency system as the opportunity window
for Russia's transition to the sovereign economy 9

O. Rybkovskaya

Projects of the USSR / Russia on "de-dollarization"
of the world economy. From the Moscow International
Economic Meeting (1952) to BRICS.
An analysis of projects on currency competition 18

I. Yurzinova, V. Nezamaikin

Functioning efficiency evaluation
in the financial planning system.
Integrated approach to an assessment 32

E. Knyazeva, V. Terekhova

The state debt policy of Russia at the present stage 47

Management

L. Korchagova, Yu. Cheremushkina

Peculiarities of product portfolio
formation in pharmaceutical market 61

V. Sirotyuk, S. Kosyachenko

Modeling of subject domains
at users of cloud technologies 74

G. Kedrova, V. Muromtsev

Current state and directions
of distance education systems development 88

Law

L. Glukhareva

Legal dogmatics and dogmatic thinking
in the Russian doctrine of law 102

V. Tsyganovkin

Property as an institutional basis for the formation of law 117

S. Zhuchkov

Features of the legal regulation of the mandatory health
insurance in Russia and in the Customs Union countries
in present conditions 125

Abstracts 135

General data about the authors 142

Кризис мировой валютной системы как окно возможностей для перехода России к суверенной экономике

В статье рассматриваются вопросы, связанные с наступлением из-за кризиса существующей долларовой системы периода поиска новой формулы мирового порядка, причем речь идет о переходе в некую новую систему, в рамках которой могут быть инкорпорированы ключевые элементы существовавшего ранее золото-девизного стандарта. В этих условиях у России теоретически есть всего несколько лет для того, чтобы, воспользовавшись временной неопределенностью на Западе, запустить действительно суверенную модель экономики и, прежде всего, на основе кардинального переформатирования внешнеэкономической модели.

Ключевые слова: суверенная модель экономики, мировая валютная система, нефтедолларовый стандарт.

Сейчас уже не вызывает сомнения, что 70-е годы прошлого столетия явились для СССР тем рубежом, когда фактически была решена дальнейшая судьба нашей страны. Именно в этот момент был сделан окончательный выбор в пользу зависимой от мировой экономики хозяйственной модели. При этом руководство СССР, по всей видимости, опиралось на постулат о том, что вовлеченность страны в мирохозяйственные связи станет гарантом мирного сосуществования с Западом и одновременно фундаментом для дальнейшего развития советского народного хозяйства. Но на самом деле речь шла о закреплении и придании фактически необратимого характера тому разрыву между внешне- и внутривалютной системой страны, с одной стороны, и ее народнохозяйственной системой, с другой стороны, семена которого были посеяны еще в 60-е годы так называемыми косыгинскими реформами, или

реформами Косыгина–Либермана (так называли их на Западе). В рамках этих реформ были сделаны первые шаги по внесению в плановое хозяйство элементов рыночной системы хозяйствования. Все это – несмотря на опасность любых компромиссов с рыночной экономикой – для существовавшей тогда модели управления и планирования, поскольку в действительности компромиссные шаги не предполагали внедрения каких-либо реально конструктивных элементов, а лишь подтачивали тогдашнюю модель, позволяя решать лишь некоторые тактические задачи.

Вместе с тем в начале 70-х годов эти реформы еще не до конца укоренились и народнохозяйственный комплекс СССР продолжал сохранять потенциал для выхода на самые передовые позиции в мире. В частности, не была окончательно забыта альтернативная косыгинским реформам программа академика В.М. Глушко, предполагавшая создание общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС), которую можно рассматривать в качестве прообраза будущей информационной экономики.

Более того, именно в эти годы у СССР появилось реальное окно возможностей для того, чтобы утвердить себя в качестве ведущей технологической державы мира и стать лидером в переходе к новому технологическому укладу. Появление этого окна возможностей обусловлено, прежде всего, внешним фактором, а именно, наступлением системного кризиса в мировой экономике, для выхода из которого потребовался переход к новой валютной системе. Дело в том, что в начале 70-х годов развал Бреттон-Вудской системы уже произошел, а новой еще не было создано. В реальности это было очень трудное время для мирового финансового капитала – время, когда шел лихорадочный поиск новой формулы мироустройства, как финансово-экономического, так и политического. Кроме того, именно в этот момент Запад ощутил реальную опасность упустить глобальное лидерство в экономическом соревновании с Советским Союзом, поэтому ему потребовалось принимать срочные меры для того, чтобы не допустить дальнейшего развития этой тенденции. Все это происходило на фоне проигрыша Соединенными Штатами Америки войны во Вьетнаме и усиления конкурентных позиций вчерашних побежденных – Германии и Японии. Кроме того, создавалось впечатление, что между США и ведущими европейскими странами – ФРГ и Францией – обозначились непримиримые противоречия в отношении перспектив сотрудничества с СССР.

Что касается Советского Союза, то ему, для того чтобы воспользоваться этой возможностью, следовало обязательно сохранить независимую экономическую модель и одновременно приступить к

реализации мер по радикальному повышению эффективности этой модели.

И именно в этот момент нашей стране был фактически навязан выбор: либо сохранить себя в качестве независимого мирохозяйственного центра, либо начать постепенную интеграцию в мировую экономику. В качестве «пряника» нашей стране были предложены период относительной «разрядки», который в действительности практически совпал с периодом становления новой мировой валютной системы, и самое главное – нефtedоллары.

У руководства СССР появилась иллюзия того, что многие проблемы хозяйственной жизни можно будет решить не путем серьезных, иногда даже болезненных преобразований с мобилизацией ресурсов на развитие и внедрение прорывных технологий, а за счет, прежде всего, наращивания экспорта в западные страны постоянно (как тогда казалось) дорожавших энергоресурсов и других видов сырья. Параллельно должны были реализовываться так называемые компенсационные сделки. Что касается многих необходимых технологий, то вместо разработки этих технологий внутри СССР или, по крайней мере, в рамках СЭВ казалось более рациональным получать их в рамках упомянутых сделок либо закупать за счет заработанной валюты. Одновременно Западу удалось убедить советское руководство в правдоподобности варианта долгосрочного наращивания взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, что должно было постепенно смягчить военно-стратегическое противостояние. Вчерашний непримиримый противник превращался в конкурента, играющего по общепринятым правилам.

В результате выбор был сделан в пользу интеграции в мировую экономику. И здесь нельзя не обратить внимания на то, что в этот момент оказался ослабленным и практически не сыграл свою роль фактор интеллектуального лидерства, всплеск которого пришелся на 40–50-е годы прошлого века и плоды которого по-прежнему ощущались еще в 60-е годы прошлого века. Система взглядов на мировую экономику и международные отношения, которая сформировалась в советском экспертном сообществе, как оказалось, носила поверхностный и одновременно догматичный характер. Непонимание реальных процессов, происходящих в мировой экономике, во многом предопределило слишком доверчивое отношение к геополитическим противникам, которые демонстрировали относительную лояльность лишь с учетом необходимости выиграть требуемое для преодоления острой фазы кризиса время.

Но интеграция постепенно обратилась зависимостью. Ослаблялась экономическая безопасность страны. Экономическая модель

СССР, не рассчитанная на функционирование в зависимом от мирового рынка режиме, стала быстро подтачиваться. В свою очередь, получивший передышку Запад смог преодолеть острую фазу системного кризиса, сформировать новую валютную систему и начать переход к очередному технологическому укладу. Отношение к СССР резко ужесточилось. Из потенциального партнера наша страна превратилась в «империю зла». Далее последовала целая череда событий, приведших в конечном счете к разрушению СССР и соответственно прекращению функционирования советской экономической модели.

Из всего вышесказанного можно сделать три основных вывода:

- во-первых, России для обеспечения независимого существования необходима суверенная экономическая модель, на функционирование которой импульсы, исходящие от мировой экономики, не смогут оказать разрушающего воздействия;
- во-вторых, в период формирования коллективным Западом во главе с США новой мировой валютной системы у России появляется окно возможностей для проведения преобразований, необходимых для совершенствования существующей или в случае необходимости создания новой, адекватной суверенным интересам страны, модели национальной экономики;
- в третьих, СССР проиграл во многом из-за недостаточной востребованности механизма интеллектуального лидерства, без чего оказался невозможным объективный подход к анализу происходящих в мире явлений.

Эти выводы представляются весьма злободневными, поскольку в настоящее время многие моменты, характерные для 70-х годов, воспроизводятся в весьма похожем формате.

Самое главное – речь идет о кризисе современной мировой валютной системы, преодоление которого требует не просто структурных реформ, а, вполне вероятно, выхода за пределы существующей системы. А это значит, что для России может на какой-то период открыться окно возможностей для воссоздания на новой основе суверенной экономической модели, периода, в течение которого давление со стороны наших геополитических противников может ослабнуть – вместо проявления агрессивности они временно будут стараться «задушить в объятиях».

Кризисные явления в мировой валютной системе не просто обозначились накануне так называемой великой рецессии 2007–2008 гг., а во многом стали ее триггером. Для преодоления последствий

великой рецессии нефтедолларовый стандарт, который в 70-е годы прошлого века фактически пришел на смену золотовалютному стандарту, был постепенно заменен на новую форму долларového стандарта, стандарт «количественного смягчения», который можно также характеризовать как стандарт безлимитной эмиссии.

Переход к новому долларовому стандарту сопровождался выстраиванием под эгидой ФРС механизма глобального валютного управления в составе ФРС, ЕЦБ, Банка Англии, Банка Канады, Национального банка Швейцарии и Банка Японии. В рамках этого нового альянса Федеральный резерв, постоянно сталкивающийся с необходимостью стимулировать спрос на доллар, сможет некоторое время воздерживаться от дополнительной эмиссии доллара, переложив «количественное смягчение» на своих партнеров по соглашению. При этом средства от дополнительной эмиссии, прежде всего в ЕС и Японии, в значительной части направляются на американские финансовые рынки, что, в свою очередь, объясняется внедрением со стороны США механизма откровенного экономического и политического принуждения к максимально возможному переводу активов со всего мира в активы ФРС.

В целом установление стандарта безлимитной эмиссии привело к тому, что были уничтожены последние естественные ограничители на пути эмиссии доллара и соответственно мировых денег.

Однако несмотря на предпринятые усилия, ситуация стала заходить в тупик. Сейчас уже мало у кого остаются сомнения в том, что возможности для Запада генерировать прибыль в рамках существующей системы накопления практически исчерпаны, о чем, в частности, свидетельствует невероятная дешевизна финансовых ресурсов для золотого миллиарда и части стран периферии. В более фундаментальном плане речь идет о возникновении системного противоречия между сутью мировых денег и теми реальными функциями, которые они стали осуществлять в рамках нового долларového стандарта. По нашему мнению, разрешение этого противоречия возможно лишь на основе выхода за рамки нынешней системы с возможным инкорпорированием в новую систему ключевых элементов существовавшего ранее золотодевизного стандарта.

Иными словами, теоретически речь идет о переходе в некую новую систему, в рамках которой деньги постепенно потеряют свои функции. А для перехода потребуется время. Вновь наступает период поиска новой формулы мирового порядка, период неопределенности. Обостряются противоречия внутри правящего класса. Происходят события, которые никто не прогнозировал: Брексит, приход к власти в США Д. Трампа, резкое ослабление позиций

нынешнего руководства ведущих стран ЕС с перспективой смены курса этих стран по итогам ближайшего избирательного цикла.

С учетом всех этих изменений можно предположить, что мировую валютную систему ожидает сценарий радикальных сдвигов с переходом в ближайшие 3–4 года к видоизмененным формам мировых денег на основе резкого сокращения эмиссии ключевых валют и значительным, но временным повышением роли золота¹. Этот сценарий внешне ориентирован на некоторую регионализацию как антитезу глобализации – США собираются заняться в приоритетном порядке своей собственной экономикой, повысить тарифные и нетарифные барьеры, отказаться от трансокеанских партнерств, позволить своим партнерам и другим странам вести более самостоятельную экономическую политику.

Однако в реальности речь идет о том, чтобы путем сжатия денежной массы, навязывания своим партнерам тех расходов, от которых они уже отвыкли, при одновременном частичном закрытии своего рынка заставить их согласиться на условия интеграции, по сравнению с которыми условия ТТП и ТТИП могут показаться весьма щадящими. По всей видимости, планируется также осуществление мер по ослаблению позиций стратегического противника США – Китая, хотя нельзя забывать, что у Китая также сохраняются довольно эффективные инструменты давления на США. Из вышесказанного следует, что приведенный сценарий носит в своей основе глобалистский характер и ориентирован на радикальное усиление позиций комитета глобального валютного управления во главе с ФРС.

Но без контроля над золотом плавная трансформация существующего ныне стандарта, что и означает выход за рамки сегодняшней системы, невозможна. Поэтому в последние годы произошло резкое ужесточение борьбы за контроль над золотом в мировых масштабах. И здесь главным инструментом финансовой элиты до сих пор являлось искусственное занижение мировых цен на золото, главным образом путем различных манипуляций с деривативами. В докладе известного американского специалиста по финансовым рынкам Брэда Хопманна (Brad Hopmann) «Великое золотое прикрытие» («The Great Gold Cover Up»), обнародованном летом 2016 г., приводятся неоспоримые доказательства того, как осуществляется манипулирование рынком золота².

Например, в ночь с 25 на 26 мая 2015 г. в результате так называемого обрушающего вброса (crash injection) бумажных контрактов цена на золото на бирже Comex упала с 1205 долларов до 1185 долларов за унцию. Примерно 10 тонн «бумажного золота» (бумажных

контрактов) было сброшено на рынок в момент самой вялой торговли за всю неделю, т. е. в момент, когда никакой добросовестный продавец не стал бы укорачивать свою длинную позицию из-за отсутствия адекватного спроса. Но это было сделано, и цена в результате двух вбросов в течение суток обвалилась почти на 20 долларов.

В технологии манипулирования рынком золота нет ничего особо сложного.

Во-первых, рынок этот очень монополизирован. Во-вторых, цена определяется на рынке фьючерсов с использованием электронных торгов без предъявления доказательств наличия реального товара. Этим и пользуются крупнейшие банки, торгующие золотом, которого на самом деле у них нет. Для осуществления «обрушающего вброса» эти банки просто печатают контракты, которые тут же выкупаются за счет средств Федерального резерва. В данной операции участвует и Федеральное казначейство, которое подтверждает, что золото, представленное в контрактах, находится у него на хранении.

Казначейство постоянно отрицает свою вовлеченность в операции на рынке золота, однако кроме неподтвержденных данных, имеются неопровержимые доказательства участия его подразделения – Фонда валютной стабилизации (Exchange Stabilization Fund) – в операциях по золотым свопам в 1995 г.

Цена, естественно, падает, после чего крупнейшие банки вроде JPMorgan, Scotia, HSBC выкупают контракты по более низким ценам. Все это, несомненно, позволяет Брэду Хопманну утверждать, что «конечным результатом операции являются большие прибыли для банков и усилившийся доллар для Федерального резерва»³.

Более того, американский специалист подкрепляет свои утверждения данными о резком росте в результате обрушающихся вбросов разрыва между количеством золота, представленного в бумажных контрактах («бумажное золото»), и количеством реально предлагаемого золота.

Соотношение на бирже Comex «бумажного золота» и физического золота, готового к поставке, находившееся после 2000 г. в среднем на уровне 20, стало резко расти в 2013 г. после того, как тогдашний руководитель ФРС Б. Бернанке заявил о планировавшемся окончании «количественного смягчения». Это соотношение достигло 117 в конце 2014 г. и совершенно невероятного уровня в 294 в конце 2015 г., т. е. на каждую унцию готового к поставке золота, было напечатано контрактов на 294 унции.

В то же время американский специалист освещает далеко не все стороны проблемы. В своем докладе он смещает акцент в пользу такого аспекта манипуляций на рынке золота и других драгоценных

металлов, как борьба за укрепление доллара. По его мнению, решение об обрушении цены на золото было принято около 2010 г. альянсом, включающим ФРС, Федеральное казначейство США, крупнейшие банки Уолл-Стрит, который вынужден был пойти на этот шаг, чтобы сохранить низкие процентные ставки при сильном долларе.

В конечном счете цена на золото, которая ранее следовала тому же тренду, что и валюта баланса Федерального резерва (это являлось естественным ограничителем против чрезмерного роста госдолга), начиная с 2013 г. стала резко снижаться, в то время как валюта баланса стала резко расти.

Однако эту ситуацию следует рассматривать и под другим углом зрения. Можно предположить, что в 2010 г., когда стало ясно, что преодолеть последствия кризиса обычными методами не удастся, началась ожесточенная схватка за перераспределение золотых резервов. При этом речь идет главным образом о перераспределении монетарного золота в пользу акционеров ФРС за счет официальных резервов различных стран, а также между акционерами ФРС, принадлежащими к различным группировкам. Крупнейшие мировые банки, действуя в альянсе с денежными властями, делают все для того, чтобы золото из официальных запасов досталось им как можно более дешево. Это является еще одним объяснением игры на понижение. В то же время в определенный момент активная фаза перераспределения может закончиться или, по крайней мере, приостановиться, и тогда будет прекращено или приостановлено искусственное занижение цены на золото. Именно в этот момент должен осуществиться дальнейший выбор стратегии, который будет зависеть от того, какая группировка возьмет верх, при этом контроль над золотом должен стать эффективным инструментом для реализации любой из стратегий.

В сложившихся условиях у России теоретически есть всего несколько лет для того, чтобы, воспользовавшись временной неопределенностью на Западе, запустить действительно суверенную модель экономики и, прежде всего, на основе кардинального перестроения внешнеэкономической модели. Рекомендации уже разработаны.

Можно соглашаться или не соглашаться с некоторыми исследователями по поводу радикальности предлагаемых мер⁴, но ясно одно – мирное сосуществование можно обеспечить лишь на путях мобилизации экономики, а не упованием на честную конкуренцию⁵. Она возможна лишь между равными по силе субъектами – причем это равенство должно ассоциироваться не только с экономической мощью, но и, самое главное, со способностью субъекта обеспечить

и защитить свой суверенитет. России противостоит Запад, находящийся под практически централизованным управлением финансового сектора. Значит, и Россия должна централизовать систему управления, включая систему внешнеэкономических связей, хотя нельзя не учитывать, что «кадровый состав административной и хозяйственной систем, большая часть правящего слоя не приспособлены ни к новой системе, ни к переходу к ней»⁶.

Отсюда следует, что необходим интеллектуальный прорыв, включая четкое осознание того, что происходит в мировой экономике. И здесь не обойтись без включения механизма интеллектуального лидерства, важнейшим элементом которого должен стать реальный плюрализм методологий.

В настоящее время запуск этого механизма во многом тормозится использованием в качестве методологической основы при выработке экономической политики России почти исключительно теоретических установок неомонетаризма. Но, во-первых, существуют и другие западные школы, например, кейнсианство. Во-вторых, у нашей страны есть длительная традиция по выработке своей собственной системы взглядов с использованием, без сомнения, любых других теоретических подходов. Поэтому для решения более глобальных задач необходимо сломать монополию в этой сфере и сформировать на базе уже имеющихся структур по крайней мере один, альтернативный существующему, исследовательский центр. Этот центр, опираясь на методологию, условно определяемую как суверенное развитие России, а также на основе междисциплинарного подхода, смог бы полноценно участвовать в выработке экономической политики страны.

Примечания

---

¹ *Rickards J.* The Golden Conspiracy // Wall Street Daily. 2017. August 4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wallstreetdaily.com/2017/08/04/the-golden-conspiracy/print/> (дата обращения: 12.11.2017).

² The Great Gold Cover Up. Uncommon Wisdom Daily. 12.08.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.uncommonwisdomdaily.com/reports/cfk/goldcoverup/v3/?ccode=08122016> (дата обращения: 12.07.2017).

³ *Op. cit.*

⁴ *Глазьев С.* Последняя мировая война: США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016. С. 423. («Коллекция Изборского клуба».)

⁵ *Фурсов А.И.* Мировая борьба: Англосаксы против планеты. М.: Книжный мир, 2016. 477 с. (Серия «Игры мировых элит».)

⁶ Там же.

О.Н. Рыбковская

Проекты СССР/России
по «дедолларизации» мировой экономики:
от Московского международного
экономического совещания (1952 г.) к БРИКС
Анализ проектов по валютной конкуренции

Укрепление экономического суверенитета Российской Федерации рассматривается как важнейшая цель в Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 г., так как нарастает опасность развязывания мировой финансовой олигархией новой мировой войны с целью мгновенного «обнуления» долгов, которые к настоящему времени достигли своей критической массы. Обеспечение экономического суверенитета РФ позволит создать альтернативный геоэкономический полюс с участием цивилизаций, которые не приемлют культ «золотого тельца» и насилия, отвергают несправедливую систему с привилегированным положением мировых резервных валют и стремятся к экономическому сотрудничеству на основе уважения государственного суверенитета, равноправия и взаимной выгоды. В статье рассматриваются попытки нашей страны по дедолларизации мировой экономики, причем анализируется как история, так и современность.

Ключевые слова: неравная валютная конкуренция, дедолларизация мировой экономики, вытеснение нефтедоллара, укрепление экономического суверенитета России, Московское международное экономическое совещание, клиринговые расчеты без доллара, евразийский геоэкономический полюс.

В конце XX – начале XXI в. в мировой экономике окончательно сложилась система, которая функционирует в интересах удовлетворения уже не жизненных потребностей человечества, а потребностей держателей денег – мировой финансовой олигархии и подчиненных ей финансовых институтов. В результате в мировой экономике стали доминировать финансы, что в сочетании с применением информационных и коммуникационных технологий создало систему, которую более адекватно было бы называть не экономикой, а финансомикой.

В настоящее время эта система в лице финансовой олигархии Запада практически исчерпала ресурсы для продления своего существования и накопила огромные долговые проблемы, которые держатели денег могут попытаться решить путем развязывания третьей мировой войны, как это неоднократно было апробировано международными банкирами совсем недавно, в XX в. Ввиду этой вполне реальной опасности все более остро осознается возможность и необходимость перехода России к более полноценному суверенному социально-экономическому развитию. Укрепление экономического суверенитета России рассматривается как первостепенная цель государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, что нашло отражение в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., которая была утверждена Указом Президента России № 208 от 13 мая 2017 г. «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

Для осуществления этого перехода необходима принципиально иная идеологическая основа, которая со временем позволит выстроить успешно функционирующую альтернативную мир-систему. В этот альтернативный геоэкономический полюс предполагается вовлечь цивилизации, не исповедующие культ «золотого тельца», насилия и неравноправия, а также страны, не желающие мириться с существующей системой неравной валютной конкуренции, где господствует доллар США как главная мировая резервная валюта и сохраняется привилегированное положение других мировых резервных валют.

Принципиальным решением этой проблемы для объединения стран с традиционными христианскими ценностями, а также с основными духовными ценностями других мировых религий, за исключением протестантизма, представляется отказ от рассмотрения прибыли как цели экономического развития ради приоритета всестороннего развития человека. Выдающийся российский ученый-логик, публицист А.А. Зиновьев следующим образом объяснял суть экономического и социального подхода к экономике: «В первом случае экономика рассматривается сама по себе, во втором же случае она рассматривается с точки зрения проблем социальных (условия труда, занятость, жизненные гарантии и т. д.)»².

Характерно, что сам третий президентский срок В.В. Путина начался в мае 2012 г. под лозунгами, близкими большинству российского народа: национальное возрождение, суверенитет России, в том числе экономический, социальная справедливость.

Уже в докладе советника Президента РФ по евразийской интеграции С.Ю. Глазьева «О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции» (январь 2013 г.) по сути предусматривался отказ от прежней политики, проводившейся в течение почти всего постсоветского периода. Предлагались отмена ряда либеральных реформ, в т. ч. отказ от либерализации валютного регулирования, офшоризации российской экономики, ликвидации привязки эмиссии рубля к притоку резервных валют, т. е. отказ от модели *currency board*, и переход к полностью суверенной денежно-кредитной политике в соответствии с внутренним спросом на деньги, а также использование средств накопительного фонда для импортозамещения, введение стратегического планирования и новая налогово-бюджетная политика, направленная на социально-экономическое развитие страны.

Тогда этот документ прозвучал как хорошо продуманный манифест, призванный инициировать широкое движение за укрепление финансово-экономического суверенитета. В данной программе уже тогда провозглашалась необходимость активного участия государства в управлении экономикой.

В результате введения Западом антироссийских экономических санкций стране де-факто была объявлена экономическая, а по сути гибридная война, которую невозможно выиграть, если продолжать проводить прежнюю экономическую политику по западным лекалам.

В феврале 2015 г. на IX съезде Федерации независимых профсоюзов Президент России В.В. Путин заявил, что России необходимо повышать свой уровень суверенитета, в том числе и в сфере экономики³.

Следует учитывать, что этот курс должен восприниматься как альтернативная философия экономики, присущая российской православной цивилизации.

После победы Д. Трампа на президентских выборах в США основной целью нового курса этого президента по сути была провозглашена смена модели банковского капитализма США на промышленный капитализм. Невзирая на агрессивную риторику нового президента в адрес Ирана, Северной Кореи и в меньшей степени России, «пар» зашедшей в тупик долговой экономики США при новой администрации может быть «выпущен» в ходе локального, не очень затяжного военного конфликта.

Д. Трамп принадлежит к числу лидеров, которые осознают гибельные последствия дилеммы Триффина для реального сектора экономики США и в силу этого объективно вынуждены отказы-

ваться от роли США как гегемона мировой экономики, так как со временем огромное количество долларов, обращавшихся за пределами США, привело к внушительному отрицательному салдо платежного баланса, а в конечном итоге – к деиндустриализации экономики страны. В силу этого Д. Трамп и другие здравомыслящие круги элиты США выступают за реиндустриализацию США, против глобализаторов-неоконов и в целом вынуждены относиться более терпимо к процессам геофинансовой регионализации в мировой экономике, несмотря на стремление вывести США из различных интеграционных группировок или пересмотреть их условия в интересах США.

Невзирая на появление хотя бы гипотетического шанса на более благоприятные внешние условия в ближайшем будущем, выстроить свои правила игры и создать альтернативный геоэкономический полюс России будет очень сложно, так как необходимо предложить такую альтернативу «Вашингтонскому консенсусу», которая позволит стране преодолеть систему неравной валютной конкуренции и выйти из состава стран «третьего валютного мира», для которых характерны не резервная валюта и вместе с тем большие природные и людские ресурсы. Перед Россией как великой державой стоит задача обеспечить переход в категорию суверенных стран «первого валютного мира» посредством создания коллективной резервной валюты ЕАЭС как «своей» интеграционной группировки. Представляется, что на данном этапе наиболее приемлемым вариантом могла бы стать эмиссия коллективной валюты в безналичной форме, например, переводного евразца (алтына и, возможно, рубля) для осуществления безналичных расчетов между странами – членами этого объединения при сохранении обращения их национальных валют на внутренних рынках этих государств.

Однако для решения данной задачи необходимо вначале обеспечить привлекательность данного проекта для стран ЕАЭС. С этой целью следовало бы прежде всего обеспечить стабильный курс рубля, т. к. каждое колебание курса российской валюты, по образному выражению советника Президента РФ по вопросам евразийской интеграции С.Ю. Глазьева, «сравнимо с землетрясением» для самой экономической системы России и вызывает у стран постсоветского пространства центробежные устремления⁴.

Необходимы также эффективные меры общегосударственного масштаба по вытеснению иностранных денег из национальной денежной системы и обузданию инфляции. При этих условиях рубль станет той российской национальной валютой, которая будет иметь достаточный авторитет для полноценного обслуживания внутрен-

него денежного оборота. Валюта с относительно меньшими темпами инфляционного обесценения и незначительными колебаниями валютного курса будет способствовать тому, что Россия станет центром притяжения, и в этом случае вокруг нее будет формироваться действительно эффективно функционирующая интеграционная группировка стран – членов ЕАЭС.

В истории нашей страны уже имеется успешный опыт решения этой задачи. После окончания Второй мировой войны экономический опыт СССР был весьма притягателен для многих стран, так как полноценный финансово-экономический суверенитет страны и стабильный курс рубля позволили успешно провести индустриализацию в 30-х гг. XX в., одержать победу в Великой Отечественной войне и за несколько лет восстановить разрушенную войной экономику. Более того, уже через четыре года после окончания войны был создан СЭВ, в котором с 1950 г. стал использоваться безналичный клиринговый рубль для двусторонних расчетов между странами-членами, а с 1964 г. – переводной рубль как коллективная безналичная валюта для осуществления многосторонних расчетов внутри этой альтернативной Западу интеграционной группировки. Введение переводного рубля значительно опередило по времени создание СДР на Западе и оказалось эффективным «пилотным» проектом создания наднациональной денежной единицы.

Успешный опыт использования клирингового рубля в СЭВ в сочетании с динамичным развитием советской экономики позволили уже в апреле 1952 г., невзирая на экономические санкции Запада против СССР, предпринять масштабную смелую попытку «дедолларизации» мировой экономики и формирования нового международного экономического порядка путем создания экономического блока стран, стремившихся к обеспечению своего финансово-экономического суверенитета. Соответствующие предложения СССР были адресованы прежде всего социалистическим и развивающимся странам во время проведения Международного экономического совещания в Москве под эгидой Всесоюзной торговой палаты, которая и разработала в конце 40-х – начале 50-х гг. такую концепцию. В работе Московского совещания участвовало более 600 представителей из 49 стран, в том числе министры внешней торговли, главы национальных торговых палат, бизнесмены, эксперты, а также представители международных экономических организаций⁵.

Создание широкой бездолларовой экономической зоны предполагалось осуществить путем развития торговли без пошлин и других ограничений, осуществления взаиморасчетов в националь-

ных валютах, взаимного согласования цен на наиболее важные товары в международной торговле и оказания странами друг другу финансовой помощи. Предоставление кредитов не должно было сопровождаться никакими кабальными условиями, что обеспечило бы полное сохранение финансово-экономического суверенитета стран-реципиентов.

Помимо этого, предусматривалось формирование международных валютных и инвестиционных резервов социалистических и развивающихся стран в рамках взносов государств-участниц в национальных валютах, а также не в «долларовой» иностранной валюте⁶. В настоящее время аналогичные решения принимаются в рамках группировки стран БРИКС, причем явно прослеживаются аналогии с инициативами, выдвинутыми СССР на Московском международном экономическом совещании 1952 г.

Однако такая система могла быть успешно создана только при условии стабильности национальных валют и в определенной мере в случае сопоставимости национальных программ социально-экономического развития. Такие условия к этому моменту существовали в основном в странах – членах СЭВ.

В ходе Международного экономического совещания в Москве СССР предложил поэтапную программу развития равноправной экономической интеграции не только всем социалистическим, но и развивающимся странам, а также заинтересованным странам Запада, некоторые из которых (например, Великобритания, недавно окончательно лишившаяся своей роли мирового гегемона, а также Австрия, Скандинавские страны и Япония) выразили заинтересованность в некоторых советских предложениях.

До конца апреля 1952 г. в Москве было подписано более 60 торговых, инвестиционных и научно-технических соглашений на срок от 3 до 5 лет, в том числе с участием СССР – 19 таких соглашений, что означало прорыв экономической изоляции со стороны Запада⁷.

Реальная возможность успешной реализации этого проекта, который «не состоялся» лишь в связи со сменой советского руководства в 1953 г., была «запрограммирована» прежде всего проведенной еще в 1918 г. национализацией важнейших отраслей промышленности и окончательным оформлением валютной монополии в СССР в 1937 г. Государство сосредоточило в своих руках всю иностранную валюту и приравненные к ней ценности, осуществляло все международные расчеты и максимально эффективно использовало запас иностранной валюты. Более того, государственная валютная монополия как надежный буфер защищала денежно-кредитную систему страны от всех «превратностей судьбы» мировой

валютно-финансовой системы: финансовых кризисов, колебаний валютных курсов и целенаправленных действий международных спекулянтов, от чего в настоящее время так страдает вся экономика и социальная сфера России. С введением государственной валютной монополии стало невозможным свободное трансграничное движение капиталов через границы СССР, которое наносит огромный экономический ущерб России в настоящее время.

Советник президента России С.Ю. Глазьев 14 марта 2016 г. отметил «крайне незначительную мощность финансовой системы России по отношению к внешним партнерам», что выражается в том, что один крупный банк США может дестабилизировать финансовый рынок России, и призвал к введению избирательных валютных ограничений, многие из которых, кстати, действуют во всех странах БРИКС, кроме Российской Федерации⁸. Однако представляется, что в отношении России полумеры, т. е. внесение поправок в Закон «О валютном регулировании и валютном контроле», не дадут желаемого результата и что в конечном счете следовало бы все же стремиться к введению государственной валютной монополии, что также позволило бы добиться реальных результатов в деофшоризации российской экономики.

Целесообразно было бы также отказаться от плавающего курса рубля и установить фиксированный курс российской валюты. Член Совета Федерации С.В. Калашников уже предлагал осуществить это по методике, использованной в 1950 г. министром финансов СССР А.Г. Зверевым на основе сопоставления покупательной способности по одной и той же продовольственной корзине рубля в Советском Союзе и доллара в США⁹.

Для обеспечения динамичного развития экономики СССР в условиях необходимости проведения ускоренной индустриализации в сжатые сроки ввиду угрозы начала Второй мировой войны, а также для быстрого послевоенного восстановления народного хозяйства была необходима защита производителей на внутреннем рынке СССР. Эту задачу в тесной связке с государственной валютной монополией решала государственная монополия внешней торговли, установленная еще в 1918 г., которая позволяла эффективно проводить политику защиты национального производителя.

В настоящее время перед Россией стоит задача реиндустриализации и восстановления реального сектора экономики в целом, которая невыполнима в условиях нынешней либерализации внешне-экономических связей, о чем свидетельствует мировой опыт. Следовательно, представляется целесообразным ввести монополию

внешней торговли и как можно более быстро осуществить разворот в сторону селективного протекционизма.

В период существования СССР решение задач экономического и социального развития страны было возможным благодаря сосредоточению «командных высот» в экономике в руках государства и полностью суверенной эмиссии рубля. Постсоветская Россия лишь недавно приступила к воссозданию государственного сектора в экономике, нередко допуская при этом приватизацию отдельных пакетов акций госкомпаний.

К тому же страна по-прежнему лишена полностью суверенной эмиссии как важнейшего финансового источника развития и вынуждена действовать в «оковах» модели *currency board* (валютное управление). Эта модель навязывается Западом зависимым от него странам еще с XIX в., при которой увеличение эмиссии национальной валюты возможно лишь при условии прироста запаса резервных валют. С одной стороны, это прочно привязывает экономику богатых сырьем стран к сырьевой модели, а с другой стороны, приводит к постоянной недомонетизации народного хозяйства этих государств, что, в частности, влечет за собой недоступность внутренних банковских кредитов для предприятий реального сектора экономики.

«Независимый» статус Центрального Банка России позволяет ему в условиях постоянной недомонетизации экономики страны проводить политику за пределами высоких ставок по сравнению со странами Запада, что особенно ярко проявилось в декабре 2014 г. Это блокирует развитие реального сектора российской экономики и стимулирует недавно приватизированную Московскую биржу и даже крупнейшие российские банки с госучастием осуществлять спекулятивные операции вместо финансирования промышленности или сельского хозяйства.

В силу этих обстоятельств представляется целесообразным сосредоточение в руках государства «командных высот» в российской экономике, причем желательно на добровольной основе в обмен на компенсацию и, возможно, предоставление концессий, отказ от модели валютного управления в пользу полностью суверенной эмиссии, которая осуществлялась бы в соответствии со стратегическим планированием развития российской экономики, а также прекращение проводимой ЦБ России политики высоких процентных ставок и переход к предоставлению долгосрочных кредитов по низкой ставке с целью развития реального сектора экономики страны. По сути, это возможно лишь при условии полного подчинения эмиссионного центра государству.

Проведение в жизнь всех этих мер позволило бы успешно реализовать решения, принятые в рамках БРИКС, которые восходят к идеям, предложенным на Московском международном экономическом совещании 1952 г., например, о создании в июле 2015 г. двух альтернативных финансовых институтов этой группировки – Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС. Однако следует учитывать, что пока еще не выполнены два основных условия успешного функционирования бездолларовой зоны БРИКС – курсы валют стран-участниц, за исключением Китая, нестабильны и отличаются волатильностью, т. к. открыты «многим ветрам» мировой валютно-финансовой системы, и в особенности подвержены валютным атакам спекулянтов из стран Запада, которые крайне заинтересованы в срыве этого смелого проекта создания альтернативной мировой финансовой системы.

К тому же существуют значительные различия в направленности национальных программ социально-экономического развития России, Китая, Бразилии и других стран БРИКС, над чем предстоит еще много работать. Тем более актуальной представляется необходимость смены курса социально-экономического развития России в сторону сближения с экономическими моделями Китая и частично Бразилии эпохи правления двух президентов – Игнасио Лула да Силвы и Дилмы Руссефф, которые с начала 2000-х гг. осуществили так называемый левый поворот в сторону активной социальной политики. Именно это стало причиной очередной попытки Запада по диффамации первого и смещению в 2016 г. второго лидера «левого поворота» в Бразилии по надуманному обвинению в коррупции.

Сложности в реализации стратегии стран БРИКС по дедолларизации мировой экономики усилились после инициированной США смены политических лидеров не только в Бразилии, но и в Южно-Африканской Республике.

Невзирая на это, Россия стала предпринимать шаги по вытеснению долларов из платежного оборота как на территории России, так и на международном уровне. Так, внутренние расчеты в российских портах будут с 2018 г. переведены с долларов на рубли.

Еще в конце апреля 2016 г. Россия запустила собственный финансовый механизм для осуществления независимой от доллара продажи российской нефти марки Urals. Тем самым произошел отказ от ценообразования в долларах, и торги Urals стали проводиться на Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой бирже (СПБМТСБ) максимально открыто. Нефть марки Urals оценивается теперь более объективно, так как рынок стабилизируется за счет

снижения воздействия колебания нефтяных цен и за счет отказа от долларов происходит снижение издержек. СПбМТСБ является самой крупной в России нефтяной биржей, которую удалось создать после того, как на отечественные нефтяные компании в 2008 г. была возложена обязанность продавать 5–10% нефти, добытой в стране. Таким образом, Россия впервые стала лишать доллар нефтяных контрактов как основы обеспечения его статуса главной мировой резервной валюты, что означает начало стремительного заката «эпохи нефтедоллара» в результате сокращения спроса на доллар.

В сентябре 2017 г. примеру России последовал Китай, который к тому же времени, как и Россия, накопил внушительные запасы золота. Было впервые объявлено о том, что КНР будет продавать фьючерсные контракты на сырую нефть на Шанхайской и Гонконгской биржах теперь не в долларах, а в юанях, причем эти юани на данных биржах можно будет обменять на золото. Очевидно, что это должно повысить привлекательность данного финансового инструмента для международных инвесторов. Тем самым в ограниченном объеме устанавливается золотой эквивалент для торговли нефтью.

Внедрение новой схемы международной торговли в обход доллара вначале стало реализовываться в рамках двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем как наиболее крупными и влиятельными членами БРИКС. 2016–2017 гг. ознаменовались знаковыми «подвижками» в мире финансов, сущность которых сводится к угрозе ускоренного вытеснения доллара США с позиций ведущей мировой резервной валюты посредством перехода России и Китая на клиринговые расчеты в юанях.

Почти одновременно с предоставлением юаню в конце 2015 г. статуса резервной валюты в МВФ Центральный Банк Российской Федерации включил юань в корзину используемых в России резервных валют.

Затем в июне 2016 г., во время визита президента России В.В. Путина в КНР, руководители обеих стран согласовали план, направленный на интеграцию их национальных финансовых систем с целью более динамичного вытеснения доллара США из международных расчетов.

Для этого с целью предварительной стабилизации курсов рубля и юаня, а также укрепления позиций валют России и Китая последовательно предпринимались меры по наращиванию золотого запаса этих стран. В России только за последний год объем монетарного золота в международной инвестиционной позиции по международным резервам увеличился на 24%. В будущем это позволит отказаться от всякой привязки рубля к доллару, как это было

сделано в Советском Союзе в 1950 г., когда СССР находился на пике своего развития и могущества. Таким образом, будет проводиться курс на золотое, а не спекулятивно-биржевое обеспечение рубля.

Важной мерой по реализации плана, направленного на интеграцию финансовых систем России и Китая, стало создание клирингового Банка по операциям в юанях на территории РФ. 23 сентября 2016 г. системообразующий Торгово-промышленный банк Китая (ICBC) получил от Народного банка Китая полномочие на открытие клирингового банка на базе своего подразделения в Российской Федерации для осуществления в России расчетов в юанях. Между тем Торгово-промышленный банк Китая уже является клиринговым банком для расчетов в национальной валюте Китая в таких странах, как Канада, Сингапур, Люксембург, Таиланд и Аргентина, т. е. непосредственно осуществляет вытеснение доллара из системы международных расчетов. Впрочем, все эти страны, в отличие от России, не относятся к мировым державам.

Однако теперь и в России – одной из крупнейших стран мира – запущен механизм безналичных расчетов в юанях по встречным требованиям и обязательствам за проданные товары, услуги или ценные бумаги, которые осуществляются посредством взаимозачета этих требований и обязательств, а созданный с этой целью расчетно-клиринговый центр позволяет создать в РФ пул ликвидности в юанях для оперативного осуществления расчетов по торговым и финансовым операциям в национальной валюте КНР. Это способствует значительному сокращению спроса на доллар США в мировой экономике и повышению статуса юаня в международных расчетах. Главное преимущество клиринга заключается в невозможности использования для взаимных расчетов денежных знаков, не обеспеченных материальными ценностями, а также в создании препятствий для завоевания той или иной валютой монопольных позиций в мировой валютной системе.

К тому же только Торгово-промышленный банк Китая из числа китайских банковских институтов обладает лицензией на проведение операций с ценными бумагами, что значительно облегчает возможности взаимного инвестирования в экономику каждой из обеих стран. Так, Торгово-Промышленный банк Китая уже сумел обеспечить поступление первого синдицированного кредита в юанях на российский рынок и даже выпустил первую банковскую карту в юанях совместно с China Union Pay¹⁰.

Более того, с целью интеграции финансовых систем Китая и России Министерство финансов России собирается выпустить

облигации федерального займа в юанях стоимостью около одного миллиарда долларов. Это станет средством привлечения денежных средств из Азии, компенсирующих закрытие доступа на некоторые западные рынки в связи с введением санкций. В то же время в Китае планируется выпуск рублевых облигаций.

В связи с этим Банк России 14 марта 2017 г. именно в столице КНР – Пекине – открыл свое первое зарубежное представительство. Теперь центральные банки России и Китая изучают масштабы спроса на эти ценные бумаги и возможности их размещения, а также разрабатывают Меморандум о взаимопонимании для решения различных технических вопросов, связанных с эмиссией и размещением облигаций в обеих национальных валютах.

Начиная с конца 2016 г. Россия и Китай развивают валютные свопы в рублях и юанях через Банк России и Народный банк Китая.

Такое двустороннее сотрудничество между Россией и Китаем как наиболее влиятельными членами БРИКС подрывает статус доллара США как главной мировой резервной валюты.

Территория России пролегает вдоль Экономического пояса Великого шелкового пути Китая, который КНР символично называет «одним поясом и одним путем». На деле под этим подразумевается создание мощного евразийского геоэкономического полюса сотрудничества широкого круга стран, и не только членов БРИКС, на основе равноправия, уважения государственного суверенитета и взаимной выгоды в качестве альтернативы гегемонистскому глобализационному проекту США.

Президент России В.В. Путин стал единственным из мировых политиков, которому успешная военная операция России в Сирии, продемонстрировавшая всему миру восстановление и укрепление военно-политического суверенитета РФ, на IX саммите БРИКС+ в китайском Сямэне (сентябрь 2017 г.) позволила впервые открыто заявить о совместной работе стран БРИКС по преодолению «чрезмерного господства доллара США». Тем самым из уст российского президента прозвучала мысль о недопустимости и несправедливости сохранения системы неравной валютной конкуренции, которая в ее нынешнем виде сформировалась в течение более двух десятилетий после окончания Второй мировой войны. На саммите БРИКС речь шла о «реформах международного финансового регулирования» против монополии «ограниченного числа резервных валют». Это означает, что страны БРИКС открыто заявили о своем стремлении к дедолларизации мировой экономики¹¹.

Следует отметить, что данный саммит впервые проходил в расширенном составе. Помимо четырех государств, названия которых

отражены в аббревиатуре БРИКС, в формат «БРИКС плюс» вошла даже Мексика – крупная, динамично развивающаяся страна, которая традиционно находится под сильным влиянием США, а также Египет, Таиланд, Гвинея и Таджикистан, который одновременно является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Расширенный формат БРИКС впервые был представлен мировой общественности еще в марте 2017 г., однако именно в ходе сентябрьского саммита этого объединения данный формат был наполнен конкретным содержанием и получил финансовое обеспечение своей деятельности в лице Нового банка развития стран БРИКС. На этот альтернативный Всемирному банку финансовый институт и было возложено финансирование расширения БРИКС.

Таким образом, БРИКС по сути представляет собой точку «сборки» стран, не желающих дальше мириться с господствующим положением доллара в мировой экономике. В силу географического расположения стран – членов БРИКС эта группировка, более того, претендует на контроль над глобальным Югом, где сосредоточено большинство легкоизвлекаемых ресурсов планеты.

К тому же позиции нефтедоллара будут резко ослаблены в результате того, что в октябре 2017 г. России, помимо стран БРИКС, удалось в определенной мере привлечь на свою сторону еще одну крупную державу Юга – Саудовскую Аравию, которая занимает второе, а временами и первое место в мире по добыче нефти и до настоящего времени в основном следовала в фарватере США. Именно соглашение между США и Саудовской Аравией о продаже нефти за доллары в обмен на поставки оружия из Соединенных Штатов стало в начале 70-х гг. краеугольным камнем нефтедолларового стандарта. В настоящее время Россия и эта монархия Персидского залива вместе контролируют 25% мирового рынка нефти.

В ходе первого в истории отношений между обеими странами визита в Россию короля Саудовской Аравии Салмана были достигнуты договоренности и проведены переговоры об ограничениях добычи нефти, что приведет к положительной динамике цен для стран – экспортеров «черного золота», а также о поставках российских новейших вооружений в Саудовскую Аравию, что подрывает саму основу нефтедолларового стандарта. Более того, предполагается совместная разработка нефтяных месторождений и создание платформы объемом 1 млрд. долл. для инвестиций в технологическом секторе, что позволит России обойти санкции Запада, и прежде всего в сфере поставки технологий для энергетического сектора российской экономики¹².

В целом России по праву принадлежит интеллектуальное лидерство в БРИКС, и в этом отношении наша страна достойно продолжает выступать в качестве инициатора, своего рода «генератора идей» движения за дедолларизацию мировой экономики, начало которому было положено еще Советским Союзом в 1952 г. на Московском международном экономическом совещании.

Примечания

- ¹ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс] URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/140/28/53/strategiya2030.pdf> (дата обращения: 12.10.2017).
- ² *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. [Электронный ресурс] URL: <http://7lafa.com/book.php?id=41768&page=35> (дата обращения: 14.03.2016).
- ³ Путин: РФ надо повышать уровень суверенитета, в том числе в экономике. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/economy/20150207/1046467117.html> (дата обращения: 10.02.2015).
- ⁴ Глазьев на РСН: Без стабильного рубля фундамент экономики РФ превратится в песок. 31.01.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://rusnovosti.ru/posts/407041> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁵ Полвека назад в Москве искали альтернативу проамериканской глобализации. 08.06.2011. [Электронный ресурс] URL: http://prioratos.blogspot.ru/2011/06/blog-post_4279.html (дата обращения: 18.12.2017).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Советник Путина призвал спасти рубль от хаотического влияния США. 14.03.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/14/saverub/> (дата обращения: 16.03.2016).
- ⁹ Курс рубля хотят назначать по сталинской методике. 22.01.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/01/22/kurs-rublya-khotyat-naznachat-po-stalinskoj-metodike.html> (дата обращения: 30.01.2016).
- ¹⁰ *Рыбковская О.Н.* Двусторонний клиринг между Россией и Китаем как вызов гегемонии доллара США. [Электронный ресурс] URL: <http://newknowledge.ru/articles/dvustoronniy-kliring-mezhdu-rossiy-i-kitaem-kak-vyzov-gegemonii-dollar-ssha/> (дата обращения: 09.10.2017).
- ¹¹ *Новицкий И.* Конец финансового господства США: Путин бросает вызов нефтедоллару. 07.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://politikus.ru/events/100055-koniec-finansovomu-gospodstvu-ssha-putin-brosael-vyzov-neftedollaru.html> (дата обращения: 09.10.2017).
- ¹² *Князев С.* Визит короля Саудовской Аравии в Москву – «пятерка» внешней политике Москвы. 6.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2017/10/06/saudojskaya-araviya/811762-vizit-korolya-saudojskoj-aravii-v-rossiyu-pyaterka-vn> (дата обращения: 09.10.2017).

И.Л. Юрзинова, В.Н. Незамайкин

Оценка эффективности функционирования системы финансового планирования: интегральный подход к оценке

Авторы предлагают собственный подход к эффективности функционирования системы финансового планирования как степени экономической оправданности расходов, которые несет корпорация в связи с функционированием этой системы, выделяя основными направлениями (асpekтами) оценки: организационный, управленческий, финансовый, технологический. В статье дано развернутое описание перечисленных направлений.

Ключевые слова: эффективность бизнес-процессов, экономическая оправданность расходов, организационный аспект, управленческий аспект, финансовый аспект, технологический аспект, критерии оценки.

В статье «Оценка эффективности функционирования системы финансового планирования: сравнительный анализ существующих подходов к оценке»¹ мы рассмотрели современные подходы к оценке эффективности финансового планирования; опишем теперь, какой нам представляется оценка эффективности функционирования системы финансового планирования². Сразу отметим, что мы не претендуем на окончательность предлагаемой методики, она также, возможно, может быть дополнена и оптимизирована.

Начнем с того, что под эффективностью функционирования системы финансового планирования мы предлагаем понимать степень экономической оправданности расходов, которые несет организация в связи с функционированием этой системы. Более адекватным критерием была бы, скорее всего, степень полезности системы финансового планирования, однако в нашем случае сам термин «полезность» нуждается в уточнении, кроме того, оценивать

«полезность» экономическими методами удобнее как раз посредством оценки оправданности расходов.

Далее необходимо определиться с основными направлениями (асpekтами) оценки. Целесообразно рассматривать следующие аспекты:

- 1) организационный;
- 2) управленческий;
- 3) финансовый;
- 4) технологический.

1. *Организационный аспект* оценки отражает тот факт, что современная система финансового планирования (за исключением, пожалуй, только субъектов малого бизнеса) – это сложный бизнес-процесс, охватывающий все сферы хозяйственной деятельности и требующий скоординированного взаимодействия практически всех подразделений организации. Нарушение координации таких взаимодействий приводит к целому ряду негативных последствий, прежде всего к перерасходу ресурсов на создание финансового плана и снижению его качества.

Оценивать качество организационного взаимодействия можно по целому ряду направлений, но нам представляется целесообразным сосредоточиться на двух основных: организации информационного взаимодействия и организации работы самой системы финансового планирования.

1.1. Применительно к организации информационного взаимодействия нас прежде всего интересуют предоставление подразделениями организации исходной информации для формирования/корректировки/оценки качества финансового плана, а также оперативность предоставления системой финансового планирования необходимого финансового обоснования для принятия управленческих решений. Основная задача данного направления – оценка уровня ресурсных потерь вследствие несвоевременного предоставления информации либо предоставления информации недопустимого качества, при этом оценивать необходимо как предоставление информации в систему финансового планирования, так и предоставление информации самой этой системой руководству.

В качестве оценочных коэффициентов здесь можно предложить:

а) *коэффициент своевременности предоставления информации*, который можно рассчитать, например, по следующей формуле:

$$K_{\text{своевр}} = \frac{\text{Кол-во запросов за период, исполненных с нарушением срока}}{\text{Общее кол-во запросов за период}} \quad (a1)$$

$K_{\text{своевр}}$ можно рассчитывать как в целом по организации, так и по каждому подразделению, предоставляющему информацию в систему финансового планирования. Отметим, что значение данного коэффициента для самой системы финансового планирования ($K_{\text{своевр}}^{\text{СФП}}$) необходимо определять отдельно от показателей по остальным подразделениям и в целом по организации³, расчетная формула при этом будет аналогичной.

Расчетную формулу коэффициента можно усложнить, дополнительно введя в рассмотрение сроки запаздывания или распределив информационные запросы по степени срочности. В первом случае будет целесообразным оценивать отношение суммарного времени просрочки запросов к установленному времени их исполнения:

$$K_{\text{своевр}}^{\text{врем}} = \frac{\sum_{i=1}^N \frac{\text{срок нарушения запроса в днях (часах)}_i}{\text{установленный срок исполнения в днях (часах)}_i}}{\sum_{i=1}^N \text{установленный срок исполнения в днях (часах)}_i}, \quad (\text{a2})$$

где N – общее количество информационных запросов в исследуемом периоде времени.

Во втором случае необходимо будет сначала распределить все информационные запросы по степени важности и в зависимости от этой характеристики присвоить веса (например, все важные запросы учитывать с весом 2, а прочие с весом 1; возможны и более сложные группировки запросов – нам представляется, что конкретная конфигурация группировки должна определяться исходя из вида хозяйственной деятельности, масштаба и организационной структуры организации, а также целого ряда иных индивидуальных для каждой организации факторов). Расчет коэффициента своевременности можно будет проводить как по формуле a1, так и по формуле a2, с той только разницей, что в числителях формул необходимо будет дополнительно ввести умножение каждого значения на его вес, а затем суммирование по всем весовым категориям. Приведем уточненный вариант расчетной формулы для случая a1:

$$K_{\text{своевр}}^{\text{ввес}} = \frac{\sum_{j=1}^K \text{КПЗ}_j * P_j}{N}, \quad (\text{a1-мод})$$

где j – счетчик категорий важности запросов, выделенных в конкретной организации; КПЗ_j – количество просроченных запросов в j -й категории важности; P_j – вес запросов j -й категории;

б) *коэффициент качества предоставляемой информации*, основное назначение которого – оценить долю информационных запросов, ответы на которые поступили, возможно, своевременно, но

содержащаяся в них информация не удовлетворяла тем характеристикам, которые были указаны в запросе (т. е. долю так называемых отписок); расчетная формула коэффициента может иметь следующий вид:

$$K_{\text{кач\_инф}} = \frac{\text{Кол-во повторных запросов за период}}{\text{Кол-во первичных запросов за период}} \quad (6)$$

Возможны и более сложные модификации данного коэффициента, однако, как нам представляется, в большинстве случаев вполне пригодна предложенная выше формула.

Подводя итог оценке организационного аспекта функционирования системы финансового планирования, отметим, что анализ расчетных коэффициентов (как предложенных нами, так и иных, сконструированных по аналогичному принципу) возможен как сам по себе, так и в составе комплексной или интегральной оценки эффективности функционирования системы финансового планирования. Основная сложность здесь заключается не столько в выборе расчетных формул для оценочных коэффициентов, сколько в определении для них пороговых значений диапазонов «качества». То есть в решении (в самом простом случае) задачи – какие значения данных коэффициентов допустимы, а при каких система организации информационного обмена нуждается в незамедлительной корректировке, в том числе и путем депремирования/штрафования руководителей подразделений, допускающих существенные нарушения информационного обмена. Решение данного вопроса целиком и полностью зависит от особенностей самой организации, причем привести какие-то общие рамки или градации не представляется нам целесообразным.

1.2. В части организации собственно работы по разработке/корректировке/анализу исполнения финансовых планов основной задачей, как нам представляется, является выявление ресурсных потерь внутри самой системы финансового планирования, например, вследствие дублирования функций и/или видов плановой работы, наличия «лишних» сотрудников и т. п. Отметим, что потери вследствие несовершенства применяемых технологий планирования, в частности, программного обеспечения, мы предполагаем оценивать в рамках технологического аспекта оценки.

Начнем с того, что для требуемой нам оценки абсолютно неприменим подход, предложенный сотрудниками компании «БИК-Проджект»⁴ и ориентированный на сокращение времени подготовки документов, реализованный ими в виде приведенного выше коэффициента $K_{\text{спб}}$. Данный коэффициент предполагает

оценивание сокращения сроков подготовки документов в системе бюджетирования (в нашем случае – финансового планирования) по двум аспектам: время на подготовку и количество задействованных функций. Два основных возражения против данного подхода можно сформулировать следующим образом:

1) быстро – это далеко не всегда хорошо; то есть существуют (и чаще всего это так и есть) объективные обстоятельства, которые требуют времени на осмысление, проведение модельных экспериментов, да и просто на осознание возможных последствий – в подобных условиях борьба за скорость подготовки финансовых планов может вестись только в ущерб их качеству (а вот здесь возникает вопрос – кому интересен достаточно дорогой финансовый план, если он подготовлен за один день, но через месяц потребует полной переделки в связи с вновь открывшимися обстоятельствами⁵);

2) сокращение количества функций оправдано далеко не всегда, поскольку в ходе этого процесса происходит не только удаление лишних функций (что хорошо), но и совмещение функций (что может быть очень плохо); в качестве простейшего примера приведем попытку назначить в крупной организации одного специалиста службы финансового планирования ответственным за планирование денежного потока и активов (на том основании, что актив, согласно многим школам финансового менеджмента, это овеществленный денежный поток) – понятно, что качественные характеристики результатов работы данного специалиста будут существенно ниже, чем если бы этими объектами занимались два человека (или отдела).

Сразу оговоримся, что мы не готовы предложить какие-то конкретные коэффициенты и их расчетные формулы, которые позволили бы адекватно численно оценить качество организации системы финансового планирования – прежде всего потому, что такая оценка очень индивидуальна. В ней необходимо учитывать такие условия организации системы финансового планирования, как структура планового отдела (как минимум, количество отдельных участков плановой работы), количество информационных запросов между этими участками, объемы предоставляемой и обрабатываемой информации, сложность структуры операционного и финансового разделов общего финансового плана организации, вариативность внешней среды, определяющей основные ограничения финансового плана и еще довольно много условий, сильно различающихся для организаций даже в рамках одной сферы хозяйственной деятельности.

Оптимальным выходом в данном случае нам представляется экспертная оценка по результатам аудита работы системы финан-

сового планирования, поскольку только такой подход позволит наилучшим образом учесть все индивидуальные особенности конкретной организации, отражающиеся на работе системы финансового планирования. Однако и здесь организация, скорее всего, столкнется с серьезными трудностями:

- при проведении внутреннего аудита высока вероятность сознательного искажения результатов: либо аудиторы из числа сотрудников финансовой службы будут «выгораживать своих», либо аудиторы из числа смежных служб будут «валить конкурентов», кроме того, возможны и такие варианты, как приверженность традициям и элементарная недостаточная компетентность (оптимизация сложных систем и процессов вообще задача исключительно сложная и под силу очень немногим экспертам);
- при проведении внешнего аудита возможен самый широкий спектр «остаточных» проблем: от, мягко скажем, несоответствия качества аудита затраченным на него ресурсам⁶ до утечки информации к конкурентам (все-таки система финансового планирования – это «святая святых» организации, вся ее информация относится к разряду коммерческой тайны).

Вместе с тем в качестве самого простого решения можно предложить систему внутренней экспертной оценки, в которой руководители задействованных в системе финансового планирования подразделений будут давать оценку степени удобства и полезности данной системы. Критериями оценки могут быть:

- количество необоснованных дублирующих запросов от различных подразделений службы финансового планирования;
- скорость, адекватность и полнота реакции системы финансового планирования на запросы других подразделений и служб;
- удобство предоставляемой либо получаемой информации;
- частота обращения к службам финансового планирования (желаемая и фактическая) и т. п.

Экспертная оценка может быть построена по триггерному типу (да / нет, устраивает / не устраивает) или же могут быть разработаны более сложные системы балльной оценки, в которых по каждой позиции эксперт выставляет количество баллов в установленных пределах. В дальнейшем должна быть определена средняя либо средняя весовая (при наличии неравнозначных подразделений) оценка в целом по всем опрошенным руководителям подразделений⁷.

2. *Управленческий аспект* оценки должен отражать эффективность функционирования системы финансового планирования как сегмента общей системы управления хозяйственной деятельностью организации. Традиционно оценка эффективности управления производится либо по качеству самого управления, либо по конечному результату деятельности. В случае системы финансового планирования и с тем, и с другим вариантом объективно существуют некоторые проблемы.

Оценку качества функционирования системы финансового планирования как управленческой подсистемы необходимо производить на основании оценки качества основного результата ее деятельности, т. е. качества составления финансового плана. Такую оценку проще и логичнее всего производить либо по результатам анализа числа корректировок плана в ходе его реализации, либо по отклонениям фактических значений от плановых. Однако здесь обязательно нужно учитывать тот факт, что и корректировки, и отклонения не всегда являются следствием плохого качества подготовки финансового плана: возможны форсмажорные обстоятельства или существенные изменения условий хозяйствования, которые система финансового планирования на стадии разработки финансового плана не могла учесть в силу объективных особенностей своей организации. Поскольку обе причины возникновения отклонений и корректировок (плохое качество подготовки финансового плана и влияние изменившихся условий внешней и внутренней среды) неочевидны и тесно переплетены между собой, оценить объективную долю потери точности финансового плана, приходящуюся на просчеты планирования, практически невозможно. Еще более неразрешимой задача оценки станет, если мы попытаемся оценить величину упущенной выгоды, которую организация не получила вследствие просчетов планирования⁸.

В случае оценки по конечным результатам деятельности организации основной проблемой является выявление той объективной доли полученного финансового результата, которая возникла благодаря стараниям службы финансового планирования (а не изменениям конъюнктуры рынка, технологическим изменениям в продукции, усилиям маркетологов и т. п.). Здесь важно понимать, что прибыль, полученная вследствие реализации производимой организацией продукции⁹, есть результат работы производственных подразделений, производящих эту готовую продукцию (в случае недостаточной конкурентоспособности продукции часть заслуги по получению прибыли перейдет к сбытовым подразделениям, обеспечившим ее реализацию); однако в получении прибыли нико-

им образом не будет заслуги системы финансового планирования, чья роль сводилась к отражению в финансовом плане тех данных о производстве и реализации продукции, которые были получены на предварительном этапе от производственных и сбытовых подразделений.

Иное дело, если система управления деятельностью организации построена таким образом, что в функции системы финансового планирования входит согласование работы различных производственных подразделений – с целью недопущения перепроизводства отдельных компонентов готовой продукции и, следовательно, перерасхода ресурсов организации. В этом случае будет возможно говорить о том, что часть полученной прибыли действительно является заслугой системы финансового планирования, функционирование которой не допустило нецелесообразных расходов. Однако оценивать этот эффект – экономию расходов – логичнее в рамках следующего, финансового аспекта оценки.

Возвращаясь к управленческому аспекту оценки, отметим, что в силу описанных трудностей адекватно и объективно оценить качество функционирования системы финансового планирования в качестве отдельной подсистемы общей системы управления организацией (т. е. ее «полезность» для управления организацией) без проведения специальных дополнительных исследований¹⁰ крайне сложно.

Вместе с тем выпускать из рассмотрения этот аспект оценки нецелесообразно, поскольку полноценность, всесторонний охват и адекватность оценки существенно снизятся. Логичным выходом из сложившейся ситуации нам представляется, как и в отношении предыдущего аспекта, проведение оценки экспертным методом. Общие соображения относительно круга опрашиваемых и принципов построения оценочной шкалы в данном случае могут быть аналогичными изложенным выше, а в качестве оценочных критериев можно предложить, например, следующие:

- частота использования информации системы финансового планирования при обосновании принимаемых управленческих решений;
- количество обращений в службу финансового планирования в течение года с запросами на проведение специальных исследований, повышающих обоснованность разрабатываемых управленческих решений;
- доля успешных (эффективных, полезных для организации, улучшивших финансовое состояние организации и т. п.) управленческих решений, принятых на основании информации, предоставленной службой финансового планирования и др.

3. *Финансовый аспект* функционирования любой хозяйственной системы либо процесса логичнее всего оценивать посредством соотнесения доходов и расходов. При этом для получения адекватной оценки крайне важно определить ту долю общего дохода организации, которая приходится именно на оцениваемый объект. Проще всего проводить такую оценку для:

- отдельных операций реализации: доходом здесь является выручка от реализации, расходами – все расходы, связанные с этой операцией;
- обособленных проектов: поскольку проект обособлен от остальной деятельности организации, его доходы и расходы достаточно легко определить;
- деятельности филиалов и обособленных подразделений, ведущих самостоятельную хозяйственную деятельность: доходы и расходы в таких случаях учитываются обособленно по каждому такому подразделению вне зависимости от того, есть ли у него свои финансовая служба и бухгалтерия (например, отдельный магазин в сети розничной торговли);
- отдельных направлений деятельности организации, когда специфика деятельности требует обособления доходов и расходов по направлениям (например, оптовая и розничная торговля в оптово-розничной организации). В этих и иных подобных случаях доход организации, возникший благодаря функционированию объекта оценки, достаточно легко определить. Но для интересующего нас объекта (система финансового планирования) определить величину дохода, полученного именно благодаря деятельности этой системы, весьма проблематично в силу специфики самого финансового планирования. Для того чтобы полностью понимать суть возникающей проблемы, необходимо четко осознавать разницу между финансовой службой организации (финансовую эффективность деятельности которой оценить традиционным способом возможно: для этого используют данные о доходах, полученных от осуществления финансовых и отдельных инвестиционных операций) и финансовым планированием как специфической функцией (причем одной из многих) этой самой финансовой службы.

В отдельных случаях такая задача решаема. Допустим, что доход организации сильно зависит от динамики курса определенной валюты или ценной бумаги – в этом случае можно принять за основу оценки утверждение, что доход организации в целом определяется точностью прогноза курса данной валюты (ценной бумаги) на

заданном временном интервале¹¹. В таких условиях будет справедливо считать, что чем меньше отклонение фактической величины курса от плановой, тем лучше работа службы финансового планирования. Однако и в этом случае соотнести доходы с расходами для системы финансового планирования будет возможно только в том случае, если вся деятельность организации будет финансовой.

Более многообещающим способом провести адекватную оценку финансовой эффективности функционирования системы финансового планирования без преодоления значительных трудностей является рассмотрение в качестве дохода данных об экономии расходов. Предпосылкой для этого является тот факт, что одной из основных задач финансового менеджмента (а система финансового планирования реализует одну из его функций) является экономия ресурсов¹²; при этом любому финансовому менеджеру понятно, что реализуются разнообразные приемы оптимизации, приводящие к такой экономии, именно на стадии финансового планирования¹³, а значит, сокращение расходов допустимо считать заслугой системы финансового планирования. При таком подходе финансовую эффективность функционирования системы финансового планирования можно оценить при помощи достаточно простого коэффициента, имеющего вид:

$$K_{\text{фэ}} = \frac{\text{Экономия на расходах по планируемой деятельности за период}}{\text{Расходы на финансовое планирование в периоде}} .$$

Подобный подход к оценке также целесообразно использовать при анализе внедрения либо реорганизации системы финансового планирования, когда, как это мы уже писали выше, вполне уместно рассматривать систему финансового планирования как инвестиционный проект. Поскольку инвестиционная оценка в своем традиционном варианте предусматривает соотношение доходов и расходов (о денежном потоке – притоках и оттоках – в данном случае говорить нет необходимости), использование в качестве дохода оценочных данных о будущей экономии расходов вполне обоснованно. Единственное, что в данном случае нельзя упускать из виду, – это необходимость рассматривать две составляющие такой экономии: экономию на будущих расходах организации вследствие начала (либо повышения качества – при реорганизации) функционирования системы финансового планирования и экономию на расходах на собственно финансовое планирование вследствие применения более совершенных систем сбора, обработки, анализа и хранения информации и т. п.

4. *Технологический аспект* оценки должен отражать уровень автоматизации процесса финансового планирования. Необходимость введения этого аспекта обуславливается тем, что современные системы финансового планирования практически не могут функционировать без использования автоматизированных средств. В простейших случаях это система таблиц MS Excel, самостоятельно разрабатываемая финансовым менеджером; в сложных – специальные программные продукты, разрабатываемые ИТ-подразделениями организаций в сотрудничестве со специалистами по управлению финансами, включая финансовых менеджеров, занимающихся вопросами финансового планирования.

Использование специальных технологических решений существенно расширяет возможности системы финансового планирования, предоставляя, например, следующие возможности и преимущества:

- повышает скорость и точность обработки информации, позволяет существенно увеличить объемы обрабатываемой информации;
- позволяет применять в финансовом планировании сценарный подход, а также проводить априорные модельные эксперименты, цель которых заключается в моделировании оптимальной прогнозной финансовой отчетности;
- снижает уровень субъективности в финансовом планировании и др.

Таким образом, эффективная современная система финансового планирования – это на 50% (если не больше) эффективное программное обеспечение процесса финансового планирования. Это и обуславливает необходимость отдельной оценки качества («полезности») применяемого программного обеспечения.

Широта оценки технологического аспекта опять-таки во многом зависит от самой организации. Для сложных программных продуктов, применяемых в крупных организациях и корпорациях, в нее могут быть, в частности, включены критерии, отражающие отдельные технические особенности программного обеспечения (например, скорость передачи данных по каналам внутренней связи, объемы информации, обрабатываемой в единицу времени и т. п.). В более простых случаях необходимость в применении подобных критериев может отсутствовать.

Вместе с тем нам представляется, что существует несколько наиболее общих критериев оценки технологического аспекта, которые целесообразно применять в любом случае. К их числу можно отнести:

- количество отказов/сбоев в работе программного обеспечения в течение заданного промежутка времени (скорее всего – в течение года);
- среднее количество корректировок программного обеспечения, которое потребовалось внести в течение заданного промежутка времени;
- доля специальных исследований службы финансового планирования, для проведения которых потребовалось привлечение иного программного обеспечения;
- доля операций в системе финансового планирования, проводимых вручную и/или требующих ручной корректировки (настройки) существующего программного обеспечения и т. п.

Итак, выше были описаны четыре предлагаемых нами аспекта оценки эффективности функционирования системы финансового планирования. Каждый из этих аспектов характеризует работу системы с какой-либо одной стороны, при этом аспекты не пересекаются между собой, а дополняют друг друга, позволяя получить всестороннюю (и, следовательно, более адекватную) оценку. На финальном этапе оценки остается только объединить воедино результаты оценки по всем четырем аспектам и на основании этого вынести обоснованное суждение об общей эффективности функционирования рассматриваемой системы.

Существует несколько способов решения подобной задачи, возможность и целесообразность применения каждого из которых будет определяться в зависимости от ситуации, сложившейся в конкретной организации. Опишем вкратце каждый из них.

Способ 1. Экспертная оценка. При этом способе обобщения эксперт, которому доверено вынесение общего суждения об эффективности функционирования системы финансового планирования, исследует результаты оценки, полученные по всем аспектам, и на основании анализа этих результатов выносит свое заключение. Достоинством способа является простота и невысокая ресурсоемкость, недостатком – субъективность результата.

Способ 2. Балльная оценка. Для реализации этого способа предварительно должна быть разработаны оценочные шкалы по каждому аспекту в отдельности, на основании которых результатам оценки по каждому аспекту присваивается определенное количество баллов. Далее баллы по всем аспектам суммируются и итог соотносится с предварительно разработанной общей оценочной шкалой. Достоинством этого способа является возможность простого совместного учета (путем сложения баллов) нескладываемых между собой напрямую результатов, недостатки типичны для всех

балльных систем оценки: сложность разработки оценочных шкал, условность позиционирования того или иного количества баллов при оценке и т. п.

Способ 3. Весовая оценка. Достоинством данного способа является возможность неравнозначного учета различных аспектов – путем присвоения наиболее важным аспектам большего веса в итоговом результате оценки. Целесообразно упомянуть два наиболее простых варианта весовой оценки:

- весовая балльная оценка, при которой баллы складываются в общий итог не напрямую, как в случае обычной балльной оценки, а рассчитывается средний весовой балл;
- весовая экспертная оценка¹⁴, при которой эксперт вначале присваивает результату оценки по каждому аспекту одного из трех возможных значений: хорошо/нормально (+1), удовлетворительно/допустимо (0), плохо/недопустимо (-1); а затем численное выражение результатов по всем аспектам используется при расчете среднего весового значения обобщенной оценки (которое, как легко заметить, будет находиться в том же диапазоне от -1 до +1, что легко может быть интерпретировано).

В заключение настоящей статьи отметим, что предложенный нами подход к оценке эффективности функционирования системы финансового планирования позволяет провести более адекватную оценку по сравнению с другими, описанными в начале статьи, подходами, поскольку в большей степени учитывает все особенности функционирования данной системы, а также ее роль и место в общей системе управления организацией.

Еще одним достоинством нашего подхода является невысокая ресурсоемкость, поскольку проведение оценки практически не предполагает проведения специальных исследований, требующих больших ресурсов затрат.

Представляется, что применение предложенного подхода (или усовершенствованных его вариантов) позволит повысить эффективность функционирования системы финансового планирования – путем стимулирования этого процесса за счет появления системы объективного контроля.

Примечания

---

¹ Юрзинова И.Л., Незамайкин В.Н. Оценка эффективности функционирования системы финансового планирования: сравнительный анализ существующих подходов к оценке // Вестник РГГУ. Экономика. Управление. Право. 2017. № 2 (8). С. 9–20.

- ² Сразу оговоримся, что мы не отождествляем финансовое планирование и бюджетирование, рассматривая бюджетирование как один из инструментов финансового планирования. Подробнее об этом: *Незамайкин В.Н., Юрзинова И.Л.* Бюджетирование: методология или инструмент // *Финансы и кредит.* 2012. № 44 (524). С. 16–21. Поскольку в нашем понимании система финансового планирования шире системы бюджетирования, целесообразно оценивать эффективность функционирования более широкой системы.
- ³ Отметим, что при расчете коэффициента можно отдельно учитывать случаи, когда задержка информации, предоставляемой самой системой финансового планирования, произошла не по ее вине, а вследствие задержки/предоставления некачественной информации иными подразделениями. Однако целесообразность такого уточнения должна определяться индивидуально.
- ⁴ См.: *Юрзинова И.Л., Незамайкин В.Н.* Оценка эффективности...
- ⁵ В данном случае мы не ведем речь о форс-мажоре. Имеются в виду те финансовые и нефинансовые обстоятельства, которые вполне поддаются планированию, но просто в силу лимита времени не были приняты во внимание в ходе создания первоначального варианта плана (то есть их попросту упустили из виду или забыли в спешке).
- ⁶ Много лет вплотную занимаясь различными вопросами управления финансами, финансового планирования и финансового анализа, авторы данной статьи проанализировали огромное количество самой разнообразной информации в данной области, но так и не нашли научную школу или консалтинговую организацию, которым можно было бы безоговорочно доверять. Да и себя в качестве «истины в последней инстанции» мы не позиционируем даже в общении со студентами. Причина в колоссальном многообразии не только условий, но и различных нюансов этих условий, которые вполне могут ускользнуть от внимания эксперта и которыми изобилует обычная хозяйственная деятельность более-менее крупных организаций.
- ⁷ В случае, если организация решит применить описанный нами метод, мы настоятельно рекомендуем начинать опросную анкету с вопроса вида «Необходима ли в деятельности вашего подразделения система финансового планирования?». Если ответом на этот вопрос будет «нет» (а это характерно для различных вспомогательных подразделений), то дальнейший опрос можно прекратить (при электронном анкетировании) либо дальнейшие ответы можно игнорировать (при бумажном анкетировании).
- ⁸ То есть будем, в определенном смысле, решать задачу оценки «бесполезности» расходов на систему финансового планирования.
- ⁹ Для простоты будем рассматривать сферу материального производства, в иных сферах приведенные нами соображения останутся неизменными, изменятся лишь формулировки.
- ¹⁰ Проведение которых, естественно, потребует дополнительных затрат, что вряд ли целесообразно.

- ¹¹ При этом будем считать, что задача составления этого прогноза решается именно в рамках функционирования системы финансового планирования.
- ¹² Самый, пожалуй, простой пример – определение оптимального объема заказа сырья исходя из условия минимизации совокупности расходов на осуществление заказа и хранение сырья. Из более продвинутых примеров можно привести управление средневзвешенной стоимостью капитала.
- ¹³ Неважно, о каком планировании – стратегическом / тактическом / оперативном, долгосрочном / среднесрочном / краткосрочном – идет речь, в любом случае можно привести не один пример применения различных приемов и методов оптимизации расходов.
- ¹⁴ Приведена простейшая разновидность такой оценки, в ряде случаев ее вполне достаточно для решения рассматриваемой нами задачи.

Е.Ю. Князева, В.В. Терехова

Государственная долговая политика России на современном этапе

В статье рассматривается классификация государственного долга, исследуется долговая политика Российской Федерации на современном этапе, рассматриваются основные формы управления госдолгом в соответствии с требованиями времени, анализируются действующие нормативные правовые акты и обновленное современное законодательство, регулирующие отношения по государственному долгу, а также возможные меры по уменьшению долгового бремени государства и субъектов.

Ключевые слова: госдолг, госкредит, долговая книга, рефинансирование, реструктуризация, облигации, государственные гарантии.

Все государства, и Российская Федерация в данном случае не исключение, имеют государственный долг, который для каждой страны имеет свои особенности, обладает характерными специфическими признаками и отличительными чертами. Любой внешний долг для страны является показателем доверия к ней со стороны других государств. Если в стране стабильная экономическая ситуация, то внешний долг не будет являться серьезной проблемой для такого государства и его населения. Мало того, государственный долг (внутренний и внешний), как и некритичный дефицит бюджета, явление скорее позитивное, чем негативное, свидетельствующее о неблагополучном состоянии экономики и финансового положения страны. Если проанализировать экономическое развитие государств в мире, то вряд ли можно найти страну, которая, проводя реформы и различные экономические преобразования, не прибегала бы к помощи не только внутренних, но и внешних источников финансирования. Появление государственного

долга связано с возникновением и развитием государства. Длительная трансформация российской экономики пока не позволила на общегосударственном уровне определить целостную сбалансированную концепцию фискальной и бюджетной политики¹.

Государственный долг образуется из государственных заимствований – госкредита. Кредитная история России начинается еще с 1769 г., когда Екатерина II сделала первый в истории России денежный заем в Голландии. Наибольшая кредитная активность Российской империи проявлялась в конце XIX – начале XX в. В то время шло активное строительство железных дорог, развитие крупных промышленных предприятий, Россия являлась одной из развитых мировых держав. В то же время увеличению государственного долга России способствовала русско-японская война 1904 г. После Октябрьской революции 1917 г. советское правительство полностью отказалось платить по долговым обязательствам России, таким образом аннулировав долг вновь созданного государства и все ранее выпущенные ценные бумаги потеряли свою ценность. В дальнейшем Советский Союз предпочитал не брать займы у иностранных государств и вел достаточно сдержанную кредитную политику. Таким образом, его внешний долг в начале 80-х годов XX в. составлял менее 1% ВВП, что для любой экономики явилось бы небывалым показателем. Рост внешнего долга начался в период проведения перестройки и к началу 90-х годов XX в. увеличился более чем в 10 раз.

На рубеже XX–XXI веков госдолг Российской Федерации достиг своего апогея и был настолько велик, что было принято решение о создании Стабилизационного фонда. Вообще говоря, в мире существует несколько видов фондов – стабилизационные, резервные, сберегательные (будущих поколений) и др., отличающиеся по своему назначению и условиям использования. Доходы первых зависят, как правило, от текущих цен на природные ресурсы, тогда как источники средств других определяются на постоянной основе в зависимости от наделенности территории природными ресурсами. Проблема невосполнимости природных ресурсов и их ограниченных запасов актуальна и для России (по многим видам полезных ископаемых разведанные запасы могут быть исчерпаны в течение следующих 100 лет).

Целями создания таких фондов является либо выравнивание государственных бюджетов, либо обеспечение будущим поколениям потока доходов после истощения запасов полезных ископаемых. Принцип формирования и использования средств фонда привязывается обычно к одному виду экспортируемого сырья (нефть,

медь, фосфаты и др.). Стабилизационные фонды создаются преимущественно в странах, где действует государственная компания по экспорту базовых природных ресурсов. Управление активами фондов осуществляется Центральными банками, либо независимыми государственными учреждениями. Отличительной чертой стабилизационных фондов в арабских странах является их закрытость, отсутствие четких принципов накопления и использования средств².

Для России в начале 2000-х годов, на том этапе экономического развития, существовала объективная потребность именно в стабилизационном фонде и такой фонд был создан. Его правовой статус регулировала глава 13.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Средства фонда стремительно росли за счет повышения мировых цен на нефть и вплоть до 2008 г. Россия выплачивала внешний долг из средств Стабилизационного фонда, практически погасив свои обязательства перед внешними кредиторами и решив проблемы внутреннего дефицита некоторых бюджетов: 93,5 млрд рублей (эквивалент 3,3 млрд долларов США) было направлено на погашение долга перед Международным валютным фондом; 430,1 млрд рублей (эквивалент 15 млрд долларов США) на погашение долга перед странами – членами Парижского клуба; 123,8 млрд рублей (эквивалент 4,3 млрд долларов США) на погашение долга перед Внешэкономбанком по кредитам, предоставленным Министерству финансов Российской Федерации в 1998–1999 годах для погашения и обслуживания внешнего госдолга России; 30 млрд рублей (эквивалент 1,04 млрд долларов США) направлено на покрытие дефицита бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации³.

Однако в стране возникла потребность в переходе от краткосрочной стабилизации в долгосрочную, поскольку объем накопленных средств и ожидаемые нефтегазовые поступления существенно превышали объем средств, необходимых для выполнения стабилизационной функции в краткосрочном периоде. В связи с этим в январе 2008 г. Стабилизационный фонд был ликвидирован, и вместо него образованы Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (фонд будущих поколений). Средства Стабфонда были поделены между вновь образованными фондами. По сути, Резервный фонд стал преемником Стабилизационного фонда, но частично с другими функциями и задачами, а также с несколько иным режимом функционирования. Во-первых, значительно расширился перечень поступающих в фонд доходов федерального бюджета, во-вторых, был определен новый механизм использования средств Резервного фонда при ухудшении внешнеэкономиче-

ской ситуации. В настоящее время для погашения внешнего долга государство использует помимо средств федерального бюджета еще и средства Резервного фонда.

Фонд национального благосостояния является частью средств федерального бюджета. Фонд призван стать частью устойчивого механизма пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации на длительную перспективу. Целями Фонда национального благосостояния являются обеспечение софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан Российской Федерации и обеспечение сбалансированности (покрытие дефицита) бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации. После наполнения Резервного фонда до определенного размера нефтегазовые доходы направляются в Фонд национального благосостояния. Другим источником формирования Фонда национального благосостояния являются доходы от управления его средствами.

В период 2013–2016 гг. Россия столкнулась с новыми проблемами при реализации долговой политики. Принципиально изменились как внутренние, так и внешние условия государственных заимствований. Темпы роста российской экономики снизились, что существенно уменьшило доходы федерального бюджета и потребовало задействования всех источников покрытия его дефицита. Иностранные государства ввели санкции в сфере торговли и инвестиций, фактически закрыв доступ к международному рынку капитала для многих национальных корпоративных заемщиков. Данные обстоятельства, а также усиление геополитической напряженности привели к существенному ослаблению национальной валюты, ускорению инфляции, снижению цен на российские активы, утрате Россией и российскими компаниями кредитных рейтингов «инвестиционного» уровня.

Однако во многом благодаря проводившейся в предкризисный период консервативной бюджетной политике – следованию бюджетному правилу и стратегии «занимай и сберегай», Правительству удалось сдерживать расходы федерального бюджета, накапливать существенные резервы, сохранять государственный долг на безопасном уровне. Следование этой стратегии создало предпосылки для восстановления доверия хозяйствующих субъектов и адаптации национальной экономики к новым реалиям. Была обеспечена устойчивость бюджетной системы и сохранено одно из ключевых конкурентных преимуществ российской экономики – низкий уровень государственного долга⁴.

Госдолг, наряду с бюджетом и налогами, является не только финансовой категорией, но еще и категорией экономической, выпол-

няя при этом необходимые государственные функции. В мировой практике выявлена зависимость роста госдолга от роста экономики. Чем выше темпы экономического роста страны, тем соответственно ниже процентные ставки и тем легче и без серьезных проблем государство может использовать займы для дополнительного финансирования своих расходов. Если экономический рост страны не столь интенсивен, либо находится в состоянии стагнации, это вызывает значительные трудности в исполнении государственных долговых обязательств и возможности привлечения новых займов. В то же время такая задолженность может явиться стимулирующим фактором развития экономики.

Долг может быть различным по величине. На сегодняшний день, например, госдолг США, раздутый как мыльный пузырь, не может не сказаться негативно на экономическом состоянии страны, ее роли на мировой арене и на взаимоотношениях с другими государствами. Если подытожить величину долга, то сумма, которую США придется вернуть своим заемщикам, составляет более 20 трлн долларов (на момент написания статьи. – *Авт.*). Основными кредиторами США являются Китай и Япония. По этому показателю США не могут сравниться ни с одной другой страной в мире. К примеру, совокупный долг всех стран ЕС гораздо меньше. Однако для объективной оценки прибегают к перерасчету займов относительно ВВП, что учитывает финансовые возможности и экономическое могущество страны⁵.

Возникновение госдолга обусловлено многими факторами, но, как правило, государства привлекают заемные средства для погашения дефицита бюджета или для осуществления выплат по текущим долговым обязательствам (рефинансирование госдолга). Рефинансирование долга – это погашение уже имеющихся старых обязательств путем выпуска нового займа. К рефинансированию государство прибегает в случае недостаточности средств для погашения выпущенных долговых обязательств и/или процентов по ним, срок уплаты которых наступил.

В условиях кризиса государства используют такой метод управления, как реструктуризация долга. Этот способ является весьма распространенным в настоящее время. Под реструктуризацией в ст. 105 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) понимается основанное на соглашении прекращение долговых обязательств, составляющих государственный или муниципальный долг, с заменой указанных долговых обязательств иными долговыми обязательствами, предусматривающими другие условия обслуживания и погашения. Реструктуризация долга может быть

осуществлена с частичным списанием (сокращением) суммы основного долга⁶.

В настоящее время перед Российской Федерацией встала проблема большой задолженности субъектов РФ перед федеральным бюджетом по бюджетным кредитам. Президентом РФ В.В. Путиным была выдвинута инициатива по проведению реструктуризации долга субъектов РФ с 2018 г. и в течение семи последующих лет (в среднесрочной перспективе). Программа реструктуризации бюджетных кредитов регионов стала одной из наиболее эффективных антикризисных мер. Данная программа предусматривает ежегодную уплату существующего долга субъекта РФ в федеральный бюджет в размере 5% от существующего у субъекта долга перед федеральным бюджетом.

Представляется, что основная причина высокого уровня задолженности субъектов перед федеральной властью кроется в устройстве российской налоговой системы. Налоговая система России состоит из федеральных, региональных и местных налогов и сборов, исчерпывающий перечень которых содержится в Налоговом кодексе Российской Федерации⁷: налоги, закрепленные за определенным бюджетом, сборы которых полностью зачисляются в соответствующий бюджет, и налоги, поступления от которых распределяются между бюджетами различных уровней. Так, за федеральным бюджетом ст. 13 НК РФ закреплены налог на добавленную стоимость, акцизы, налог на доходы физических лиц, налог на прибыль организаций, налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов, государственная пошлина. За региональными бюджетами закреплены (ст. 14 НК РФ) транспортный налог, налог на имущество организаций, налог на игорный бизнес. К местным налогам относятся налог на имущество физических лиц, земельный налог, торговый сбор. В полном объеме в бюджеты субъектов зачисляются, как правило, налоги меньшего размера, более «размерные» и стабильно уплачиваемые налоги зачисляются в федеральный бюджет. Это, например, налог на добычу полезных ископаемых, налог на добавленную стоимость, ряд акцизов и др. Наиболее объемным по сумме уплаты и количеству налогоплательщиков для самих субъектов РФ является налог на прибыль организаций, ставка которого в настоящий момент составляет 20%, из которых всего 3% поступают в федеральный бюджет, а остальные 17% остаются в бюджете субъекта РФ. Здесь необходимо отметить, что в условиях кризиса прибыль юридических лиц в лучшем случае снижается вместе с пла-

тежеспособным спросом, а в ином – данные налогоплательщики либо становятся банкротами, либо «сворачивают» свой бизнес, и, как следствие, снижаются и поступления от этого налога в бюджет субъекта РФ. Как итог – субъект РФ вынужден прибегать к займам вследствие недостаточности собственных финансовых ресурсов. В этой связи, дабы усилить положительный эффект реструктуризации долгов субъектов РФ в решении вопросов бездефицитного самофинансирования, целесообразной могла бы явиться возможность передачи на уровень субъектов РФ части поступлений от стабильно собираемых налогов, например, налога на добавленную стоимость, который сейчас полностью зачисляется в федеральный бюджет, налога на доходы физических лиц, части госпошлин от оказания услуг местных органов и органов субъектов. Зачастую на деле выходит, что налогоплательщик – физическое лицо проживает и работает в регионе, в котором он не имеет ни собственности, ни прописки. Таким образом, НДФЛ уходит в федеральный бюджет, а не по месту регистрации либо фактического заработка налогоплательщика. Представляется, что суммы налогов или их часть, уплачиваемые от доходов, полученных на территории конкретного субъекта, должны оставаться в бюджете этого субъекта, т. е. по факту образования объекта налогообложения.

Реструктуризация задолженности и снижение финансовой нагрузки на субъекты РФ должны положительным образом сказаться на снижении безработицы, обеспечив тем самым стабилизацию социальной напряженности. Ведь в отличие от безвозвратных дотаций бюджетные кредиты выдаются на условиях срочности, платности и возвратности. А долги некоторых субъектов перекрывают их годовые бюджетные поступления от налоговых и неналоговых доходов. Вместе с тем от самих субъектов РФ потребуются повышенная ответственность за эффективность расходования высвобождаемых финансовых ресурсов, усиление мер финансового контроля и отчетности, а также задача обеспечить их рациональное расходование, включая профилактику коррупционной составляющей при перераспределении средств. Данные финансовые высвобождаемые потоки предполагается направить на развитие социальной сферы субъектов, сферы образования, здравоохранения и т. п. Как представляется, реструктуризация снимет лишь часть проблем регионов с бюджетными долгами, так как выплачивать долги по коммерческим кредитам и выпущенным облигациям им все-таки придется. Тем не менее с точки зрения управления госдолгом представляется, что данная мера своевременна и продуктивна для дальнейшего развития и становления экономики страны в целом.

Из вышесказанного становится очевидным, что рефинансирование и реструктуризация – это методы управления госдолгом. Наряду с вышеуказанными методами управления госдолгом существуют также такие методы управления, как конверсия, консолидация, унификация государственных займов. Эти методы обычно применяются только в отношении внутренних займов. Что касается внешнего долга, то возможен такой вид управления, как отсрочка погашения. Однако отсрочка погашения внешнего займа проводится по согласованию с кредиторами, при этом не обязательно и не всегда приостанавливаются выплаты процентов по этому займу. При дефолте первоочередному погашению подлежит внешний долг.

Другими методами регулирования долга являются списание и аннулирование. Под аннулированием государственного долга понимается полный отказ государства от обязательств либо по выпущенным займам, либо в случае финансовой несостоятельности государства (см. выше – отказ СССР от уплаты долгов Российской империи). Российская Федерация такой метод управления никогда не применяла. В случае аннулирования долга в первую очередь подрывается доверие к стране-должнику, перспективы дальнейшего заимствования становятся ограниченными и практически невозможными, сокращается внешнеэкономическое сотрудничество с другими странами.

Цель применения методов управления госдолгом – уменьшение влияния долгового бремени на бюджет, а также наиболее оптимальное размещение данного бремени во времени с учетом экономической ситуации в стране⁸.

В соответствии с действующим законодательством к государственному долгу Российской Федерации относятся долговые обязательства Российской Федерации перед физическими и юридическими лицами Российской Федерации, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, иностранными государствами, международными финансовыми организациями, иными субъектами международного права, иностранными физическими и юридическими лицами, возникшие в результате государственных заимствований Российской Федерации, а также долговые обязательства по государственным гарантиям, предоставленным Российской Федерацией, и долговые обязательства, возникшие в результате принятия законодательных актов Российской Федерации об отнесении на государственный долг долговых обязательств третьих лиц, возникших до введения в действие в 1998 году Бюджетного кодекса Российской Федерации⁹.

Госдолг в теории права принято классифицировать по различным основаниям возникновения. В основном классификация сводится к следующему.

1. По объему долговых обязательств госдолг бывает капитальный и текущий. Капитальный долг – это вся сумма выпущенных и непогашенных долговых обязательств государства, включая проценты, которые должны быть уплачены по этим обязательствам. Текущий долг составляют расходы по выплатам кредиторам по тем обязательствам, срок оплаты которых уже наступил.

2. По субъекту-кредитору и валюте платежа госдолг подразделяется на внутренний и внешний. Кредиторами по внутреннему займу выступают, как правило, юридические и физические лица, которые являются резидентами данного государства. Внутренние займы выпускаются в национальной валюте и размещаются на внутреннем фондовом рынке. Внешние займы размещаются на иностранных фондовых рынках, номинированы в иностранной валюте. При размещении таких займов учитываются специфические интересы инвесторов страны размещения. Внешние займы – это средства, привлекаемые от юридических и физических лиц, иностранных государств, международных финансовых организаций, по которым возникают долговые обязательства, выраженные в иностранной валюте. Такие заемные средства мобилизуются двумя способами: размещением долговых ценных бумаг и получением кредитов у специализированных финансово-кредитных институтов¹⁰.

3. По срочности госдолг бывает краткосрочный (средства размещаются сроком до 1 года); среднесрочный (от года до пяти лет); долгосрочный (от 5 до 30 лет в случае размещения долговых обязательств государством, и до 10 лет, если речь идет о муниципальном долге). Здесь необходимо отметить, что заемщики, как правило, заинтересованы в среднесрочных и долгосрочных заимствованиях, как и все классического рода кредитные организации и учреждения. Чем больше срок заимствования, тем больше получаемый в итоге доход.

4. В зависимости от субъекта, у которого возникает долг, – общегосударственный долг, долг субъекта РФ, муниципальный долг.

5. Как инструмент экономической политики долг может быть пассивным и активным. Активной составляющей госдолга являются заимствования, которые имеют своей целью финансирование конкретных социально-экономических программ и инвестиционных проектов. Пассивный же госдолг представляет собой привлечение займов для финансирования текущих расходов и покры-

тия дефицита бюджета, что прописано в Бюджетном кодексе РФ, т. е., по сути, пассивный госдолг.

Данная классификация характеризуется в зависимости от социально-экономического значения и используется в качестве инструмента экономической политики государства.

Формы государственного долга в соответствии со ст. 97 Бюджетного кодекса Российской Федерации выглядят следующим образом. В состав государственного долга включаются: кредитные соглашения и договоры, заключенные от имени России, как заемщика, с кредитными организациями, иностранными государствами и международными финансовыми организациями; государственные займы, осуществляемые путем выпуска ценных бумаг от имени РФ; договоры и соглашения о получении РФ бюджетных ссуд и бюджетных кредитов от бюджетов других уровней бюджетной системы России; договоры о предоставлении Россией государственных гарантий; соглашения и договоры, в том числе международные, заключенные от имени Российской Федерации, о пролонгации и реструктуризации долговых обязательств России прошлых лет.

Управление госдолгом осуществляет Правительство Российской Федерации, либо уполномоченное им Министерство финансов РФ, обслуживание госдолга возложено на Центральный банк Российской Федерации. Под обслуживанием государственного (муниципального) долга понимаются операции по выплате доходов по государственным и муниципальным долговым обязательствам в виде процентов по ним и (или) дисконта, осуществляемые за счет средств соответствующего бюджета.

Выполнение Центральным банком Российской Федерации, кредитной организацией или другой специализированной финансовой организацией функций генерального агента (агента) Правительства Российской Федерации по обслуживанию долговых обязательств Российской Федерации, а также их размещению, выкупу, обмену и погашению осуществляется на основе агентских соглашений, заключенных с Министерством финансов Российской Федерации.

Необходимо отметить, что Российская Федерация не отвечает по долговым обязательствам субъектов РФ, равно как и субъекты РФ не отвечают по долговым обязательствам Российской Федерации, если только такие обязательства не были приняты. Это означает, что помимо объективных обстоятельств возникновения государственного долга существуют еще и субъективные. Таким образом, Российская Федерация реализует программу государственных гарантий.

Статья 115 БК РФ регулирует выдачу государственных и муниципальных гарантий. Государственная или муниципальная гарантия может обеспечивать:

- надлежащее исполнение принципалом его обязательства перед бенефициаром (основного обязательства);
- возмещение ущерба, образовавшегося при наступлении гарантийного случая некоммерческого характера.

Государственная или муниципальная гарантия может предоставляться для обеспечения как уже возникших обязательств, так и обязательств, которые возникнут в будущем.

Условия государственной или муниципальной гарантии не могут быть изменены гарантом без согласия бенефициара. Принадлежащее бенефициару по государственной или муниципальной гарантии право требования к гаранту не может быть передано другому лицу, если в гарантии не предусмотрено иное. Гарант имеет право отозвать государственную или муниципальную гарантию только по основаниям, указанным в гарантии. Письменная форма государственной или муниципальной гарантии является обязательной. Несоблюдение письменной формы государственной или муниципальной гарантии влечет ее ничтожность.

Государственные или муниципальные гарантии могут предусматривать субсидиарную или солидарную ответственность гаранта по обеспеченному им обязательству принципала.

К оформлению государственной или муниципальной гарантии предъявляются определенные, строго установленные в законе требования. А именно – в гарантии должны быть указаны:

- наименование гаранта (Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование) и наименование органа, выдавшего гарантию от имени гаранта;
- обязательство, в обеспечение которого выдается гарантия;
- объем обязательств гаранта по гарантии и предельная сумма гарантии;
- определение гарантийного случая;
- наименование принципала;
- безотзывность гарантии или условия ее отзыва;
- основания для выдачи гарантии;
- вступление в силу (дата выдачи) гарантии;
- срок действия гарантии;
- порядок исполнения гарантом обязательств по гарантии;
- порядок и условия сокращения предельной суммы гарантии при исполнении гарантии и (или) исполнении обязательств принципала, обеспеченных гарантией;

- наличие или отсутствие права требования гаранта к принципалу о возмещении сумм, уплаченных гарантом бенефициару по государственной или муниципальной гарантии (регрессное требование гаранта к принципалу, регресс);
- иные условия гарантии, а также сведения, определенные настоящим Кодексом, правовыми актами гаранта, актами органа, выдающего гарантию от имени гаранта.

Вступление в силу государственной или муниципальной гарантии может быть определено календарной датой или наступлением события (условия), которое может произойти в будущем. Срок действия государственной или муниципальной гарантии определяется условиями гарантии.

Таким образом, пока обязательства по выплатам не будут полностью исполнены принципалом, гарант будет учитывать сумму выданной гарантии как собственные долговые обязательства. Составляя проект федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период, Минфин РФ во главе с Правительством РФ должны учитывать суммы выданных гарантий и их текущие погашения в расходных статьях принимаемого бюджета. Обязательства по предоставленным гарантиям согласно БК РФ погашаются из средств федерального бюджета.

Правительство Российской Федерации вправе принимать решения в форме акта Правительства РФ о предоставлении государственных гарантий Российской Федерации в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год и плановый период. Министерство финансов РФ вправе принимать решения о предоставлении государственных гарантий Российской Федерации в размере и в случаях, установленных федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год и плановый период и принятыми в соответствии с ним актами Правительства Российской Федерации.

Предоставление и исполнение государственной гарантии Российской Федерации подлежат отражению в Государственной долговой книге РФ. Ведение Государственной долговой книги РФ осуществляет Министерство финансов РФ. Помимо этого учет и регистрация государственных долговых обязательств Российской Федерации осуществляются в государственных долговых книгах внутреннего и внешнего долга Российской Федерации. Долговые книги ведутся также в субъектах Российской Федерации и в муниципальных образованиях. В Государственную долговую книгу РФ вносятся сведения об объеме долговых обязательств (в том числе, как упоминалось выше,

государственных гарантий) Российской Федерации, о дате возникновения обязательств, об исполнении указанных обязательств полностью или частично, а также другая информация. Информация о государственных внутренних долговых обязательствах Российской Федерации вносится в Государственную долговую книгу Российской Федерации в срок, не превышающий пяти рабочих дней с момента возникновения соответствующего обязательства. Информация о государственных внешних долговых обязательствах Российской Федерации вносится в Государственную долговую книгу Российской Федерации в течение пяти рабочих дней с момента поступления в Министерство финансов РФ соответствующих документов, подтверждающих возникновение указанных обязательств. Объем информации и порядок ее внесения в Государственную долговую книгу Российской Федерации определяются Министерством финансов РФ.

Согласно долговой политике России на 2017–2019 гг., опубликованной Министерством финансов Российской Федерации, вне зависимости от геополитической и макроэкономической ситуации, конъюнктуры внешнего и внутреннего рынков, государственная долговая политика будет направлена на осуществление заимствований Российской Федерации в объемах, необходимых только для решения поставленных социально-экономических задач. При этом будут обеспечены финансовые интересы Российской Федерации как суверенного заемщика с точки зрения как «цены» заимствований, так и их структуры. Решению данной задачи будет способствовать, в том числе, последовательное увеличение числа и расширение круга инвесторов, заинтересованных во вложении денежных средств в государственные ценные бумаги России и дальнейшую модернизацию внутреннего государственного долгового рынка.

Фактический объем государственных заимствований будет определяться результатами исполнения федерального бюджета, а также конъюнктурой внутреннего и внешнего долговых рынков. Накопленный объем финансовых обязательств перед национальными и зарубежными кредиторами будет находиться в пределах, исключающих появление угрозы долговой устойчивости Российской Федерации. Заемная политика будет направлена на поддержание кредитных рейтингов России и обеспечение ее безусловной платежеспособности, что необходимо для дальнейшего развития взаимовыгодного экономического и внешнеторгового сотрудничества.

-
- ¹ *Кириллова О.С.* Основы формирования налоговых доходов как инструмент повышения прозрачности исполнения бюджета // Бюджет. 2006. № 4. С. 60.
  - ² Информационно-аналитический портал «Наследие». [Электронный ресурс] URL: http://old.nasledie.ru/finans/23_11/kniga1/article.php?art=6 (дата обращения: 10.11.2017).
  - ³ Алексей Кудрин. Официальный сайт <https://akudrin.ru/achievements/stabfond> (дата обращения: 14.11.2017).
  - ⁴ Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2017–2019 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://www.minfin.ru> (дата обращения: 12.11.2014).
  - ⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
  - ⁶ Там же.
  - ⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации. (Часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
  - ⁸ *Дробозина Л.А., Окунева Л.П., Андросова Л.Д.* Финансы. Денежное обращение. Кредит. М.: Юнити, 2000. С. 122.
  - ⁹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
  - ¹⁰ *Быля А.Б., Горбунова О.Н., Грачева Е.Ю., Ивлиева М.Ф., Пепеляев С.Т., Соколова Э.Д., Толстопятенко Г.П.* Финансовое право: Учеб. М.: ТК Велби: Проспект, 2007. 528 с.

Управление

Л.А. Корчагова, Ю.Е. Черемушкина

Особенности формирования продуктового портфеля на фармацевтическом рынке

В статье рассматриваются основные характеристики и особенности фармацевтического рынка, к числу которых относятся высокие затраты при вхождении в данный рынок, высококвалифицированный персонал, наличие специального оборудования, высокие темпы развития и другие. Особое внимание в статье уделяется формированию продуктового портфеля фармацевтических компаний. В данной статье описывается использование двух методов – матрицы Бостонской консалтинговой группы и матрицы Мак-Кинси – для формирования продуктового портфеля фармацевтической компании «Эвалар». Использование этих методик позволяет фармацевтическим компаниям наилучшим образом сформировывать свой продуктовый портфель.

Ключевые слова: фармацевтический рынок, продуктовый портфель, портфельный анализ, ассортиментная политика, стратегия, жизненный цикл товара, импортозамещение.

В настоящее время фармацевтический рынок является одной из наиболее динамично развивающихся сфер экономики. Данный рынок представляет собой совокупность экономических отношений потребителей, производителей и торговых посредников фармацевтической продукции. Данный комплекс отношений формируют связи между производителями, сферой товарообращения и потребителями. С маркетинговой точки зрения, фармацевтический рынок можно определить как совокупность существующих и потенциальных потребителей фармацевтической продукции.

Как и любой рынок, фармацевтический рынок обладает определенными характеристиками, функциями и закономерностями. Фармацевтическая сфера деятельности характеризуется достаточно

большими затратами при вхождении в данную отрасль: это затраты на приобретение лицензии на производство лекарственных препаратов, обучение и повышение квалификации персонала, использование специально подготовленных квалифицированных работников, обеспечение условий хранения фармацевтической или парафармацевтической продукции путем приобретения специального технического оборудования, холодильников. И это далеко не весь список высоких затрат.

Однако необходимо отметить, что в связи с особенностями деятельности на фармацевтическом рынке в отношениях продавец–покупатель, а также в представлении лекарственных препаратов как товаров здесь происходит ограничение действия основных экономических законов. На фармацевтическом рынке очень часто приходится сталкиваться с понятием «социальная справедливость», поскольку некоторые категории граждан (инвалиды, пенсионеры и малоимущие семьи) сами неспособны в полной мере оплачивать лекарства¹.

В современных условиях благодаря расширению системы интернет-ресурсов значительно упрощается процесс покупки определенных товаров для потребителей, в том числе и фармацевтической продукции. Но в демонстрационных залах аптек товар можно рассмотреть, потрогать руками, а в интернет-сети нет этой возможности. Поэтому на сайтах компаний, предлагающих и продающих фармацевтическую продукцию, описания предлагаемых товаров должны быть крайне корректными, подробными и комфортными для потенциальных покупателей, а также показана упаковка и форматы самой продукции.

Также крайне важным в деятельности фармацевтических компаний является вопрос, связанный с обучением медицинских представителей, которые непосредственно являются связующим звеном между конечным покупателем и провизором.

Одним из магистральных трендов в российской экономике сегодня считается импортозамещение, которое некоторые рассматривают чуть ли не как панацею для любого отечественного предприятия. Однако многие компании, предлагающие услуги или реализующие фармацевтическую продукцию, зачастую по-прежнему нацелены не на удовлетворение потребности покупателей, а только лишь на продажу набора продуктов, с помощью которых они частично могут эту потребность удовлетворить.

К сожалению, фармацевтический рынок характеризуется асимметрией информации относительно потребительских свойств лекарств у производителей, фармацевтических работников и потребителей.

Недостаточная или некорректная информированность потребителей создает дополнительные трудности при выборе лекарственных препаратов. Эту задачу обязан решить (и в какой-то мере действительно решает) врач – промежуточный потребитель, который занимает важное место в цепочке реализации лекарственных препаратов рецептурного отпуска. Все эти нюансы прямым и непосредственным образом сказываются на величине продаж и прибыли компаний.

Фармацевтическая отрасль развивается в России крайне быстрыми темпами. Количество компаний, выпускающих фармацевтическую продукцию, растет в геометрической прогрессии каждый год. На развитие рынка фармацевтики влияют как усилия со стороны государственных структур, законов, так и самих фармацевтических компаний. Коммерческий модуль фармацевтического рынка состоит из прямых аптечных продаж всех препаратов, а также и парафармацевтических, без учета продаж по программе дополнительного лекарственного обеспечения. Программа ДЛО (дополнительное лекарственное обеспечение) реализуется на всей территории Российской Федерации с 1.01.2005 г. и регулируется Федеральным законом от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ². Государственный раздел фармацевтического рынка содержит аптечные продажи лекарственных препаратов по Программе ДЛО, а также реализацию их через все возможные лечебно-профилактические учреждения.

Классификация фармацевтических товаров ведется в соответствии с отраслевым стандартом 91500.01.0003 – 2000 «Принципы и порядок построения классификаторов в здравоохранении. Общее положение»³. Если рассматривать классификацию медицинских и фармацевтических товаров, то к ним можно отнести: лекарственные средства; медицинскую технику; изделия медицинского назначения; парафармацевтическую продукцию. Парафармацевтическая продукция – это группа средств, стоящих ближе к лекарственным препаратам, чем к пище, целенаправленно воздействующих на функции организма. Правительство Москвы в Московской городской аптечной палате дает следующее определение в информационном письме от 9 декабря 1994 г.: «Парафармацевтическая продукция – это товары дополнительного аптечного ассортимента, сопутствующие лекарственным средствам и изделиям медицинского назначения, предназначенные для профилактики, лечения заболеваний, облегчения состояния человека, ухода за частями тела, реализуемые из аптек, обслуживающих население»⁴.

Ассортиментная политика – это один из важнейших компонентов в инструментах и составляющих маркетинговой деятельности любой компании, в том числе и фармацевтической. Особое вни-

мание компании должны уделять формированию своего продуктового портфеля, так как борьба с конкурентами на любом рынке в первую очередь заключается в ассортименте, оригинальности и стратегии его продвижения. Стратегия формирования «продуктового портфеля» (т.е. количества продуктовых линий и продуктов в каждой линии, которые компания может предложить) имеет первостепенное значение для формирования общей маркетинговой политики компании.

Проблемами формирования продуктового портфеля предприятий и организаций занимались такие отечественные ученые, как А.Г. Аганбегян, Л.А. Бирман, Л.В. Канторович, А.В. Мищенко, Н.В. Нестерович, и многие другие, а также ряд зарубежных авторов – А. Акофф, П. Друкер, И. Ансофф, Ф. Котлер, М. Портер, О. Уильямсон, Ф. Хайек и другие.

Формирование грамотного и сбалансированного продуктового портфеля является основой конкурентной стратегии. Под «портфелем продукции» понимается совокупность всех товаров (товарных групп, видов и разновидностей товара), для выпуска которых имеются возможности в рамках организационно-экономических условий конкретного производства. Продуктовый портфель мы также можем рассматривать как набор продуктов, находящихся на разных стадиях кривой жизненного цикла. Продуктовый портфель должен обуславливаться ресурсами организации, учитывать ее сильные, а также слабые стороны, учитывать все условия внешней и внутренней среды. Организация на основе проводимого анализа своего портфеля должна определять, какие направления деятельности следует развивать, а от каких стоит отказаться. Стратегия «продуктового портфеля» определяется с учетом миссии компании. Обычно в миссии заложена долгосрочная цель компании, в которой также отражается сфера деятельности компании, и это помогает отбирать продукты и предлагаемые услуги, являющиеся частью товарной политики.

В основном на сегодняшний день все компании, функционирующие на определенном рынке, тем или иным образом пересекаются по составляющим своего портфеля, и для того, чтобы сделать уникальный, неповторяющийся продукт, нужно очень четко понимать принципы формирования продуктового портфеля. Продуктовый портфель должен быть сбалансирован и включать продукцию, находящуюся на разных стадиях жизненного цикла, что обеспечивает преемственность производственно-сбытовой деятельности организации. При несбалансированности продуктового портфеля происходит медленный, а иногда и очень резкий спад прибыли

организации. Компанию перестают воспринимать как хорошего «игрока» на рынке конкуренции. Поэтому, как правило, компания торгует различными видами продуктов, предлагаемых различным рынкам, выбирая, таким образом, стратегию диверсификации. Это позволяет значительно снизить степень риска. Один-два раза в год компании необходимо проводить тщательный анализ продуктового портфеля, и в случае надобности пересматривать его. Первоначально компания может создать классификацию продуктов в зависимости от стадии их жизненного цикла. Например: только выпущенные продукты; продукты, которые находятся на стадии роста; зрелые продукты; и продукты, переживающие спад. В дальнейшем можно использовать и другие подходы.

В современном мире покупатель, сам того не зная, диктует производителям правила игры. Все зависит и от существующих тенденций, и от территориальной принадлежности, и от каких-либо других естественных факторов. Производя продукт как отдельную единицу или выпуская целую линию продукции, участник данной игры должен учитывать и продумывать все до мелочей. Будет ли этот продукт удобен в использовании; привлекательный ли у него вид; какова его функциональность и эффективность использования; полезность и проч.

Одна из крупнейших в России фармацевтических компаний, абсолютный в стране лидер по объему выпуска натуральных препаратов для сохранения и укрепления здоровья, компания «Эвалар» впервые в России реализовала на практике мировой опыт создания производства полного цикла в рамках одного предприятия: от выращивания лекарственных трав и их переработки в экстракты до упаковки готовой продукции⁵. В ассортиментном портфеле компании «Эвалар» более 300 наименований лекарственных препаратов и биологически активных добавок различных форм выпуска: таблетки, капсулы, настойки, капли, водорастворимые напитки в саше, чай в фильтр-пакетах, масла, косметические средства в тубах. Для формирования эффективного продуктового портфеля компании необходим тщательный портфельный анализ. Для этого можно воспользоваться целым рядом существующих методик. Коротко рассмотрим основные методы, которые получили наибольшую популярность и которые наиболее часто используются действующими компаниями на рынке.

Первый – это матрица Бостонской консалтинговой группы, именуемая сокращенно матрицей БКГ, или, в английской транскрипции, BCG. Это один из самых известных инструментов анализа, который давно и эффективно используется в области мар-

кетинга и менеджмента. Построение данной матрицы основано на двух параметрах – доле занимаемого рынка относительно главных конкурентов и темпах роста самого рынка. Основным достоинством данного метода является его простота и эффективность применения при определении стратегических продуктов и распределении ресурсов на ближайшую перспективу. Однако данный метод имеет и свои недостатки, связанные со сложностями при определении доли рынка конкурентов, особенно когда речь идет об инновационной продукции или услугах, которые могут еще не иметь сформировавшегося рынка и соответственно конкурентов на нем. Матрица БКГ имеет свои разновидности – модифицированная и адаптированная. За основу построения модифицированной матрицы БКГ взяты такие показатели, как темп роста объемов продаж и рентабельность продукции. Адаптированная матрица строится по соотношению двух показателей: темпа роста объемов реализации продукции к предыдущему периоду и доли ассортиментной группы в общем объеме продаж предприятия. В результате построения матриц БКГ ассортимент продукции или услуг разбивается на четыре группы товаров, именуемых «трудный ребенок», «звезда», «дойная корова», «собака». Далее для каждой из групп определяется стратегия дальнейших действий, которая дает возможность определить направления последующего развития ассортиментной политики предприятия. Преимуществом матриц БКГ является возможность постоянного доступа к информации, которую можно непосредственно получить на предприятии. Использование матрицы БКГ позволяет фирме:

- идентифицировать положение каждого из своих СХП (стратегическое хозяйственное подразделение) по его доле на рынке относительно основных конкурентов и по темпам годового роста в отрасли. Под СХП может пониматься группа товаров, отдельный товар, отдельная марка, а также в качестве СХП могут рассматриваться и отдельные направления деятельности компании, и ее структурные подразделения и др.;
- выявить, какое из СХП фирмы занимает ведущие позиции по сравнению с конкурентами, какова динамика его развития на рынке;
- произвести предварительное распределение стратегических финансовых ресурсов между СХП⁶.

Матрица БКГ часто используется для оценки товарного портфеля, а также для оценки видов бизнеса, которыми обладает компания. Недостаток этой модели состоит в узости применяемых для анализа показателей.

Рассмотрим применение данной модели на примере фармацевтической компании «Эвалар». ЗАО «Эвалар» – одна из крупнейших в России фармацевтических компаний, абсолютный лидер в стране по объему выпуска натуральных препаратов для сохранения и укрепления здоровья. На рынке – с 1991 г. Основные направления деятельности – разработка и выпуск натуральных лекарственных средств и биологически активных добавок, а также развитие аптечной сети «Эвалар». Миссия компании – дать возможность каждому человеку сохранить и укрепить свое здоровье, повысить качество своей жизни, используя натуральные, эффективные, качественные и современные препараты: растительные лекарственные средства и биологически активные добавки⁷.

Выделим основные потенциальные СЗХ (стратегические зоны хозяйствования) компании:

1 – для почек (Овесол, Милона-14, чай Эвалар БИО для почек, Транзит – Цисто Транзит);

2 – для контроля веса (Турбослим Альфа, Ананаса экстракт, Гарциния форте, Тропикана Слим Гарциния, Турбослим «Худеем со вкусом»);

3 – для женского здоровья (Боровая матка; Гинеколь; Красная щётка; Индол форте);

4 – витамины (Аевит Эвалар, Биоритм поливитамины, КардиоАктив – витамины для сердца, Черника Форте с витаминами и цинком);

5 – для сердечно-сосудистой системы (Атероклефит БИО, Глицин форте «Эвалар», КардиоАктив Боярышник, КардиоАктив Таурин, Эвалар БИО чай для сердца и сосудов);

6 – для улучшения сна (Арома Эвалар спрей «Формула сна», чай «Формула сна», Фитогипноз, Ромашка);

7 – для легких (Бронхоплант, Шалфей Эвалар, Эвалар БИО чай при кашле, Милона-1 для дыхательных путей);

8 – для иммунитета (АкваМастер, Золотое мумие алтайское очищенное, НатурГриппин для иммунитета, Сказания Алтай бальзам для укрепления иммунитета);

9 – для ЖКТ (Фитолакс, Бифилар, Ротокан, Эвалар БИО чай желудочно-кишечный; Эвэнзим);

10 – для зрения (Биоритм зрение 24 день/ночь, Звездная очанка, Лютеин-интенсив, Направит – витамины для глаз).

Для построения матрицы БКГ исходную информацию обобщим и представим в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1

Исходные данные для построения матрицы БКГ (цифры условные)

Номер СЗХ	Объем продаж организации, тыс. ед.	Объем продаж ведущего конкурента, тыс. ед.	Емкость (размер) рынка, тыс. ед. (D круга)	Темп роста рынка, % (вертикаль)	Относительная доля рынка СЗХ (горизонталь)	Доля рынка СЗХ, %
1	872,6	2810,5	4726	97,4	0,31	18,46
2	1335,7	543,2	4591	101	2,46	29,09
3	175,0	420,3	1103	112,3	0,42	15,87
4	2173,6	410,5	3218	116,2	5,30	67,54
5	699,2	3145,7	3511	103	0,22	19,91
6	550,0	301,1	2813	115,6	1,83	19,55
7	216,8	342,9	2217	113,2	0,63	9,78
8	81,7	302,4	1159	103,5	0,27	7,05
9	597,1	350,6	2701	110	1,70	22,11
10	411,8	1491,2	2414	99,1	0,28	17,06

Исходя из данных, представленных в таблице 1, построим матрицу БКГ (рис. 1).

Анализируя данную матрицу, мы можем сделать следующие выводы:

- СХП 7 и 3 относятся к категории «вопросительный знак» (или, как их еще называют, «трудные дети»), их положение пока неустойчиво, они могут дать большую прибыль при условии инвестирования, поскольку у них весьма высок темп роста, но на данный момент их доля рынка чрезвычайно мала. Рекомендуется стратегия роста и инвестирования;
- СХП 4, 6 и 9 относятся к категории «звезды» и имеют большие перспективы на рынке. В СХП 6, 4 целесообразно вкладывать инвестиции для дальнейшего развития. Рекомендована стратегия роста. Для СХП 9 рекомендуется стратегия сохранения доли рынка;
- СХП 2 относится к категории «дойных коров», ее доля рынка весьма высока, но темп роста уже низкий. В данном случае необходимо рассматривать вопрос о том, покрывает ли получаемая от этих препаратов прибыль затраты на удержание позиций на рынке, а также ответить на вопрос о том, возможен

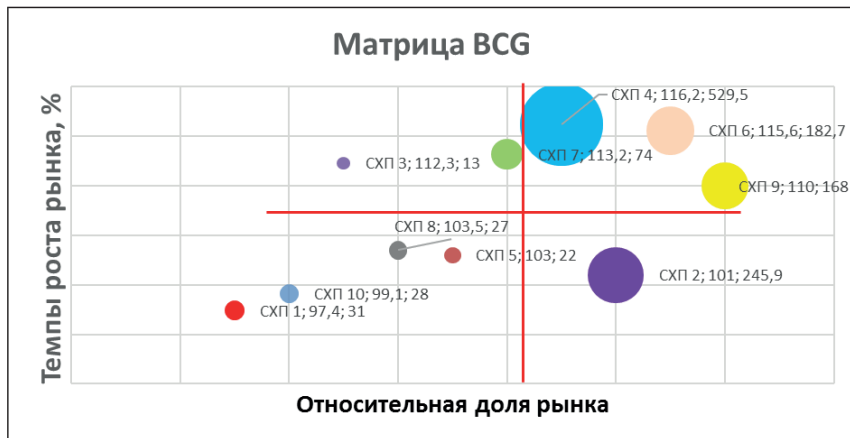

Рис. 1. Матрица БКГ для компании «Эвалар»

ли дальнейший рост за счет каких-либо мероприятий. Препараты для похудения достаточно популярны среди потребителя, данное СХП стабильно развивается и за его счет можно брать средства для развития других СХП;

- СХП 1, 5, 8, 10 можно отнести к группе «собаки», которые обладают низкой долей рынка и низким темпом роста. Это говорит о том, что препараты из этих СХП уже устарели, целесообразно рассмотреть вопрос о снятии их с производства. Для данной группы оптимальной будет стратегия сокращения.

Следующей моделью является матрица Мак-Кинси. В матрице Мак-Кинси произошли усовершенствования матрицы БКГ. Эта матрица имеет размерность 3×3. Обычно в этой матрице площади кругов, отображающие СХП, пропорциональны объемам продаж в них, а заштрихованные секторы показывают долю рынка, контролируемую фирмой. В матрице Мак-Кинси выделяют три области приоритетов для инвестиций:

- со слабым приоритетом,
- средним,
- высоким⁸.

Для определения позиции предприятия в матрице используются показатели конкурентоспособности и привлекательности рынка. Построим матрицу Мак-Кинси на основе данных о компании «Эвалар». Для оценки привлекательности рынка и конкурентоспособности компании «Эвалар» на нем был проведен экспертный

опрос. В качестве оценок использовалась балльная система от 1 до 10. Итоговые показатели по оценкам экспертов по показателям привлекательности рынка и конкурентоспособности компании представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Экспертные оценки привлекательности рынка

Характеристики	Вес	СХП									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Размер и темп роста рынка	0,1	5	8	7	9	7	6	5	7	6	5
Качество рынка	0,2	3	4	8	5	6	7	2	8	3	4
Конкурентная ситуация	0,3	3	6	9	6	4	5	3	7	4	9
Влияние внешней среды	0,4	3	4	7	9	8	7	3	5	4	5
Итог	1,0	3,2	5	7,8	7,3	6,3	6,3	3	6,4	4	6

Таблица 3

Экспертные оценки конкурентной позиции компании «Эвалар» относительно компании «ЛЕОВИТ нутрио»

Характеристики	Вес	СХП									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Относительная позиция на рынке	0,1	1	9	6	6	3	5	4	7	5	4
Относительный потенциал производства	0,3	5	8	4	9	5	6	5	6	7	6
Относительный потенциал НИОКР	0,4	1	6	3	3	4	5	2	2	8	5
Относительный потенциал персонала	0,2	5	8	5	6	2	8	7	6	6	9
Итог	1,0	3	7,3	4	5,7	3,8	5,9	4,1	4,5	7	6

Используя данные таблиц 2 и 3 можно построить матрицу Мак-Кинси, где каждое СХП представлено в виде окружности, диаметр которой пропорционален емкости рынка, а диаметр окружности отражает долю рынка данного СХП. Для удобства сведем все необходимые данные в таблицу 4.

Таблица 4

Данные для построения матрицы Мак-Кинси

СХП	Привлекательность рынка	Конкурентные позиции	Относительная доля рынка СХП
СХП 1	3,2	3	31,05%
СХП 2	5	7,3	245,90%
СХП 3	7,8	4	41,64%
СХП 4	7,3	5,7	529,51%
СХП 5	6,3	3,8	22,23%
СХП 6	6,3	5,9	182,69%
СХП 7	3	4,1	63,24%
СХП 8	6,4	4,5	27,01%
СХП 9	4	7	170,32%
СХП 10	6	6	27,62%

На основании этих данных построим матрицу Мак-Кинси для компании «Эвалар» (рис. 2).

Анализируя матрицу МакКинси для компании Эвалар, можно сделать следующие выводы:

- СХП 7 попала в зону расцвета, для дальнейшего продвижения данного продукта необходим мониторинг слабых зон для идентификации уязвимостей;

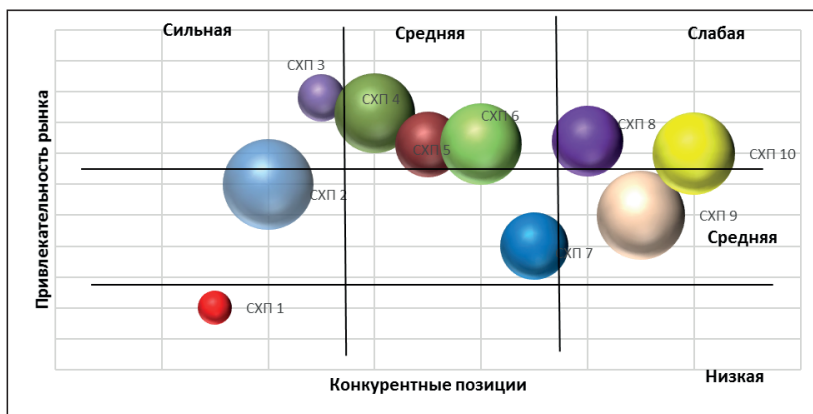

Рис. 2. Матрица Мак-Кинси, характеризующая привлекательность рынка и конкурентоспособность компании «Эвалар»

- СХП 10 и СХП 8 попали в зону высокой привлекательности рынка, но низкой конкурентоспособности, что подразумевает проведение мероприятий по защите рыночных позиций препаратов данной категории;
- СХП 3 обладает высокими конкурентными позициями, но функционирует на низкопривлекательной рыночной нише, поэтому следует заниматься поиском более привлекательного рыночного сегмента;
- СХП 2 попала в категорию вызовов. Для данной категории представляется целесообразным поддерживать производство СХП 2, выборочно инвестировать в наиболее конкурентоспособные препараты и в определенные сегменты рынка;
- СХП 1 попала в зону высокой конкурентоспособности, но низкой привлекательности рынка, что подразумевает проведение мероприятий по формированию конкурентных преимуществ препаратов данной категории;
- СХП 4, СХП 5, СХП 6 попали в зону селекции, для которой необходимо инвестирование в привлекательные рыночные ниши.

Представленная матрица Мак-Кинси не может дать точных численных результатов, так как для более точных выводов необходимы дополнительные данные относительно месторасположения производства, мест распространения. Для России это является весьма актуальным, поскольку зачастую покупка медицинских препаратов связана с регионом проживания потребителей. Однако использование данных методик позволит компании понять, какие маркетинговые мероприятия необходимы для формирования или изменения ее продуктовой стратегии. В зависимости от того, на каком этапе развития находится тот или иной продукт, компания разрабатывает различные мероприятия. Изменение маркетинговой стратегии может кардинально изменить положение продукта на рынке. А правильный и эффективный маркетинг может ускорить восхождение продукта на рынке или замедлить неизбежное прохождение продуктом тех стадий жизненного цикла, которые приносят наибольшую прибыль компании, или даже вернуть товар на предыдущую стадию.

У каждой компании продуктовый портфель различен и имеет свои особенности. Есть компании, в портфеле которых насчитывается всего 2–3 продукта, есть и те, у кого продуктовый портфель насчитывает более 200 наименований. При формировании продуктового портфеля у большинства производителей и продавцов существует желание сделать число позиций в ассортименте больше,

чтобы они в полной мере удовлетворяли потребности покупателей и чтобы они пользовались устойчивым спросом. Каждой компании приходится решать вопросы, связанные с долгосрочным планированием набора продуктов или услуг, объемов их реализации на протяжении ближайших нескольких лет. Фармацевтические компании, которые успешно функционируют на рынке, должны учитывать, что конкуренты могут осуществлять свою деятельность не хуже и стремятся улучшить ее, и в связи с этим быть готовыми к ответным действиям.

Примечания

- ¹ *Васнецова О.А.* Маркетинг в фармации. М.: Книжный мир, 2009. С. 84.
- ² Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ). [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 06.12.2017).
- ³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2000 г. № 301 «О введении в действие отраслевого стандарта “Принципы и порядок построения классификаторов в здравоохранении. Общие положения”». [Электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27940> (дата обращения: 06.12.2017).
- ⁴ Приложение к Информационному письму от 09 декабря 1994 г. № 01-07/405. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lawmix.ru/moscow-prof/68540> (дата обращения: 06.12.2017.)
- ⁵ Официальный сайт компании «Эвалар». <https://www.evalar.ru/>
- ⁶ *Томсон А.А.* Стратегический менеджмент: Концепции и ситуации для анализа: Пер. с англ. 12-е изд. М.: Вильямс, 2012. С. 375.
- ⁷ Официальный сайт компании «Эвалар». <http://www.evalar.ru/>
- ⁸ *Портер М.* Конкурентная стратегия. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 259.

Моделирование предметных областей пользователей при использовании облачных технологий

В работе приводятся модели и методы формализованного описания предметных областей пользователей, анализа и классификации их на пользователей облачных баз данных (ОБД) и пользователей локальных БД (ЛБД), проектирования канонической структуры ОБД.

Ключевые слова: облачные технологии; предметная область пользователей облачных баз данных; функция подобия объектов предметной области; объектная модель требований пользователей; объектная каноническая структура облачной базы данных.

Парадигма облачных вычислений (cloudcomputing) в настоящее время активно используется при построении АИУС различного класса и назначения¹. Использование облака в качестве информационно-технологической среды распределенной обработки данных, предоставляющей на условиях аренды повсеместный сетевой доступ пользователям к пулу конфигурируемых по требованию ресурсов (серверам, системам хранения данных, приложениям, программному обеспечению, базам данных, информации и сервисам) провайдера облака, обеспечивает следующие важные преимущества для организации:

- существенное сокращение капитальных и операционных затрат на приобретение дорогостоящих средств вычислительной техники, лицензионного системного и прикладного программного обеспечения, их постоянное обновление и модернизацию, создание и содержание ИТ-служб и подразделений;
- доступность и мобильность: с помощью веб-сервисов доступ к информации и приложениям можно получать из любой

- точки мира с помощью компьютеров и мобильных устройств (смартфонов, ноутбуков, планшетов), подключенных к сети Интернет;
- гибкость и высокая технологичность: необходимые ресурсы (информационные, вычислительные, программные) оперативно предоставляются, конфигурируются и освобождаются провайдером облака по требованию пользователей с минимальными эксплуатационными и временными затратами;
  - экономичность: парадигма облачных вычислений основана на том, что требуемые ресурсы предоставляются пользователям как пакеты услуг по требованию и оплачиваются только за фактическое количество предоставленных ими функций. Основными услугами, предоставляемыми облачными технологиями, являются: SaaS (программное обеспечение как сервис), PaaS (платформа как сервис) и IaaS (инфраструктура как сервис). Разновидностями данных услуг являются такие, как STaaS (система хранения как сервис), DBaaS (база данных как сервис), INaaS (информация как сервис) и некоторые другие²;
  - надежность: облака в виде полноценных центров обработки данных (ЦОД), включающих десятки и сотни серверов, разбросанных по сети Интернет, мощные системы хранения (СХД) и разнообразное ПО, создаются и поддерживаются специализированными организациями, укомплектованными штатом высококвалифицированных ИТ-специалистов. Создание таких ЦОД для многих организаций и предприятий, требующих значительных капитальных затрат, практически не представляется возможным.

В России облачные вычисления пока не получили столь широкого распространения, как на Западе. Объясняется это не только отсутствием понимания новой парадигмы, но и предельной осторожностью, связанной с рисками «перемещения» бизнес-процессов, программного и информационного обеспечения в облако и связанными с этим вопросами безопасности.

В зависимости от назначения различают 4 типа облаков³: частное, публичное, общественное и гибридное.

Частное облако (*private cloud*) представляется в виде ИТ-инфраструктуры, предназначенной для использования, как правило, одной организацией (предприятием). Частное облако может находиться в собственности, управлении и эксплуатации как самой организации, так и провайдера облака, либо их комбинации. Физически оно может размещаться как внутри организации, так и вне нее (на стороне провайдера облака).

Публичное облако (*public cloud*) представляет собой ИТ-инфраструктуру, предназначенную для свободного использования общественностью. Публичное облако может находиться в собственности, управлении и эксплуатации коммерческих, научных и правительственных организаций (или какой-либо их комбинации) и физически размещается на территории владельца – поставщика услуг. Пользователи не имеют возможности управлять данным облаком, и вся ответственность за его обслуживание возлагается на владельца ресурса.

Общественное облако (*community cloud*) – вид инфраструктуры, предназначенный для использования конкретным сообществом потребителей из организаций, имеющих общие задачи. Общественное облако может находиться в кооперативной (совместной) собственности, управлении и эксплуатации одной или более из организаций сообщества или третьей стороны (или какой-либо их комбинации), и оно может физически существовать как внутри, так и вне юрисдикции владельца

Гибридное облако (*hybrid cloud*) – это комбинация из двух или более различных облачных инфраструктур (частных и публичных). Часто такой тип облака применяется, когда внутренняя ИТ-инфраструктура частного облака не справляется с текущими задачами и часть мощностей и ресурсов перемещается на публичное облако (например, большие объемы статистической информации). Поэтому актуальной задачей, стоящей в настоящее время перед организациями – создателями облаков, является интеграция частных и общественных облаков⁴.

Для обеспечения пользователей требуемой информацией наиболее важными являются услуги по предоставлению доступа к информации (INaaS) и базам данных (DBaaS). Реализовать такие услуги при наличии проектных решений можно быстро, получив при этом значительный эффект. В то же время отсутствие формализованных моделей и методов анализа и структуризации информации предметных областей пользователей облачных вычислений не позволяет принимать обоснованных решений о возможности создания для отдельных групп пользователей частного облака, определения оптимального состава и структуры «облачной» БД.

Разработка блок-схемы и алгоритма анализа и структуризации предметных областей пользователей облачных технологий

В настоящем разделе рассмотрены методы кластерного анализа предметных областей пользователей, обеспечивающие классификацию их на пользователей, для которых целесообразно использование частного облака, и пользователей, для которых целесообразно

создание собственной (локальной) БД (ЛБД). Целесообразность определяется наличием заданной степени общности между предметными областями рассматриваемого множества пользователей. В дальнейшем для группы пользователей частного облака с использованием объектно-ориентированного подхода и объектно-ориентированной модели данных (ООМД) осуществляется построение и анализ объектных моделей требований пользователей, обобщенной объектной модели предметной области и объектной канонической структуры «облачной» БД (ОБД). Полученные результаты могут в дальнейшем использоваться при синтезе оптимальных логических и физических структур объектно-ориентированной ОБД. Предложенные методы основаны на результатах работ, полученных авторами в области анализа и синтеза оптимальных структур локальных, распределенных и объектно-ориентированных БД⁵. Блок-схема этапов анализа и структуризации предметных областей пользователей облачных технологий приведена на рисунке.

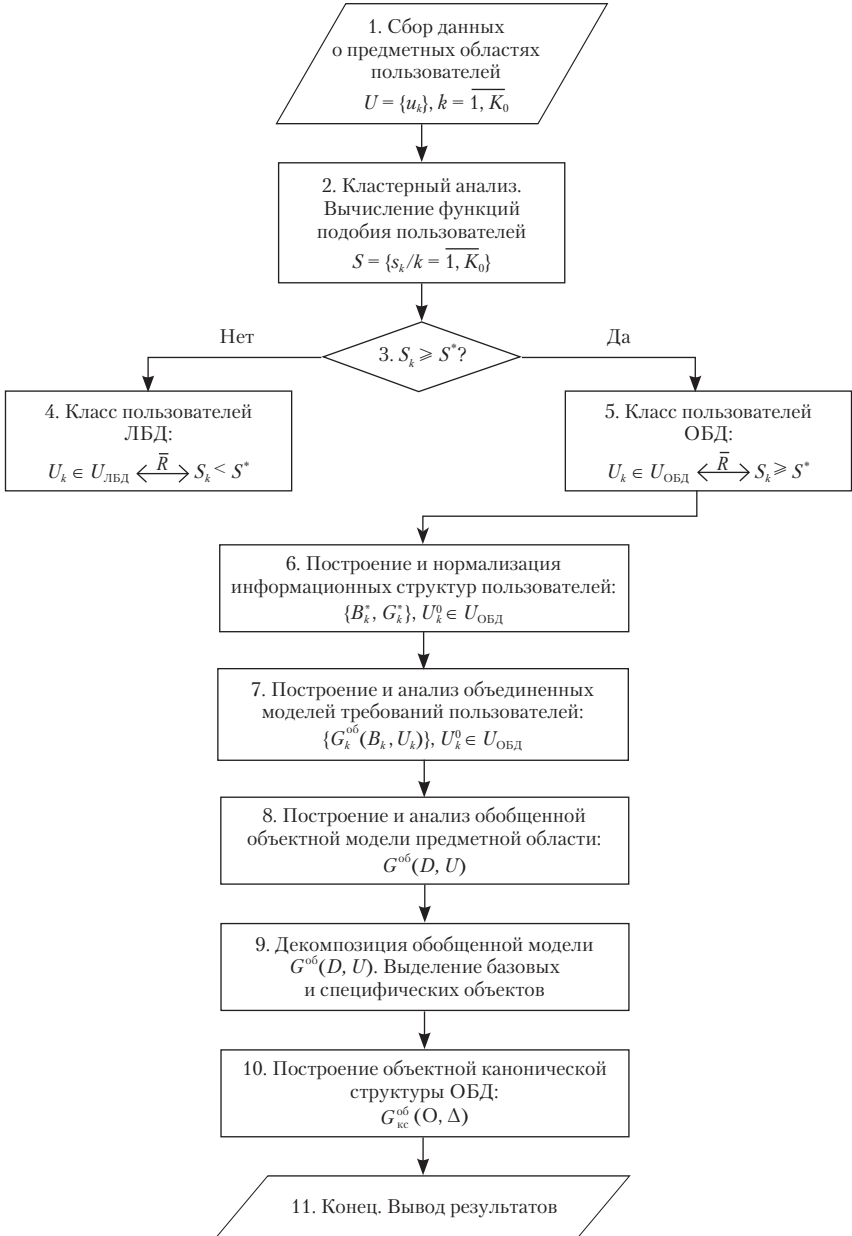
Рассмотрим методы кластерного анализа для классификации предметных областей пользователей. Предлагаемые методы основаны на процедурах анализа степени общности и оценке функции подобия предметных областей заданного множества пользователей.

Пусть $U = \{u_k\}$, $k = \overline{1, K_0}$ – множество территориально распределенных пользователей организации, $D = \{d_j\}$, $j = \overline{1, n_0}$ – полное избыточное множество информационных элементов рассматриваемой совокупности пользователей, где n_0 – количество элементов в полном множестве.

Пусть $D_k = \{d_{ki}\}$, $i = \overline{1, L_k^0}$ – множество информационных элементов, описывающих предметную область k -го пользователя, L_k^0 – количество информационных элементов в множестве.

Отношение каждого пользователя к полному множеству информационных элементов D формализованно представляется в виде матрицы смежности $B = \|b_{kj}\|$, проиндексированной по осям множеств пользователей $U = \{u_k\}$ и полным множествам информационных элементов $D = \{d_j\}$. Элементы матрицы $B = \|b_{kj}\|$ принимают единичные значения, если информационный элемент d_j требуется пользователю u_k , в противном случае $b_{ki} = 0$.

На основании введенных исходных данных определим объединенное множество информационных элементов $D^0 = \{d_j\}$, $i = \overline{1, N}$, $N = \sum_k L_k^0$, получаемое путем объединения множеств D_k и содержащее повторяющиеся информационные элементы, т. е. $D^0 = \bigcup_{k=1}^{k_0} D_k$. Далее определим множество $D_k^y : D_k^y = D^0 - D_k$, $k \in \overline{1, K_0}$.

Степень общности информации предметных областей пользователей определяется методом последовательного получения и анализа попарных пересечений информационных множеств пользователей с соответствующими множествами D_k^y .

Пусть $D_k^p = D_k \cap D_k^y$ – множество общих элементов информационного множества отдельного пользователя D_k и подмножества пользователей D_k^y . Если множество D_k^p является не пустым, а мощность пересечения удовлетворяет заданной величине, то предметная область k -го пользователя имеет достаточную степень общности с предметными областями других пользователей, что позволяет рассматривать его в качестве пользователя ОБД.

Для получения количественной характеристики степени общности предметной области k -го пользователя с объединенной предметной областью остальных пользователей воспользуемся понятием меры подобия.

Пусть заданы множества D_k и D_k^y . Тогда мерой подобия называется отображение пересечения множеств $D_k^p = D_k \cap D_k^y$ на некоторое множество вещественных чисел, выраженное неотрицательной вещественной функцией S_k , удовлетворяющей условию $0 \leq S_k \leq 1$.

В теории автоматической классификации используется ряд функций для вычисления мер подобия между объектами, представленных в таблице на стр. 80. Большинство функций подобия включает в свой состав величину p_{00} , которая определяет количество элементов, одновременно отсутствующих в обоих рассматриваемых множествах. Так как по определению $D^0 = \bigcup_k D_k$ и $D_k^y = D^0 - D_k$, то величина p_{00} всегда принимает нулевое значение. Таким образом, использование ряда функций подобия (S_2, S_5, S_7) приводит к вырожденным оценкам, не обеспечивающим адекватности сравнения. Анализ функций подобия S_1, S_3, S_4, S_6 показывает, что они обеспечивают сравнимость результатов. Среди них функция S_6 наиболее точно отражает степень общности между двумя множествами, так как позволяет учесть общие (p_{11}) и специфические (p_{10} и p_{01}) информационные элементы в обоих множествах.

Поэтому меру подобия предлагается вычислять с использованием выражения S_6 , где $n_0 = p_{11} + p_{10} + p_{01}$ – общее количество различных информационных элементов в рассматриваемых множествах, равное количеству элементов в полном множестве $D = \{d_i\}$; p_{11} – количество общих элементов в информационных множествах D_k и D_k^y .

Таблица

Код	Стандартная форма функции подобия	Вид функции в матричной модели
S_1	$\frac{p_{11}}{p_{11} + p_{10} + p_{01}}$	$\frac{p_{11}}{n_0}$
S_2	$\frac{p_{11} + p_{00}}{p}$	$\frac{p_{11}}{n_0}$
S_3	$\frac{p_{11}}{p}$	$\frac{p_{11}}{n_0}$
S_4	$\frac{2p_{11}}{2p_{11} + p_{10} + p_{01}}$	$\frac{2p_{11}}{p_{11} + n_0}$
S_5	$\frac{2(p_{11} + p_{01})}{p_{11} + p_{10} + p_{00}}$	$\frac{2(p_{11} + p_{01})}{p_{11} + n_0}$
S_6	$\frac{p_{11}}{p_{11} + 2(p_{10} + p_{01})}$	$\frac{p_{11}}{n_0 + p_{10} + p_{01}}$
S_7	$\frac{p_{11} + p_{00}}{p + p_{10} + p_{01}}$	$\frac{p_{11}}{n_0 + p_{10} + p_{01}}$

Величину p_{11} предлагается рассчитывать на основании характеристик матрицы $B = \|b_{kj}\|$ следующим образом: $p_{11} = \sum_{j=1}^{n_0} Z_j$, где $Z_j = 1$, если $\exists j: d_j \in D_k$ и $\sum_{k=1}^{K_0} b_{kj} \geq 1$; в противном случае $Z_j = 0$; p_{10} – количество элементов, принадлежащих множеству D_k , но отсутствующих в множестве D_k^y . Величина p_{10} рассчитывается как $p_{10} = \sum_{j=1}^{n_0} X_j$, где $X_j = 1$, если $\exists j: d_j \in D_k$ и $\sum_{k=1}^{K_0} b_{kj} = 1$; в противном случае $X_j = 0$; p_{01} – количество элементов, отсутствующих во множестве D_k , но принадлежащих множеству D_k^y , p_{01} определяется в виде $p_{01} = \sum_{j=1}^{n_0} Y_j$, где $Y_j = 1$, если $\exists j: d_j \notin D_k$ и $\sum_{k=1}^{K_0} b_{kj} \geq 1$; в противном случае $Y_j = 0$.

С учетом введенных обозначений функция подобия S_6 принимает вид:

$$S_k = \frac{\sum_j Z_j}{\sum_j Z_j + 2(\sum_j X_j + \sum_j Z_j Y_j)}.$$

Зададим на множестве пользователей $U = \{u_k\}$ отношение принадлежности R , которое определяется величиной меры подобия из множества $S = \{S_k\} : U_k \in U_{\text{ОБД}} \xleftrightarrow{\bar{R}} S_k \geq S^*$, где $U_{\text{ОБД}}$ – множество пользователей ОБД, S^* – критическая мера подобия.

Отношение R принадлежности пользователей к классу $U_{\text{ЛБД}}$, для которого целесообразно проектирование локальных БД, определяются как $U_k \in U_{\text{ЛБД}} \xleftrightarrow{\bar{R}} S_k < S^*$.

Соотношение $S_k \geq S^*$ обычно выполняется в случае наличия пользователей, решающих близкие по функциональному назначению и характеристикам задачи управления и переработки информации.

Таким образом, в результате выполнения процедур кластерного анализа формируется множество пользователей «облачной» БД (ОБД) $U_k^0 \in U_{\text{ОБД}}$ и множество пользователей локальных БД (ЛБД) $U_k^0 \in U_{\text{ЛБД}}$.

Разработка методов построения объектной канонической структуры ОБД

В данном разделе статьи для группы пользователей $U_k \in U_{\text{ОБД}}$ предложены модели и методы построения внешних моделей, обобщенной внешней модели и объектной канонической структуры ОБД на основе методов объектно-ориентированного проектирования.

Использование данных методов неслучайно. Они наиболее адекватно отражают технологию облачных вычислений и предоставляемых услуг, поскольку предполагают инкапсуляцию в одном объекте как данных, так и методов (процедур) их обработки. Это позволяет создавать БД открытой архитектуры, с присущими ей свойствами переносимости, мобильности и интероперабельности; сократить сроки, стоимость и трудоемкость разработки БД за счет распараллеливания процесса создания структур БД и прикладных программ между коллективами разработчиков, а также возможности повторного использования наследованных объектов; обеспечить простоту сопровождения БД и приложений за счет использования принципа непрозрачности информации, при котором обеспечивается сокрытие в объекте как процедур обработки данных, так и самих данных; свойство полиморфизма позволяет использовать одни и те же процедуры путем посылки сообщений для разных объектов, различающихся только переменными вызовов.

Введем ряд необходимых определений.

Под объектом предметной области будем понимать некоторую совокупность информационных элементов и методов (процедур) их обработки, а также отношений между ними, составляющих единое целое с точки зрения семантических и процедурных аспектов предметной области.

Под объектной моделью требований пользователей будем понимать информационно-функциональную структуру, формируемую в результате выполнения операций наложения на графы информационных структур пользователей технологических составляющих, описывающих процедуры поиска и обработки данных.

Под обобщенной объектной моделью предметной области будем понимать информационно-функциональную структуру, формируемую в результате операций наложения объектных моделей требований пользователей.

Под анализом обобщенной объектной модели предметной области понимается процесс сведения многообразия зафиксированных в ней объектных моделей требований пользователей к базовым (типовым) и специфическим объектам, в результате которого осуществляется построение объектной канонической структуры БД.

Проектирование объектных моделей требований пользователей осуществляется в 2 этапа.

На первом этапе с помощью предложенных в работах⁶ структурных методов осуществляется построение и нормализация информационных структур пользователей.

На втором этапе осуществляется отображение на сформированные информационные структуры требований пользователей по обработке данных.

Исходными данными для реализации этого этапа являются:

а) формализованные описания нормализованных информационных структур пользователей, задаваемые в виде матриц смежности B_k^* и орграфов G_k^* , на которых выделены групповые и информационные элементы, ключи и атрибуты групп данных;

б) формализованные описания требований пользователей по обработке данных.

Формализованные описания требований k -го пользователя по обработке данных задаются с помощью:

- множества процедур обработки данных $F_k = \{f_r^k / r = \overline{1, R_k}\}$, где f_r^k – r -я процедура k -го пользователя;
- матрицы использования l -го информационного элемента ($l \in I_k \subseteq L$) r -й процедурой ($r \in R_k \subseteq R$) $W_k = \|w_{rl}^k\|$. Элемент $w_{rl}^k = 1$, если l -й информационный элемент используется r -й процедурой; в противном случае $w_{rl}^k = 0$;

– структуры поиска требуемых для обработки данных, задаваемой в виде дерева поиска данных на графе информационной структуры G_k^* .

Отображение требований обработки данных на графах информационных структур пользователей производится следующим образом.

Использование некоторой r -й процедурой обработки данных l -го элемента формально представляется на графе G_k^* петлей на группе d_j^r , в которую он входит, что свидетельствует об обработке данного группового элемента.

Деревья поиска, требуемые для обработки данных, отображаются дополнительными дугами на графе G_k^* .

Таким образом, формализованно объектная модель требований k -го пользователя представляется в виде мультиграфа с одним типом вершин и двумя типами дуг $G_k^{ob}(D_k, U_k)$, где $D_k = \{d_l^k / l = \overline{1, L_k}, L_k \subseteq L\}$ – множество информационных элементов (включая ключи и атрибуты данных), выявленные в результате выполнения структурных методов, описанных в работе В.В. Кульбы и др.⁷; $U_k = U_k^{al} \cup U_k^{np}$, где U_k^{al} – множество дуг, характеризующих структуру взаимосвязей между информационными элементами (группами данных, ключами и атрибутами), а U_k^{np} – множество дуг, характеризующих технологию обработки данных для k -го пользователя в виде реализации совокупности методов (процедур) поиска и непосредственной обработки данных, включая петли и непосредственно дуги.

Основные характеристики объектной модели требований G_k^{ob}

1. Вектор технологических весов вершин $Z_\mu^k = \{z_{lk}^\mu\}$, где z_{lk}^μ – технологический вес d_l -й вершины графа G_k^{ob} .

2. Вектор технологических толщин дуг $Z_\eta^k = \{z_{ll',k}^\eta\}$, где $z_{ll',k}^\eta$ – технологическая толщина дуги на графе.

Технологический вес $z_{lk}^\mu = \text{const}$, где $\text{const} \in \{0, 1, 2, \dots, N\}$, N -множество целых чисел означает степень использования информационного элемента d_l множеством процедур обработки данных. Чем больше значение z_{lk}^μ для некоторого d_p , тем более важным является элемент d_l в процессах обработки данных.

Технологическая толщина дуги (d_p, d_l) $z_{ll',k}^\eta = \text{const}$ (где $\text{const} \in \{0, 1, 2, \dots, N\}$, N -множество целых чисел) означает степень использования дуги (ll') в процессах поиска требуемых данных. Чем больше значение $z_{ll',k}^\eta$ для некоторой дуги (d_p, d_l) , тем более часто используется данная дуга в путях доступа к требуемым для обработки данным.

Определение технологических весов вершин осуществляется путем суммирования значений матрицы по столбцам (информационным элементам): $z_{lk}^\mu = \sum_{\forall r \in R_k} w_{rl}^k$.

Определение технологических толщин дуг осуществляется путем суммирования дуг, входящих в множество U_k^{np} :

$$z_{l',k}^{\text{п}} = \sum_{l,l' \in U_k^{\text{np}}} (d_l, d_{l'}).$$

Вычислив основные характеристики графа $G_k^{\text{об}}$, можно перейти к другому формализованному представлению объектной модели требований пользователей – взвешенному графу $G_k^{\text{БЗВ}}(D_k^{\text{БЗВ}}, U_k^{\text{БЗВ}})$, где каждой вершине $d_l \in D_k^{\text{БЗВ}}$ и дуге $(d_b, d_r) \in U_k^{\text{БЗВ}}$ приписаны соответствующие им веса.

Построение обобщенной объектной модели предметной области осуществляется после построения объектных моделей для всех требований пользователей путем последовательного наложения мультиграфов $G_k^{\text{об}}(D_k, U_k)$ друг на друга. Разработанная процедура основана на совмещении идентичных информационных элементов независимо от уровня их размещения на графах $G_k^{\text{об}}(D_k, U_k)$.

Результатом выполнения процедуры наложения является упорядоченный по уровням иерархии мультиграф обобщенной модели предметной области $G^{\text{об}}(D, U)$ с одним типом вершин $D = \{d_l / l = \overline{1, L}\}$, соответствующих множеству информационных элементов, и двумя типами дуг: $U^{\text{эл}}$ – множество информационных взаимосвязей между элементами $d_l \in D$ и $U^{\text{пр}}$ – множество процедурных (технологических) взаимосвязей между информационными элементами, $U = U^{\text{эл}} \cup U^{\text{пр}}$.

Основные характеристики обобщенной объектной модели предметной области

1. Вектор информационных весов вершин графа $G^{\text{об}}$: $Z_v = \{z_l^v\}$, где z_l^v – информационный вес вершины $d_l \in D$. Информационный вес для некоторой вершины d_l равен целому положительному числу $(0, 1, 2 \dots N)$ и характеризует степень потребности множества пользователей в данном элементе. Чем больше значение z_l^v , тем более важным и необходимым является элемент d_l для удовлетворения информационных потребностей пользователей.

2. Вектор технологических весов вершин графа $G^{\text{об}}$: $Z_{\mu} = \{z_l^{\mu}\}$, где z_l^{μ} – технологический вес d_l -го элемента (вершины), $z_l^{\mu} \in \{0, 1, \dots, N\}$.

3. Вектор информационных толщин дуг графа $G^{\text{об}}$: $Z_0 = \{z_{l',l}^0\}$, где $z_{l',l}^0$ – информационная толщина дуги $(d_l, d_{l'})$. Информационная толщина дуги равна целому положительному числу $(0, 1, 2 \dots N)$ и характеризует степень семантической (смысловой) связности элементов d_l и $d_{l'}$ в заданной предметной области. Чем больше значение $z_{l',l}^0$, тем более семантически связаны (ассоциированы) элементы

d_l и d_l' , что подтверждено подмножеством пользователей в их информационных требованиях.

4. Вектор технологических толщин дуг графа $G^{об}$: $Z_{\eta} = \{z_{ll'}^{\eta}\}$, где $z_{ll'}^{\eta}$ – технологическая толщина дуги (d_l, d_l') , $z_{ll'}^{\eta} \in \{0, 1, 2 \dots N\}$.

Далее на основе анализа обобщенной объектной модели предметной области осуществляется построение объектной канонической структуры ОБД путем сведения многообразия объектных моделей требований пользователей, зафиксированных в обобщенной объектной модели, к базовым (типовым) и специфическим объектам.

На первом этапе анализа осуществляется переход от мультиграфа $G^{об}(D, U)$ к взвешенному графу $G^{взв}(D, U)$ обобщенной объектной модели предметной области. С этой целью для каждой вершины графа $G^{об}$ вычисляются их средние веса, которые рассчитываются по формуле

$$z_l^{cp} = \frac{z_l^v + z_l^h}{2}, \forall d_l \in D,$$

а для каждой связи – средние веса толщин дуг:

$$z_{ll'}^{cp} = \frac{z_{ll'}^{\theta} + z_{ll'}^{\eta}}{2}, \forall (d_l, d_l') \in U.$$

Взвешенный граф $G^{взв}(D, U)$ представляется в виде орграфа с одним типом вершин и дуг, каждая из которых имеет определенный средний вес. Графу $G^{взв}(D, U)$ ставится в соответствие взвешенная матрица смежности $B = \|b_{ij}\|$. Элементы b_{ij} матрицы B , лежащие не на главной диагонали, равны положительным вещественным числам, соответствующим весам толщин дуг. Элементы b_{ii} матрицы B , лежащие на главной диагонали, равны положительным вещественным числам и соответствуют средним весам вершин графа $G^{взв}$.

На втором этапе анализа решается задача декомпозиции взвешенного графа $G^{взв}$ на ряд подграфов, соответствующих базовым (типовым) и специфическим объектам предметной области. Данная задача решается при следующих ограничениях:

а) на количество информационных элементов в одном объекте (N);

б) на количество процедур (методов) обработки данных в одном объекте (M);

в) на возможность включения отдельных информационных элементов в состав одного объекта. Данное ограничение формаль-

но можно представить в виде матрицы смежности $\bar{B} = \|\bar{b}_{ij}\|$, элементы которой: $\bar{b}_{ij} = 1$, если информационные элементы d_i и d_j семантически несовместимы в составе одного объекта, и $\bar{b}_{ij} = 0$, если появление элементов d_i и d_j в составе одного объекта допустимо;

г) на уровень типовости, при котором конструируемые объекты (как подграфы графа $G^{\text{взв}}$) можно отнести к базовым объектам данной предметной области (Y).

Уровень типовости задается проектировщиком ОБД и определяется как интегральная характеристика информационной и технологической связности объектов.

Значения ограничений N , M и Y выбираются таким образом, чтобы, по крайней мере, отдельная вершина графа $G^{\text{взв}}(D, U)$ представляла из себя отдельный объект предметной области.

Для решения поставленной задачи может быть использован алгоритм, приведенный в работе⁸. В результате его выполнения осуществляется преобразование:

$$G^{\text{взв}}(D, U) \rightarrow G_{\text{кс}}^{\text{об}}(O, \Delta),$$

где $G_{\text{кс}}^{\text{об}}(O, \Delta)$ – граф объектной канонической структуры ОБД, вершинами которого $O = \{O_{\varepsilon}/\varepsilon = \bar{1}, \varepsilon_0\}$ являются объекты предметной области, а дугами $\Delta = \{\delta_{\varepsilon\varepsilon'}/\varepsilon, \varepsilon' = \bar{1}, \varepsilon_0\}$ – связи (или отношения) между объектами.

Характеристиками графа $G_{\text{кс}}^{\text{об}}$ являются интегральные характеристики объектов и связей между ними. На сформированной объектной канонической структуре ОБД выделено множество базовых $O_{\text{баз}}$ и специфических $O_{\text{спец}}$ объектов.

Заключение

Таким образом, предложенные в работе методы и алгоритмы позволяют классифицировать пользователей на группу пользователей частного облака и пользователей локальных БД, сформировать внешние модели, обобщенную внешнюю модель и объектную каноническую структуру облачной БД. В дальнейшем данные результаты используются при синтезе логических и физических структур ОБД облачных технологий. Разработанные методы и алгоритмы использовались при разработке ряда проектов информационной инфраструктуры Евразийского патентного ведомства Евразийской патентной организации.

- ¹ Cloud Computing: Principles, Systems and Applications / N. Antonopoulos, L. Gillam (eds.) L.: Springer, 2010. 379 p.; *Батура Т.В., Мурзин Ф.А., Семич Д.Ф.* Облачные технологии: Основные модели, приложения, концепции и тенденции развития // Программные продукты и системы. 2014. № 3 (107). С. 64–72.
- ² Cloud Computing...; *Батура Т.В., Мурзин Ф.А., Семич Д.Ф.* Указ. соч.; *Mell P., Grance T.* The NIST Definition of Cloud Computing: Recommendations of the National Institute of Standards and Technology. NIST, 2011.
- ³ *Mell P., Grance T.* Op. cit.
- ⁴ *Черняк Л.* Интеграция – основа облака // Открытые системы. СУБД. 2011. № 7.
- ⁵ *Мамиконов А.Г., Ашимов А.А., Кульба В.В., Косяченко С.А., Сиротюк В.О.* Оптимизация структур данных в АСУ. М.: Наука, 1988. 256 с.; *Кульба В.В., Ковалевский С.С., Косяченко С.А., Сиротюк В.О.* Теоретические основы проектирования оптимальных структур распределенных баз данных. М.: СИНТЕГ, 1999. 660 с. (Серия «Информатизации России на пороге XXI века»); *Кульба В.В., Микрин Е.А., Сиротюк В.О., Сиротюк О.В.* Модели и методы проектирования оптимальных структур объектно-ориентированных баз данных в автоматизированных информационно-управляющих системах. М.: ИПУ РАН, 2005. 103 с.
- ⁶ *Мамиконов А.Г., Ашимов А.А., Кульба В.В., Косяченко С.А., Сиротюк В.О.* Указ. соч.; *Кульба В.В., Ковалевский С.С., Косяченко С.А., Сиротюк В.О.* Указ. соч.
- ⁷ *Кульба В.В., Ковалевский С.С., Косяченко С.А., Сиротюк В.О.* Теоретические основы проектирования оптимальных структур распределенных баз данных. М.: СИНТЕГ, 1999. 660 с. (Серия «Информатизации России на пороге XXI века»).
- ⁸ *Кульба В.В., Микрин Е.А., Сиротюк В.О., Сиротюк О.В.* Указ. соч.

Г.Е. Кедрова, В.В. Муромцев

Современное состояние и направления развития систем дистанционного обучения

Представлен обзор современного состояния дистанционного образования. Рассматриваются основные системы ДО и направления их дальнейшего развития. Особый акцент сделан на инновационные технологии массового глобального онлайн-обучения: массовые открытые онлайн-курсы, или MOOC. Для этого перспективного направления предпринята попытка осмысления первых результатов и основных проблемных зон реализации учебного процесса.

Ключевые слова: дистанционное образование, системы ДО, образовательная среда.

Одним из результатов перехода к информационному обществу, который в настоящее время осуществляют все развитые страны, явилось формирование принципиально новых требований к образованию, которые обусловлены как новыми потребностями общества, так и возможностями информационных технологий. Это, прежде всего, открытость, доступность и непрерывность¹. Сегодня очевидно, что обеспечение этих требований невозможно в рамках традиционной системы образования без использования новых, инновационных технологий обучения. И хотя дистанционное обучение (ДО) появилось во второй половине девятнадцатого века, именно оно на базе новых информационных технологий призвано отвечать требованиям времени к образованию.

Конец 1990-х годов в области дистанционного образования ознаменовался появлением новых типов электронных образовательных сред, которые получили название Learning Management

System (LMS) и которые кардинальным образом изменили само понятие ДО и во многом определили главные параметры современных компьютерных образовательных сервисов. LMS, или системы управления обучением, включали в себя разнообразные и довольно простые в обращении средства сбора образовательного контента, в том числе мультимедийного; разнообразные способы интерактивного взаимодействия всех участников образовательного процесса (чаще всего в офлайн-режиме); средства текущего и итогового контроля за процессом обучения (оперативный мониторинг активности каждого студента) и соответствующую аналитику для мониторинга деятельности образовательной программы в целом; средства текущего администрирования учебного процесса, в том числе в его традиционных формах, а также целый набор вспомогательных программных приложений, облегчающих работу преподавателя и / или тьютора в отношении большинства рутинных операций и действий (так называемых интеллектуальных агентов). Впоследствии LMS-технологии успешно интегрировали в себя еще один тип образовательных систем, развивавшийся некоторое время параллельно, – системы управления собственно учебным контентом, или Learning Content Management System / Content Management System (LCMS / CMS).

Вместе с тем в последнее время в области компьютерного ДО, помимо постоянно идущего процесса появления и освоения педагогическим сообществом новых аппаратных технологий и программных компьютерных сервисов, наблюдаются новые тенденции – а именно: разработка и достаточно активное освоение и распространение инновационных дидактических моделей и педагогических методик. Сегодня именно запросы, как самих педагогов, так и учащихся, диктуют производителям технологий и разработчикам программного продукта новую конфигурацию и параметры виртуальной образовательной среды, что естественным образом привело к формированию острой конкуренции в соответствующем сегменте рынка образовательных услуг. Поэтому эта сфера сегодня является для российского образования одной из наиболее важных. Рассмотрим некоторые определяющие тенденции в этой области.

Как показывает анализ опыта использования разнообразных компьютерных средств обучения, который накоплен за последние два десятилетия, наблюдается постоянная трансформация понятия «электронная образовательная среда» (ЭОС) – от жестко детерминированных (закрытых) систем (платформ), почти всегда несовместимых друг с другом и с большим трудом интегрирующих в

себя новые информационные форматы и стандарты, к модульным и легкотрансформируемым системам. Такие системы полностью открыты в отношении совместимости с другими системами и разными форматами представления информации, они могут легко интегрироваться со все более многочисленными новыми программными продуктами и сервисами, разрабатываемыми для поддержки общедоступного глобального информационного пространства Интернета, которое сегодня формируется, в первую очередь, на основе сервисов Веб 2.0. В результате в настоящий момент в мире представлено большое разнообразие образовательных средств и специализированных программных платформ. Тем не менее весь спектр этих программных продуктов можно классифицировать по нескольким основным параметрам.

В первую очередь, это платные программные продукты и бесплатные программные продукты с открытым кодом и свободно тиражируемые программы (чаще всего распространяемые в соответствии с разными подвидами лицензий Creative Commons); программные продукты, требующие установки на клиентские компьютеры (и на специализированные серверы) и полностью «облачные» сервисы, не зависящие (или минимально зависящие) от компьютерного обеспечения конечного пользователя (т.е. полностью интернет-платформы); системы, ориентированные на обеспечение преимущественно индивидуального обучения, и программные оболочки, поддерживающие, в первую очередь, совместную работу в коллективном образовательном пространстве (*collaborative learning*); системы управления обучением, ограниченные по объему обучающегося контингента, и образовательные платформы, неограниченно масштабируемые по этому параметру (так называемые Массовые открытые онлайн-курсы, или MOOCs – *Massive Open Online Courses*).

С методической точки зрения современные LMS также можно поделить на несколько классов: традиционные (использующие учебник – печатный или электронный) системы и виртуальные образовательные среды, инновационные по методам организации и ведения учебного процесса (в частности, базирующиеся на функционалах социальных сетей, которые формируют новый тип открытой виртуальной образовательной среды с коллективным учителем и динамически формируемым учебно-справочным аппаратом); системы, сконцентрированные на главенствующей роли преподавателя и / или тьютора (реального или виртуального), выступающего организатором и руководителем всех видов учебной деятельности, и системы, использующие технологии «взаимного

обучения» (collaborative learning) в качестве основной образовательной стратегии, а также целый спектр промежуточных – по отношению тех или иных программных решений и образовательных методик – систем и платформ.

В целом, рассматривая как уже реализованные проекты, так и проекты, которые еще находятся в стадии разработки, но отражают основные тенденции в области инновационного ДО, можно сделать вывод, что вся современная сфера электронного (компьютерного) образования и обучения руководствуется одним доминирующим принципом – принципом свободного и гибко настраиваемого образовательного процесса (flexible learning). Чем более какая-либо система (платформа) отвечает этому принципу, тем более востребованной она становится как у организаторов образовательного процесса и преподавателей, так и со стороны самих конечных «потребителей» образовательной услуги – вариативного и многообразного контингента учащихся (школьников, студентов и слушателей в системах профессиональной переподготовки и повышения квалификации – т. н. life-long learning).

Универсальное настраиваемое гибкое обучение (flexible learning) часто определяется как некая альтернатива традиционному образовательному процессу, ориентированному на ведущую роль преподавателя и непосредственное взаимодействие всех участников образовательного процесса в классе. Однако в последнее время благодаря несомненным успехам программ т. н. «смешанного», или «включенного» обучения (blended learning), противопоставление «гибкого» обучения и традиционного «внутриклассного» обучения постепенно стирается. Тем не менее ведущий принцип «гибкого» обучения, а именно «главенство» учащегося (студента), т. е. ведущая роль самого обучающегося как объекта и одновременно субъекта образовательного процесса, остается неизменным (т. н. student-centered learning). Именно обеспечение этого базового принципа в настоящий момент рассматривается как главный критерий успешности и востребованности любой электронной образовательной системы (программной платформы – электронной образовательной среды). Однако необходимо отметить, что этот же принцип обусловил целый спектр возникающих при таком подходе проблемных моментов, в первую очередь неготовность самого студента к несению ответственности за ведение процесса обучения, что особенно ярко проявилось в новом образовательном сегменте – сфере т. н. «массового открытого онлайн-обучения» (МООС)². Поэтому современные успешные системы компьютерного обучения чаще всего используют неочевидные скры-

тые методы направления образовательного процесса и контроля за его развитием, т. е. «маскируют» те его элементы, которые могут рассматриваться как не полностью соответствующие свободному, гибко подстраиваемому под студента обучению. Тем не менее этот главный пользовательски ориентированный принцип остается неизменным, что в последнее время также поддерживается все более многочисленными и разнообразными методами поддержки мобильного обучения (mobile learning) как одной из самых востребованных и динамично развивающихся сфер образования.

Необходимо признать, что в России – во многом благодаря своевременно оказанной государственной поддержке электронного дистанционного образования – накоплен большой и продуктивный опыт освоения и внедрения инновационных образовательных технологий и педагогических методов. В частности, очень продуктивным оказался опыт выполнения одной из первых российских национальных программ в области разработки и внедрения средств дистанционного обучения в российских вузах в ходе эксперимента, инициированного в 1997 г. Министерством образования Российской Федерации. Этот эксперимент имел своей целью исследование и придание импульса дальнейшего развития различных моделей дистанционных образовательных технологий, отработки организационных форм реализации и подготовки необходимых нормативно-правовых документов для регламентации применения технологий ДО, а его результаты оказались определяющим для целого этапа становления и развития отечественного электронного обучения³.

В результате эксперимента по использованию ДО в вузах России уже к середине 2005 г. был достигнут удовлетворительный уровень качества подготовки по программам высокотехнологичного ДО; десятки тысяч выпускников успешно прошли итоговую аттестацию в государственных аттестационных комиссиях, десятки филиалов вузов прошли аттестацию и получили государственную аккредитацию в составе базовых вузов с правом ведения образовательной деятельности с использованием дистанционных образовательных технологий. Вместе с тем отмечалось, что сложившаяся к моменту подведения итогов эксперимента ситуация в области ДО в России требует проведения более энергичной политики в области координации и организации применения дистанционных образовательных технологий, поскольку эксперимент позволил выявить целый ряд важных проблем, от решения которых, как было указано, во многом зависит дальнейшее развитие этого направления в системе образования в России.

К этим проблемам были отнесены и многие ключевые аспекты методического обеспечения образовательного процесса, проводимого в дистанционной форме. Так, тревожным сигналом неблагополучия в сфере ДО в России стал тот факт, что, как показал проведенный эксперимент, почти все вузы, осуществляющие дистанционный образовательный процесс, действовали в основном автономно, используя при этом программный продукт, созданный на основе различных и, в большинстве случаев, несовместимых друг с другом стандартов. Это, с одной стороны, значительно затруднило эффективный информационный обмен между вузами, а с другой стороны, создавало трудности интегрирования в общемировую систему дистанционного обучения, реализуемого на основе международных стандартов (например, ISO). Таким образом, практически синхронно с остальными развитыми странами, которые активно разрабатывали национальные системы e-learning, в России была поднята проблема стандартизации и оценки качества электронных образовательных ресурсов (ЭОР).

Однако сегодня приходится признать, что по ряду объективных и субъективных причин попытки стандартизации «сверху», которые неоднократно предпринимались в России, ни к чему не привели.

Тем не менее несмотря на то что большинство программных продуктов, разработанных в период проведения эксперимента, исчезло из образовательной сферы, некоторые, уже достаточно рано появившиеся на российском рынке образовательных продуктов системы в классе LMS, доказали свою эффективность, на протяжении десятилетий демонстрируя свою конкурентоспособность. Например, одной из таких достаточно успешных систем стала LMS СДО «Прометей», которая, хотя и сформировалась на предыдущем этапе развития средств формирования и управления дистанционным обучением, продолжает и сегодня успешно эксплуатироваться в российских вузах⁴.

Постепенно рынок электронных образовательных ресурсов выдвинул своих лидеров – программное обеспечение, которое в наибольшей степени позволяло реализовать все вышеперечисленные тенденции, доминирующие в ДО. В первую очередь, наиболее востребованными и поэтому наиболее часто используемыми оказались бесплатно распространяемые многофункциональные LMS, имеющие мультязычный интерфейс. Лидером среди программных продуктов этого класса – компьютерных образовательных платформ, несомненно, является MOODLE (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment, т. е. «модульная объектно-ориен-

тированная динамическая обучающая среда») (по последним данным, она сегодня используется уже в 160 странах⁵). Эта платформа, хорошо приспособленная для ведения разных форм как собственно ДО, так и традиционного, очного, обучения, долгое время успешно конкурировала с аналогичным по функциональным возможностям коммерческим продуктом – виртуальной средой обучения Blackboard. По понятным причинам – прежде всего экономического порядка – система MOODLE является доминирующей сегодня в России. Поскольку обе системы обладают достаточно эргономичным, интуитивно понятным интерфейсом, совместимы с разными операционными системами и позволяют работать практически с любыми типами информационных ресурсов (типами файлов), они быстро завоевали популярность у преподавателей и студентов. На сегодняшний день в наиболее используемых системах LMS накоплено большое количество мультимедийных электронных учебных материалов, интерактивных электронных учебников, адаптивных тестов и упражнений, контрольных и лабораторных работ и др. учебных ресурсов, которыми преподаватели могут при желании свободно обмениваться⁶.

Заметим, что несомненно ведущая роль LMS в обеспечении современного ДО не означает, что другие программные средства его поддержки – такие, как классы программных средств EDS (Educational Delivery Systems)⁷ или CMS (Course Management Systems) – не находят сегодня своего применения. Как раз наоборот: программные средства создания и публикации в Интернете электронных учебных материалов, средства поиска распределенного образовательного контента, новые способы описания и классификации ЭОР (в том числе на основе теории «учебных объектов», или learning objects), приложения для формирования индивидуальных и коллективных электронных «облачных» библиотек на основе технологий виртуальных закладок (bookmarking), создание учебных онтологий с использованием элементов искусственного интеллекта, переживают в связи с беспрецедентной популярностью социальных сетевых сервисов свой расцвет⁸. Удачным примером интеграции этих технологий является, в частности, интеллектуальная платформа Math-Bridge, предназначенная для обучения математике, в которой поддерживается кросскультурный и многоязычный доступ к аннотированной базе знаний по математике⁹.

Логичным продолжением наработок в сфере конструирования виртуальных образовательных сред и формирования новых педагогических подходов в обучении стала бурно развивающаяся в последнее время технология массовых открытых онлайн-курсов,

или МООС. Считается, что этот феномен способен существенно изменить практически все методические и педагогические практики, а также администрирование образовательных процессов и в целом перестроить экономику образовательного сегмента общественной жизни в глобальном масштабе¹⁰. Хотя история развития компьютерных средств обучения изобилует регулярно появляющимися инновационными продуктами, которые вызывают поначалу массовый интерес педагогического сообщества, но впоследствии нередко приводят к столь же массовому разочарованию, считается, что именно массовые открытые онлайн-курсы способны вывести современную сферу образования на принципиально новый уровень.

Отметим, что в основе массовых онлайн-курсов (МООС) лежит совершенно новая бизнес-модель. Университеты в этом случае идут на определенные затраты, связанные с организацией и проведением обучения, однако результаты, связанные с популяризацией университета и дальнейшим увеличением за счет этого числа студентов, полностью компенсируют затраты на онлайн-курсы.

В свою очередь, в традиционной бизнес-модели LMS затраты непосредственно компенсируются за счет платы за обучение.

Именно успехами массовых открытых онлайн-курсов объясняется интерес, проявляемый на государственном уровне, к внедрению подобных технологий в разных странах, в том числе и в России. Так, осенью 2015 г. при поддержке Министерства образования РФ стартовал образовательный онлайн-проект восьми ведущих российских вузов по восьми направлениям подготовки: математические и естественные науки; инженерное дело, технологии и технические науки; здравоохранение и медицинские науки; сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки; науки об обществе; образование и педагогические науки; гуманитарные науки¹¹. В рамках проекта выбранным вузам предлагается создавать собственные МООСs по профилю наиболее востребованных в данном вузе специальностей и курсов. Для реализации проекта была создана некоммерческая ассоциация «Российская национальная платформа открытого образования». В настоящий момент проект активно развивается и по некоторым направлениям уже видны его положительные результаты – в частности, на ведущей российской онлайн-платформе «Универсиум» (российская система, построенная по технологии МООС, начала работу в 2013 г.) сегодня обучаются свыше 0,5 млн студентов, в том числе граждане Беларуси, Казахстана, Украины¹².

В мире разработано и активно используется около 400 платформ для ведения открытых массовых онлайн-курсов, однако наиболее известными и востребованными являются курсы, соз-

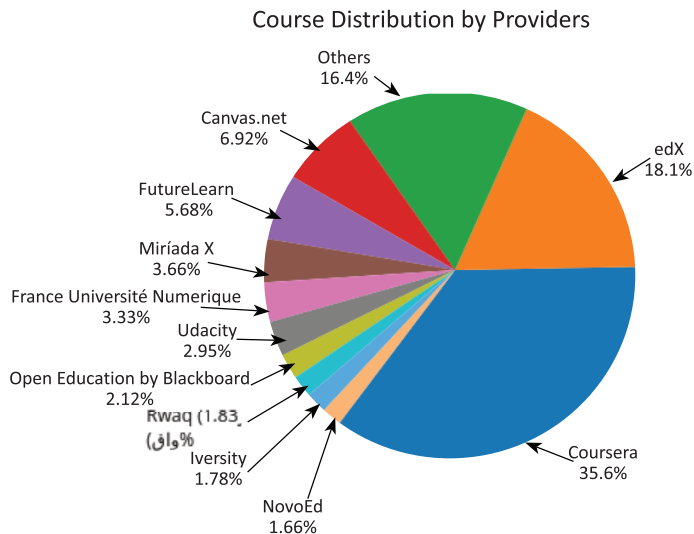

Рис. 1. Доля MOOC-платформ в 2015 г. (данные Class Central: <https://www.class-central.com/report/moocs-2015-stats/>)

данные на почти одновременно появившихся в 2012 г. специализированных платформах Coursera, edX и Udacity, которые были разработаны ведущими университетами США – пионерами в этой области: Массачусетским технологическим институтом (MIT), Университетом Гарварда и Стэнфордским университетом. Позднее к разработке собственных платформ активно подключились и другие американские и английские университеты (платформы Canvas, FutureLearn) и разработчики национально-ориентированных программных продуктов (например, популярная в Японии платформа гассо, латиноамериканская MiríadaX и т. п.). Соответствующие модули начинают разрабатывать и использовать также производители традиционных LMS, в частности Blackboard и др.

Данные о распределении открытых онлайн-курсов по разным электронным платформам (провайдерам) по состоянию на 2015 г. представлены на рис. 1.

Массовые открытые онлайн-курсы, несмотря на относительно короткую историю своего использования в сфере образования, поражают ученых скоростью своего распространения – почти такой же, какая была характерна для распространения Интернета в 1980-е гг. Так, менее чем за 5 лет количество предлагаемых на разных MOOC-платформах учебных курсов выросло более чем в 40 раз (рис. 2).

Growth of MOOCs

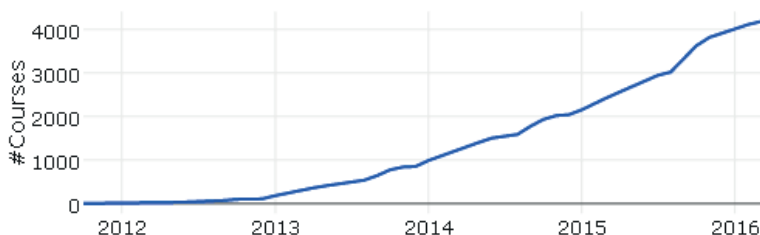

Рис. 2. Рост числа курсов на платформах MOOCs в 2012–2015 гг. (данные Class Central: <https://www.class-central.com/report/moocs-2015-stats/>)

Другой уникальный результат внедрения в образовательный процесс MOOC-технологий проявился практически сразу же после их появления – это взрывной рост числа студентов, которые записывались на курсы, и их в высшей степени интернациональный характер. На некоторые из объявленных курсов – в основном читаемые известными профессорами Массачусетского технологического института (MIT), Университета Кэмбриджа, Университета Гарварда, записывалось до 100 000 слушателей. Есть также данные, что в 2015 г. общее число студентов, которые были записаны хотя бы на один из предлагаемых разными MOOC-платформами онлайн-курсов, достигло 35 млн человек (при том, что в 2014 г. таких было только 17 млн)¹³. Эти данные также свидетельствуют в пользу уникальности этого нового образовательного средства и его большого образовательного потенциала.

Исследованию влияния массовых открытых онлайн-курсов на глобальный образовательный рынок в последнее время посвящается достаточно много работ. Тем не менее на большинство возникающих вопросов все еще не получено адекватных ответов, поскольку эта технология находится в постоянном развитии и совершенствовании. Однако сам фактор беспрецедентной массовости участников этой формы образовательного процесса предоставляет достаточно данных для получения статистически значимых результатов, по крайней мере, в изучении поведения учащихся, эволюции их мотивов и оценки результатов обучения. Это направление исследования выдвинулось в настоящее время на первый план, так как мониторинг эффективности MOOC-образования

достаточно быстро обнаружил очень большие расхождения между числом записавшихся на тот или иной курс слушателей и учащимися, которые смогли успешно завершить обучение (по некоторым данным, стандартным показателем считается не более 10–15% от общего числа записавшихся)¹⁴.

Стандартной формой учебного курса типа МООС, практически не зависящей от компьютерной платформы его реализации, является набор учебных модулей, каждый из которых содержит видеолекции (презентации), сопровождаемые онлайн-тестами, проверяющими по ходу лекции степень усвоения материала; итоговые упражнения по материалу каждой лекции (либо лабораторные работы); контрольные тесты, а также оффлайн-обсуждения по материалу лекций (дискуссионные форумы) и онлайн-чаты¹⁵. Все материалы курса – видео- и аудиофайлы и транскрипты лекций, презентации, глоссарий, дополнительные материалы для чтения и т. п. ресурсы – доступны студенту для скачивания и работы с ними в оффлайн-режиме.

Анализ мотиваций участников открытых онлайн-массовых курсов обнаруживает большую их вариативность: от простого любопытства в отношении нового, «модного», образовательного средства до четко профессионально ориентированного интереса сложившихся специалистов с большим опытом и стажем работы¹⁶. Результаты обучения также оценивались разными группами слушателей по-разному – в зависимости от образовательного и профессионального уровня, текущих и перспективных карьерных планов, возраста и пр. Студенты, обучающиеся в момент прохождения курса в университете или колледже, отмечали, что изученный материал поможет им лучше понимать предлагаемые в рамках традиционной программы курсы либо позволит расширить знания в какой-либо новой области, а также будет способствовать повышению их шансов на рынке труда (участие в курсе МООС, который разработан престижным университетом). Сложившимся специалистам обучение позволит решить возникающие новые задачи в текущей профессиональной деятельности, а также повысить свою квалификацию для усвоения новых знаний, навыков и умений на перспективу и установить новые полезные контакты в своей профессиональной сфере. Наиболее эффективным обучение по системе МООС посчитали для себя люди, имеющие диплом о высшем образовании (окончившие бакалавриат) и специалисты с высшим образованием, выбравшие курсы для повышения своей квалификации (life-long learning), а также преподаватели, которые планируют использовать в своей текущей профессиональной деятельности

новые дидактические методики и инновационные программные приложения. При этом практически все слушатели отмечали, что участие в проекте расширило их кругозор и обогатило представления о возможностях компьютерного обучения и современного дистанционного образования. Абсолютное большинство опрошенных в ходе социологического исследования эффективности открытых онлайн-курсов заявили о своей готовности и в дальнейшем продолжить обучение в этом формате.

Основные проблемы, которые массово отмечали слушатели курсов МООС, это: недостаточность средств поддержания необходимого уровня мотивации студента, неумение планировать временные затраты (time management), языковой барьер (абсолютное большинство массовых открытых онлайн-курсов ведется на английском языке), недостаточное владение современными средствами ИКТ и неудовлетворительная сетевая инфраструктура региона проживания обучающегося (т. н. эффект digital divide), неготовность к несению сопутствующих расходов и некоторые другие аспекты процесса обучения¹⁷.

Необходимо отметить, что при поддержке Министерства образования РФ и активной работе преподавательского сообщества российское ДО добилось определенных результатов и в целом находится на уровне мировых требований.

Как следует из приведенного выше обзора, развитие систем ДО идет по пути использования открытых, в отношении совместимости с другими системами и разными форматами представления информации, систем, обеспечивающих широкую интеграцию образовательных ресурсов с многочисленными новыми программными продуктами и сервисами, разрабатываемыми для поддержки общедоступного глобального информационного пространства. Если говорить о перспективах развития технологий ДО, то, прежде всего, это технология массовых открытых онлайн-курсов, или МООС, перспективность которых сегодня очевидна, а также использование современных психоинформационных технологий¹⁸ и специальных мультимедийных средств.

Примечания

¹ Кедрова Г.Е., Муромцев В.В. Электронные учебники: актуальные проблемы стандартизации // Вестник качества. 2008. № 6 (84). С. 28–34.

² Cripps A., O'Connell S. Creating a MOOC Blueprint // Journal of the Nanzan Academic Society. 2016. №. 99. С. 155–162.

- ³ См.: Решение Коллегии Министерства образования от 26.06.2002 г. № 16/1 «Об итогах эксперимента в области дистанционного обучения и перспективах развития дистанционных образовательных технологий».
- ⁴ *Бадаמיшина Э.Б., Бамбуркина И.А., Лапицкий К.М.* Разработка методики проведения дистанционных консультаций по физике с применением СДО «ПРОМЕТЕЙ» // Информатизация инженерного образования: Тр. Междунар. науч.-практ. конф. ИНФОРИНО-2016. М., 2016. С. 572–573.
- ⁵ *Боброва Л.В., Смирнова Н.А.* Организация интерактивного дистанционного обучения с использованием ЛМС-систем // Наука и мир. 2014. Т. 3. № 3 (7). С. 33–35.
- ⁶ *Одинокая М.А.* Концепция разработки интерактивного электронного учебника на платформе LMS MOODLE // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий: Материалы II Межрегион. науч.-практ. конф. / Севастопольский гос. ун-т; Науч. ред. Б.В. Соколов. Севастополь, 2016. С. 51–53.
- ⁷ EDS (Educational Delivery Systems) – программные средства доставки образовательного контента и / или установления контакта в процессе обучения через Интернет в ходе распределенного дистанционного обучения в Сети, которые не обязательно предоставляют возможность административного управления процессом обучения.
- ⁸ *Кедрова Г.Е.* Профессионально-ориентированные коммуникативные сервисы Веб 2.0 как основа научно-образовательной виртуальной среды нового типа (на примере специализированных профессиональных социальных сетей) // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. № 4 (6). С. 103–118.
- ⁹ *Малкина Е.В., Швецов В.И.* Использование интеллектуальной обучающей системы MATH-BRIDGE в учебном процессе // Современные Web-технологии образовательного назначения: Перспективы и направления развития: Сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф. / Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал; Под общ. ред. С.В. Мироновой, С.В. Напалкова. Н. Новгород, 2016. С. 30–35.
- ¹⁰ *Siemens G.* Massive open online courses: Innovation in education // Open educational resources: Innovation, research and practice. 2013. Т. 5. С. 5–15.
- ¹¹ Ведущие российские университеты создали некоммерческую организацию для совместного развития онлайн-обучения [Электронный ресурс] URL: <http://www.минобрнауки.рф/новости/5369> (дата обращения: 20.07.2017).
- ¹² *Прохорова М.В., Смирнова О.А., Изосимова О.А.* Сравнительный анализ юзабилити образовательных онлайн-платформ // Современные Web-технологии образовательного назначения. С. 107–114.
- ¹³ By the Numbers: MOOCS in 2015: How has the MOOC space grown this year? Get the facts, figures, and pie charts. [Электронный ресурс] URL: <https://www.class-central.com/report/moocs-2015-stats/> (дата обращения: 15.08.2017).
- ¹⁴ *Shapiro H.B., Lee C.H., Wyman Roth N.E., Li K., Çetinkaya-Rundel M., Canelas D.A.* Understanding the massive open online course (MOOC) student experience: An

examination of attitudes, motivations, and barriers // *Computers & Education*. 2017. 110. P. 35–50.

- ¹⁵ *Baker R.S.* Educational data mining: An advance for intelligent systems in education // *IEEE Intelligent systems*. 2014. Т. 29. №. 3. С. 78–82.
- ¹⁶ *Milligan C., Littlejohn A.* Why Study on a MOOC? The Motives of Students and Professionals // *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2017. Vol. 18. №. 2.
- ¹⁷ *Cripps T., O'Connell S.* Investigating the construction of MOOCs. [Электронный ресурс] URL: [https://www.academia.edu/27950106/INVESTIGATING_THE_CONSTRUCTION_OF_MOOCS_Full_paper_\(дата_обращения:_20.08.2017\)](https://www.academia.edu/27950106/INVESTIGATING_THE_CONSTRUCTION_OF_MOOCS_Full_paper_(дата_обращения:_20.08.2017)).
- ¹⁸ *Муромцев В.В.* Использование информационных психотехнологий в дистанционном обучении // *Проблемы управления безопасностью сложных систем: Труды XVIII Междунар. конф.* / Под ред. Н.И. Архиповой, В.В. Кульбы. М.: РГТУ, 2010. С. 531–533.

Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права

В статье рассматриваются особенности ведущей части современной юриспруденции – юридической догматики, предлагаются определения ее цели, задач и структуры, отмечаются достоинства и недостатки, раскрывается стиль догматического мышления.

Ключевые слова: юриспруденция, юридическая догматика, конструкции, дефиниции, принципы, формально-логический метод, догматический стиль мышления.

Чтобы предметно продемонстрировать стиль мышления, логику и форму исследования в рамках юридической догматики, будет показательным в настоящем изложении следовать некоторым ее правилам, в частности, прежде всего дать дефиницию последней, вычленив ее главные черты и в дальнейшем строго придерживаться их. Определения, как известно, решают задачу образования понятия о предметах, которые входят в объем определяемого термина и указывают на его отличительные признаки. В этом плане юридическая догматика, будучи частью юриспруденции, означает систему средств (дефиниций, конструкций и принципов), а также способов их применения (главным образом, формально логических), позволяющих в целях повышения практической эффективности предельно схематично и непротиворечиво систематизировать нормы действующего позитивного права. Во-первых, догматика направлена на помощь и в меньшей степени на критику законодателя и правоприменителя в их деятельности по созданию и толкованию правовых норм. В таком контексте ее можно считать инструментарием и технологией, более известной под именем «юридическая

техника». Во-вторых, в качестве ученой юриспруденции она выступает научным знанием преимущественно отраслевого характера и содержательно развивается гражданским, уголовным, административным, семейным, трудовым и другими отраслями права. Являясь учением (несмотря на отказ многих авторитетных ученых-юристов придать ей статус науки), догматика аккумулирует информацию о средствах и способах обработки, формулирования и толкования правовых норм, развивает эти средства и способы, а также обучает юристов навыкам профессиональной практической деятельности. Цель юридической догматики в том, чтобы, «изучив позитивное право, так его сконструировать, чтобы оно стало эффективным регулятором общественных отношений», верно отмечает этот момент В.Н. Жуков¹. В целом догматическое учение, нужно полагать, предлагает законодателю и правопользователю системно и непротиворечиво выстроенные конструкции, определения и принципы, а также выверенные правила работы с ними, с тем, чтобы поддерживать прикладную юриспруденцию на должном инструментально-научном и профессиональном уровне.

Здесь важно предварительно выделить ряд ведущих характеристик юридической догматики: она развивается на базе позитивистских установок²; располагает и постоянно наращивает свой категориальный аппарат (к которому, кстати, обращаются не только позитивистские правовые школы, хотя и вкладывают в него несколько иные значения); она формируется как аналитическое обобщение (теоретизация) фактов социальной жизни в их отражении положительным правом; носит аксиоматический характер (действующая норма чаще всего воспринимается как истинная, как догма³). Механизмы реализации догматики можно увидеть во многих решениях Европейского суда по правам человека, Конституционного суда РФ, Пленума и Президиума Верховного Суда РФ и других судов в части, например, выдвижения и аргументации ими той или иной позиции или нахождения ответов для сложных случаев.

Об особенностях юридической догматики, ее структуре, достоинствах и недостатках

Вопрос о юридической догматике как научном дискурсе, профессиональном знании и практической деятельности сегодня приобретает исключительную значимость в силу наметившейся, с одной стороны, некоторой стабилизации правопорядка внутри России, с другой – хаотизации международных отношений. Современная

ситуация заставляет все более интенсивно обращаться к тем регуляторам, которые отличаются высоким уровнем формализации и авторитетности во имя сохранения и поддержания социального единства. Внимательно на всех уровнях власти относятся и к догматике, исторически зарекомендовавшей себя как проверенный и эффективный (по сравнению с иными) инструмент правового регулирования международных и национальных отношений.

К сожалению, отечественная наука явно недостаточно занимается этим направлением ученой юриспруденции, особенно в ракурсе понимания его в качестве одной из правовых парадигм. Основные результаты познания сущности догматики, ее структуры, методологии, стиля мышления и т. п. накоплены, главным образом, юристами досоветского периода (С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман и др.). Отраслевые юридические науки преимущественно занимаются разработкой своего предметного аппарата, связанного с содержательным приложением норм права к типовым ситуациям, и не включают в него, за редким исключением, осмысление общей догматической методологии. Определенные разработки накоплены юридической техникой, но они преследуют цель совершенствования инструментального потенциала права, а не общетеоретического освоения природы, структуры и действия догмы. Юристы-ученые, работающие вне позитивистских концепций, не признают за догматикой статуса науки в строгом смысле слова, поскольку считают, что она не имеет ничего общего с исследованием закономерностей права, а решаемые ею задачи по сравнению с иными школами правопонимания (социологической, естественно-правовой, исторической, антропологической и др.) обладают невысокой значимостью. В лучшем случае ее относят к описательным наукам низшего уровня или даже относят к отраслям искусства, наподобие медицины, инженерного или военного дела⁴.

Но все-таки, обобщая все, известное нам о юридической догматике с точки зрения общеправового видения проблемы, следует отметить, что она, как представляется, является научным знанием и обладает, в противовес оппонирующим суждениям, статусом научной доктрины, поскольку занимается изучением и концептуализацией своего специфического объекта – догмы права. Догматическая доктрина формирует модели (или логико-теоретические схемы) для создания, адекватного воле законодателя понимания, а равно и практического использования действующего в том или ином государстве положительного права. Как интеллектуальный процесс современная догматика, обобщая и анализируя имеющийся не только

нормативный, но и практический материал, извлекает из них и формулирует абстракции (понятия), фиксирующие закономерности и логику функционирования позитивного права. Догматизация, по словам С.Н. Градириковского, есть «схватывание вечно неугомного мышления», «выпаривание соборной коммуникации до чистейшего кристалла смысла»⁵, которые ориентированы на познание права «изнутри», на выведение непротиворечивых внутренних связей системно организованных норм и институтов права.

Догматика, действительно, создает правовые догмы, которые являются «общепризнанными в правоведении исходными положениями о позитивном (действующем) праве, его установлении и действии»⁶. Поскольку догма разрабатывается применительно к действующему праву того или иного государства, то отсюда – и различия между известными догматическими доктринами, отсюда – и серьезные сомнения в универсальном характере догмы вообще. Догма, конечно, не является данностью бытия, она конструируется совместными усилиями ученых на основе представлений об образе юридической реальности, понимания должного в общественных отношениях и возможного в поступках людей. Догма – схематичная и стремящаяся к наивысшей степени абстрактности формулировка правил в многообразном поле возможных смыслов, предназначенных для регулирования поведения и отношений правопользователей в данный исторический момент. Это четкий ответ юристов, даваемый «здесь и сейчас» на запросы общества и личности. Именно поэтому догма имеет не столько описывающий фактическую реальность характер, сколько прескриптивную (предписывающую) направленность.

Содержание догмы не может избежать антиномичности, так как исторически оно ограничено и, кроме того, покрывает абстрактной формой максимальное количество типичных, но все-таки различающихся жизненных ситуаций. Догмы не неизменны, но тем не менее в отдельный момент отличаются достаточно высоким уровнем стабильности. Хотя со временем догмы и изживают себя, однако остаются теми лекалами, по которым кроются образцы будущих норм, ведь с изменением вектора развития общества новые догмы по формальным критериям подбираются по аналогии со старыми. На основе догм создаются и поддерживаются различные государственно-правовые и общественные процессы (сделки, обязательства, судопроизводства, доказательства и проч.).

Типичные формы юридической догмы в общем списке их выражения немногочисленны, это: конструкции, определения и принципы, а также связи между ними, способы, средства и прие-

мы трактовки созданных на базе таких конструкций, определений и принципов норм и правил позитивного права. Они составляют центральный категориальный аппарат юриспруденции в целом, задают параметры исследовательских операций, устанавливают алгоритм построения отраслевых наук. Поэтому мыслить юридически – значит мыслить понятиями и категориями, уметь образовывать и преобразовывать их, соотносить друг с другом и т. п.

Правовые конструкции определяются в юридической науке как теоретические схемы (или матрицы), выступающие аналогом правовой реальности⁷, это «смысловая основа юриспруденции, практики нормирования, регуляции и суда»⁸. Они выражены как «типичные образцы для решений практических ситуаций»⁹, как своеобразные «нормативные обобщения с существенными моментами предвидения, прогноза и нацеленности на предельную разумность и окончательность подобного обобщения»¹⁰. Все конструкции, как показывает история, создавались, корректировались и трансформировались по мере развития не только общественных отношений, но и теоретических представлений, освоенных на том или ином этапе сообщества юристов. Весь категориальный аппарат позитивного права, как нетрудно заметить, состоит из конструкций, например: «источники права», «система права», «юридическая обязанность», «правосознание» и т. д.

Дефинициями считаются суждения, придающие четкий и относительно строгий смысл соответствующему языковому обозначению того или иного правового объекта. Они решают задачу образования правового понятия о явлении (процессе), уточнения признаков последнего. Дефиниции играют не последнюю роль в построении доказательств и выдвижении аргументов в пользу той или иной формулировки правовой нормы в процессе создания последней. Они важны для согласования смысловых трактовок используемых терминов. Например, к дефинициям можно отнести такое определение: «Система права – это организованность норм права в рамках институтов, отраслей и других структур права, а также связей между ними».

Принцип в юридической догматике понимается как общая мысль, заложенная в отдельную норму права или в их совокупность. Принцип «улавливается по некоторым частным и косвенным признакам», причем он не выдумывается, а «вскрывается юристами»¹¹. В принципах фиксируется в лаконичной форме (максимах, аксиомах) основная идея предмета, они указывают на идеал, цель и ценности как ориентиры для теоретических и практических выводов в доктрине. Принципами, например, являются утвержде-

ния: «не дважды за одно», «обвиняемый имеет право на молчание», «презумпция невиновности» и др.

Далее важны *догматические методы*, при помощи которых конструкции, определения и принципы используются. Догматика, подвергая анализу и упорядочивая нормы положительного права, строит из них строгое здание зависимостей, для чего прибегает к методам описания, обобщения, выведения определений, а также классификации. Г.Ф. Шершеневич, известный представитель позитивистских воззрений в праве, в свое время отмечал, что систематическое изложение действующих норм достигается посредством достаточно «сложного процесса»: его первой стадией является собрание и описание действующих правовых норм, а последующими – обобщение и выявление смысла норм права и их комментирование. Далее нужны мыслительные акции, осуществляющие переход к созданию принципов, которые, как ведущие идеи, должны лежать в основании содержания и связей правовых норм. В итоге всех этих операций появляется возможность сформулировать определение того понятия, которое заключено в норме, и перечислить его признаки. Высшую ступень в догматическом процессе, как считал Г.Ф. Шершеневич, составляет классификация собранных, истолкованных, обобщенных и выраженных в определениях норм, благодаря которой «обнаруживаются логическая связь и системная организация частей права»¹². Классификация и систематизация правовых норм, безусловно, имеют то значение, что позволяют обнаружить те или иные недостатки положительного права, его противоречия, пробелы, повторения, содержательные и стилистические ошибки и проч. Тем самым создаются условия для последовательных и осмысленных действий по их устранению.

Важной характеристикой юридической догматики является тот факт, что разрабатываемая ею догма зависит не только от положительного права, действующего в той или иной стране, на которое она «работает», но и от типа правопонимания, разделяемого исследователем, т. е. от суждений и представлений той школы права, в рамках которой она изучается и развивается (позитивизма, естественно-правовой, исторической, социологической и др.). Как известно, каждая школа права располагает своей терминологией, при помощи которой выражает («скрывает» под ней) свою догматику. Отсюда появляются и различия между разными догмами права (т. е. содержанием конструкций, определений, принципов), каждая из которых имеет в виду прежде всего трактуемую ею в рамках соответствующей парадигмы свою систему положительного права.

Как известно, доктрина юридического позитивизма внесла наибольший вклад в развитие юридической догматики, в связи с чем последняя всегда была ориентирована на государственную точку зрения, продолжает обслуживать ее она и сегодня. Поэтому чаще всего с официальным регулятором отождествляется догма, соответственно, на нее переносятся все недостатки теории и практики государственного позитивизма. Тем не менее догматическую традицию ошибочно квалифицировать только как позитивистскую, об этом писали еще Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой и другие ученые-юристы на рубеже XIX–XX вв. Они считали, что «положительное (или позитивное) право охватывает не только юридические нормы, официально признанные за таковые государством, но и все вообще нормы позитивного права»¹³. В настоящее время А.М. Михайлов, исследователь континентальной правовой доктрины, справедливо утверждает, что в историческом, философском и ценностно-идейном плане догматическая юриспруденция много шире юридического позитивизма и много раньше его сформировалась¹⁴. Он убедительно доказывает, что вся догматическая традиция в своем самостоятельном и классическом существовании (в отличие от той догматики, которая развивается в рамках юридического позитивизма) включает в себя как элементы позитивистских представлений, так и метафизические идеи из теологического, естественно-правового и исторического направлений философской и юридической мысли. Содержательность подобного рода объясняется, по мнению автора, текстом *Corpus Juris*, который послужил для основателей догматической доктрины не только базой для рациональных манипуляций, но и стал источником мысли о священности римского документа в силу внутренней его истинности, а не потому, что был связан с властными установлениями политического суверена¹⁵.

Главной проблемой догматической юриспруденции является ее претензия, по мнению И.Л. Честнова, «на завершенность, полноту и непротиворечивость, которые коррелируют со статичностью, бесубъектностью и некритичностью правоведения по отношению к существующим формам права»¹⁶. Поэтому для исправления ситуации он предлагает сделать «прививку» догме права в виде плодотворных идей из других областей научного знания, найти варианты переописания юридической догматики, используя для этого достижения коммуникативной, антропоцентристской и других социологических теорий права¹⁷.

В части возможности подобной трансформации догмы права имеются, однако, серьезные сомнения. Так, например, С.Н. Касаткин обоснованно полагает, что «включение юридической догмы в

указанные дискурсивные системы, по сути, приведет к разрушению, утрате ее специфической логики и языка»¹⁸. Ю.Е. Пермяков убежден в том же, так как считает, что «юрист, не способный к схоластическому мышлению, обречен быть лишь исполнительным делопроизводителем»¹⁹. Поэтому вопрос о способах и средствах «подтягивания» юридической догматики до уровня современных собственно научно-теоретических знаний пока остается открытым.

Тем не менее значение юридической догматики в традиционной ее форме, особенно для отраслевой науки и практики, трудно переоценить. Так, догматика давно является органичным компонентом западной юридической ментальности. Французский компаративист Р. Давид по этому поводу отмечал, что «даже законодатель не может воздействовать на нее, точно так же, как на наш язык или нашу манеру размышлять»²⁰. Она ограничивает, как вполне обоснованно замечает М.Л. Давыдова, пределы свободного усмотрения законодателя, требует от него соблюдения законов правовой логики, заставляет облекать свою мысль в заранее заданные мыслительные структуры²¹. Догма фиксирует устойчивые смыслы права, «транслируется через эпохи, сохраняя свою ценность независимо от философских картин мира, этических императивов и научных парадигм»²². Она нейтральна в ценностном отношении, противостоит любым идеологическим конструктам, способным лишь разрушить стройное здание созданной системы²³. Догма упорядочивает хаотичный эмпирический материал правовой жизни, позволяя построить «элегантную систему правил, соответствующих источникам позитивного права, согласованных между собой и способных дать ответ на любой вопрос»²⁴. Догма, действительно, остается одним из основных способов мышления юристов, она превратилась в интеллектуальную собственность юридического общества, стала корпоративной традицией, лежащей в основании профессиональной юридической культуры²⁵.

Особенности догматического мышления

Таким образом, изложенное выше понимание юридической догмы и догматической доктрины позволяет представить специфику догматического мышления, выделяющуюся своими способами освоения права.

Многое объясняет здесь исторический экскурс. Как известно, возникновение догматического мышления обязано средневековым профессорам-юристам – глоссаторам и постглоссаторам, а позже

и систематикам «гуманистической» школы, «истористам», «пан-дектистам» и позитивистам²⁶, которые творчески переработали тексты и практику римского права, заложили первоосновы западной юриспруденции и в дальнейшем последовательно развивали догму уже в рамках континентальной системы права. Способ мышления профессоров Средневековья, которые инициировали эту работу, опирались в своих изысканиях на «самозамкнутый понятийный аппарат»²⁷ и для которых абстракции казались более реальными, чем конкретные жизненные факты, а тексты Кодекса Юстиниана оценивались как священные и не подлежащие изменению, отличался схоластическими чертами. Преемственное развитие догматики фактически сохранило многие из схоластических элементов, и сегодня они продолжают свое существование в современном формально-юридическом мышлении.

По поводу особенностей догматического мышления и – шире – юридического мышления известный немецкий правовед Р. Иеринг считал, что юридическое образование и многолетние упражнения формируют у юристов своеобразную способность восприятия текстов: искусность отвлеченного мышления, особое умение обращаться с юридическими понятиями, талант переводить их из области отвлеченного в область конкретного и наоборот, безошибочность юридического диагноза в раскрытии правового понятия в том или ином правовом казусе²⁸. Ф.В. Тарановский указывал на «экзегетические и конструктивные приемы» юридической догматики, которые образуют «собственное профессиональное искусство юристов и составляют отличительный признак того, что можно назвать юридическим мышлением»²⁹. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что нередко самим творцом (законодателем) суть нормы только чувствуется, но ясно не сознается, поэтому задача науки заключается в том, чтобы обнаружить эту мысль и облечь ее в образ нормы, «превратить в норму несформулированную мысль законодателя», потому что «наука не творит содержание веления, а извлекает его из материала положительного права, и ... придает ему осязательную форму»³⁰.

Таким образом, именно догма остается одним из основных способов представления права юристами, благодаря ей мышление юристов отличается качествами «догматичности». Но отнюдь не «догматизма», о котором иной раз пишут в литературе³¹. Догматизм в рассуждениях отдельных авторов-юристов, действительно, может иметь место, как, впрочем, он может встречаться и у исследователей других областей знания. «Догматизм» и «догматичность» – разные характеристики мышления, а равно их отражения

в текстах. Догматизм, безусловно, методологически неприемлем, догматичность же – свидетельство приобщенности специалиста к профессиональному сообществу юристов. Хотя догматизм и догматичность мышления возникали на общей основе – догме (догмате), однако далее своей общей основы они расходятся в смыслах и значениях.

Догматизм как окостеневшее мышление основано на слепой вере в авторитеты, убежденности в непогрешимости некоторых взглядов, суждений, выводов, защищает устаревшие положения, исключает всякую критику и сомнения. Гносеологически догматизм однозначно относится к истине, признает в ней лишь абсолютный момент, игнорирует относительность. Догматизированное мышление всегда придерживается односторонней дедукции. Его непременным признаком является «закрытость», отрыв теории от сложной, многообразной и динамично изменяющейся практики, что предопределяет и его отказ от признания изменений³².

Основой же догматичности юридического мышления выступает формально-юридический метод, обращение к которому предопределено самой природой права. Ведь формальная сторона в праве выражена много сильнее, чем в любой иной мысли о социальности, поэтому здесь требуется исключительная точность и недвусмысленность исходных положений, производство рассуждений и выводов в строгой последовательности и т. п. Мыслить в каркасе догматического языка – значит следовать определенным принципам, ценностям и правилам³³, к наиболее значимым из них можно отнести:

схематизм, который означает сворачивание полученного знания в упрощенное описание, исключающее все личностное, субъективное, особенное. Отсюда – и анонимность догматических предписаний, отсюда – и претензии к нечувствительности догмы к полутонам общественных отношений;

аксиоматичность, которая принимается в качестве априорного и условного соглашения об истинности норм и соответствующих высказываний, но не в силу того, что сформулированные таким путем нормы не требуют доказательств, а потому что в силу избираемых юридическим сообществом предпочтений они фактически не могут быть доказаны;

системность мышления, которая указывает, что смысл юридических норм и понятий, как правило, проявляется благодаря повышенной связанности каждой нормы и понятия с множеством себе подобных, поэтому создаваемая из них смысловая сетка создает образ права целиком, в его завершенности, непротиворечивости и согласованности;

простота догматических форм означает «экономия» мышления, упрощение текста без утраты его информационности;

точность конструкций, принципов и определений догмы считается таковой в силу однозначности применяемых оценок и предполагаемой адекватности их отражаемой реальности;

абстрактность понятий и категорий догмы связана с отвлечением в реальных отношениях от некоторых несущественных их свойств, чтобы ограничить правовое разнообразие и с большей легкостью познать сложные социально-правовые явления или процессы;

схоластицизм догматического мышления указывает, что решение всех возможных проблем уже потенциально содержится в действующем положительном праве – «священных» текстах юристов, которые посредством экспликации, дистинкции и дефиниции нужно лишь оттуда вычитать;

символизм догмы создает приоритет формального над предметным, поддерживает определенный идейный настрой правовой системы, служит замещению действительных общественных явлений или процессов некоторыми отвлечениями, что делается для того, чтобы не заниматься доказательством догматов и упрочить ценностную источниковую базу права;

идеализация догмы указывает на ее образцовый и совершенный характер, как на некоторую идею должного;

догма «выдуманна» и рассудочна, в ней нет ничего лишнего, поэтому она *эстетична*;

ценность догмы утверждается в качестве главной истины, которая не есть научное знание, выведенное по законам рациональности, а является системой предпочтений, приписываемых правопорядку;

оценочный характер догматического мышления кроется в принципиальной отстраненности ее от всяких иных аксиологических идей (моральных, духовных, эстетических, этикетных и др.) и опирается исключительным образом на требования разрешения или запрещения («можно», «нельзя», «обязан»), следующих из самого содержания правовой нормы;

аналитичность догматики заключена в тезисе о том, что нормы как бы «прикладываются» к действительности, а сама действительность как бы «узнается» через нормы³⁴;

дедуктивность мышления юристов базируется на некоторых утверждениях общего порядка, позволяющих квалифицировать частные случаи;

авторитаризм составляет «политическое ядро» догматики, ориентированное на авторитет государства как легального и леги-

тимного управляющего, незыблемость понимаемых им образцов поведения для правопорядка;

догматическое мышление в целом *консервативно*, поскольку обсуждение проблем в его рамках обретает чаще всего характер цитирования норм права или высказываний авторитетных ученых;

традиционность юридической догматики выражается в сохранении и трансляции тех знаний, что основаны на историческом прототипе, вере в истинность догматичной картины мира и чаще всего сопровождается игнорированием критики;

конвенциональность указывает на момент относительно единого мнения сообщества юристов догматической направленности в части понимания тех или иных положений, высказываний, понятий;

терминологичность выделяет догматический язык в системе исследовательских языков, но при этом он фактически маркирует стиль мышления юристов в целом как особой профессиональной группы специалистов.

Перечисленные и многие другие характеристики догматического мышления служат основанием как негативных, так и эпитетов, которыми награждают его в юридической литературе³⁵. Так, его упрекают в схоластичности, при которой абстракции кажутся более реальными, чем конкретно-эмпирические явления, обвиняют в крайнем формализме, неоправданной усложненности правовых схем и построений, в спекулятивных и умозрительных рассуждениях, играх в понятия. Утверждается, что размещение правовой догмы в рамках юридического позитивизма ограничивает мыслительный кругозор юриста, делает его неспособным к критическому мышлению, закабальет профессиональное сознание понятийной сеткой, отнюдь не способствующей развитию права. Свою лепту в нелестные оценки догмы вносит и включение ее в инструментальные средства юридической техники, последовательно уводящей мысль от гуманитарной сущности права в целом. Поэтому закрепилось мнение, что догматика стопорит развитие исследовательской мысли, «иссушает» юридическую речь, превращает юристов в формалистов.

Надо отдать должное и тому, что не забываются и положительные качества догматики. Например, подчеркивают «логическую завершенность», «особую строгость», «четкость», «определенность», «доходчивость», «стройность» понятийной системы догматики. Ее отличают, по мнению ряда специалистов, суждения емкие, предельно сжатые и пытающиеся не допустить нескольких толкований. С.С. Алексеев акцентирует «отшлифованные формулировки» конструкций догмы, добавляющие «твердость и непрекаемость»

самой правовой основе и придающие ей «определенность, устойчивость, постоянство (вечность)»³⁶. Язык правовой догмы, действительно, в большинстве случаев демонстрирует ее филигранную тонкость в отражении юридического мира, порождает ощущение изящности, стремления к совершенству. Не надо забывать и того факта, что благодаря догме были найдены и юридические технологии проведения в жизнь фундаментальных принципов человеческого общежития – свободы, равноправия, справедливости. Таким образом, думается, что пока не пришло время отказать догматике в применении ее средств для решения многочисленных проблем теоретической и практической юриспруденции, юридическая догматика продолжает оставаться важнейшим, в определенном смысле – центральным звеном общей теории права.

Примечания

- ¹ *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 12.
- ² Хотя имеется и другая точка зрения. См., например: *Жуков В.Н.* Указ. соч. С. 15–16.
- ³ См.: *Мальцев Г.В.* Понимание права: Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 148–149.
- ⁴ См., например: *Мирумцев С.А.* Что такое догма права? // Юриспруденция в поисках идентичности: Сб. статей, переводов, рефератов / Под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара: Самар. гуманит. акад., 2010. С. 163–165; *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. 3-е изд. СПб.: Лань, 2001. С. 338–342.
- ⁵ *Градировский С.Н.* Восстановление оснований догматического мышления как условие формирования мышления. [Электронный ресурс] URL: http://www.archipelag.ru/agenda/gospel_povestka/konferens_r_vs_r_2012/text12/ (дата обращения: 16.05.2017).
- ⁶ *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма-Инфра-М, 1999. С. 382.
- ⁷ *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 100.
- ⁸ *Малахов В.П.* Право в контексте форм общественного сознания: Принцип правопонимания. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. С. 16.
- ⁹ *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. С. 250.
- ¹⁰ *Алексеев С.С.* Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд. М.: Норма, 2002. С. 227.
- ¹¹ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 4. М.: Изд-во «Изд. Бр. Башмаковых», 1912. С. 271.

- ¹² Там же. С. 768–778.
- ¹³ *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. С. 27; см. также: *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 410–507.
- ¹⁴ *Михайлов А.М.* Генезис континентальной юридической догматики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 34–35.
- ¹⁵ Там же. С. 35.
- ¹⁶ *Честнов И.Л.* Практическая, человекоцентристская юриспруденция – выход из тупика догматизации права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 50.
- ¹⁷ Там же. С. 50–54.
- ¹⁸ *Касаткин С.Н.* Значимость правовой теории: Интегативность, догматика, вызовы контекста // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? С. 107.
- ¹⁹ *Пермяков Ю.Е.* Классическая литература как союзник права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? С. 121.
- ²⁰ *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности: Пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 19–20.
- ²¹ *Давыдова М.Л.* Указ. соч. С. 155.
- ²² *Тарасов Н.Н.* Указ. соч. С. 257.
- ²³ *Михайлов А.М.* Указ. соч. С. 64.
- ²⁴ *Карапетов А.Г.* Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник Высшего арбитражного суда. 2010. № 5. С. 10.
- ²⁵ *Михайлов А.М.* Указ. соч. С. 81.
- ²⁶ Там же. С. 72, 91, 102.
- ²⁷ *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 131–132.
- ²⁸ *Иеринг Р., фон.* Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. М., 2008. С. 20.
- ²⁹ *Тарановский Ф.В.* Указ. соч. С. 339.
- ³⁰ *Шершеневич Г.Ф.* Гражданское право. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1898. [Электронный ресурс] URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc99p0/instrum1916/item1920.html> (дата обращения: 28.07.2017).
- ³¹ См., например: *Аверин М.Б., Никитин П.В., Федорченко А.А.* Догматический метод научного познания в юриспруденции // История и методология юридической науки: Курс лекций: 2009–2017 / Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://distance.gpa-mu.ru/files/mg/imun/pr.html> (дата обращения: 03.03.2017).
- ³² См.: *Философский энциклопедический словарь* / Ред. колл.: С.С. Аверинцев и др. М., 1989. С. 179; Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»,

- РООИ «Реабилитация», 2009. С. 208–209; *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академ. проспект, 2008. С. 609–610; Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М.: Полит. лит-ра, 1975. С. 74.
- ³³ Подробнее о некоторых из них см.: *Малахов В.П.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 15–20; *Егоров С.Н.* Аксиоматические основы теории права. СПб.: Лексикон, 2001. С. 16–26; *Розин В.М.* Юридическое мышление. Алматы, 2000; Энциклопедия эпистемологии и философии науки. С. 437, 455, 1092.
- ³⁴ *Розин В.М.* Указ. соч. С. 58.
- ³⁵ См.: *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 1. Основы: Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 38–39; *Васильев А.М.* Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит-ра, 1976. С. 54.
- ³⁶ *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 96, 241.

Собственность как институциональная основа формирования права

В статье рассматривается обусловленность исторического процесса формирования права достигнутым уровнем развития отношений собственности и отделения их от власти, обеспечивающим достаточную субъектность индивидов и возможность широкого распространения регулятивного принципа эквивалентности. Демонстрируется, что сложившийся в устойчивом виде институт частной собственности является не только важнейшим эмпирическим маркером феномена права как такового, но и той институциональной основой, на которой происходит формирование других правовых институтов.

Ключевые слова: частная собственность, публичная власть, история права, принцип эквивалентности, античность.

В современной юриспруденции собственность рассматривается преимущественно как важнейший, но лишь один из множества институтов, главным образом частного права. Между тем с точки исторического процесса возникновения права она представляет собой первейшую основу данного явления, явление, имманентное правовому регулированию вообще, своего рода эпифеномен права¹. Собственность вряд ли можно рассматривать как отдельную предпосылку, или институт, предшествующий праву как необходимый фактор его появления в человеческих обществах. Это именно институциональная основа права в целом, и при этом как явление, имеющее потенциально бóльшую возможность для его верификации (в отличие от абстрактного «права» вообще) в историческом пространстве, оно может служить надежным критерием перехода конкретного общества к правовой жизни.

Хотя процесс становления правовых форм социальной регуляции, по словам исследователей, был чрезвычайно растянут во времени, его начало можно отнести к эпохам, когда определяющую роль начинают играть такие социальные факторы, как частная собственность, наследование, обмен, экономический оборот². Именно нормативные отношения собственности являются одним из первичных институциональных оснований исторического формирования феномена правового регулирования как эквивалентного (справедливого) упорядочения взаимодействия социальных субъектов. Только «притязания отдельного индивида на свободу и собственность (объективная возможность относительно автономного существования) породили противоположность частных интересов и необходимость новых социальных регуляторов, позволяющих их согласовывать (или подавлять), ибо прежние были рассчитаны на условия, объективно исключающие свободу»³. В силу неотъемлемой материальной составляющей человеческой природы социальная свобода непременно предполагает наличие у субъекта собственных ресурсов, обеспечивающих потенциальную возможность его самораспоряжения, поскольку в большинстве случаев речь идет именно о внешне выраженном, т. е. материальном, распоряжении собой.

Очевидно, что в условиях архаики и родового строя такие формы отношений, основанные на свободе выбора и материальной самостоятельности, были невозможны, поскольку «индивидуалист и эгоист не имели шансов выжить, они как человеческие типы немислимы в доисторические эпохи», а «родовой строй смог выжить и сохраниться только при условии отказа от всего того, что напоминает частное присвоение продукта труда»⁴.

По мере исторического развития во многом именно институт частной собственности позволил отдельному человеку эмансипироваться от общности и притязать не только на жизнь, но и на свободу, определенную автономию и самореализацию. Существование большинства юридических категорий – от субъективного права до юридической ответственности – теряет смысл в отсутствии определенной социальной свободы индивида, то есть предполагает определенный (относительно высокий по историческим меркам) уровень субъектности человека. Таким образом, «собственность является не просто одной из форм и направлений выражения свободы и права человека, но она образует собой вообще цивилизованную почву для свободы и права. Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода и право»⁵. Там, где социальная общность в целом (как это имело место в родовом обществе) либо верховный носитель социальной власти (как это

было в древневосточных государствах)⁶ считают себя собственником всех производственных ресурсов, «у отдельных людей или семей нет средств сохранять свою свободу, потому что экономически они полностью зависят от верховной власти»⁷.

Только при такой институциональной стадии социального развития, как достижение отношений собственности, – утверждает Е.Б. Пашуканис, – «юридический субъект имеет свой материальный субстрат в лице эгоистического хозяйствующего субъекта, которого закон не создает, но находит. Там, где этот субстрат отсутствует, соответствующее юридическое отношение a priori немислимо»⁸.

Собственность как устойчивый институт возникает, в частности, в греко-римской цивилизации, где определенное сочетание климатических условий⁹ и исторических обстоятельств позволили отдельным семьям и малым группам относительно самостоятельно обеспечивать себя ресурсами жизнедеятельности, то есть вести хозяйство силами своей семьи, не прибегая к коллективным формам земледелия, преобладавшим на тот момент в иных цивилизациях. Греция «представляла собой горную страну, где было мало плодородных и пригодных для зерновых культур земель, особенно таких, которые требовали бы, как на Востоке, проведения коллективных ирригационных работ. В античном мире не могла получить распространение и сохраниться земельная община восточного типа»¹⁰.

Это специфическое сочетание экзогенных (природных) факторов и культурных особенностей греко-римских цивилизаций, сыграло, по словам Л.С. Васильева, значительную роль в архаической революции, приведшей к преобразованию доантичной структуры, принципиально однотипной с древневосточной, в кардинально отличную от нее. Таким образом, уже на ранней стадии истории в цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая (по времени появления – первая) была представлена многими вариантами, различавшимися в разных районах мира, но принципиально сходными, однотипными в главном: ей не были знакомы господствующая роль частной собственности¹¹.

Именно поэтому специфический социальный регулятор под названием *jus* (право) был осмыслен и понятийно выделен в античной цивилизации на основе его противопоставления регуляторам типа *vis* (сила), *fas* (религия), *mos* (нравы) и *injuria* (произвол)¹², а «юридическая наука, охватившая своим влиянием, по мере распространения европейской цивилизации на другие континенты, практически все человечество, сложилась в Древней Греции и Древнем Риме. Здесь оформилось ядро ее основополагающих понятий,

которые в последующем обогащались на основе обновляющейся практики учеными различных народов мира»¹³.

Формирование права как основного социального регулятора в некоторых обществах северного Средиземноморья с необходимостью предполагало также внутреннюю готовность культуры данных социумов признать допустимым и должным такой нормативный социальный порядок, при котором важнейшие ресурсы могут легитимно принадлежать отдельными группам и членами общества, а не только всем вместе под эгидой и управлением власти. Поэтому, хотя институт власти в данной социокультуре никуда не исчезает, он, однако, перестает быть единственным доминирующим в системе социальной регуляции; власть и собственность здесь не слиты воедино, а сосуществуют как относительно самостоятельные и соразмерные по значению институциональные элементы социальной системы¹⁴. Отсюда становится понятным возможность употребления здесь терминов «власть» и «собственность» без дополнительных определений «публичная» и «частная», поскольку в таких условиях власть принадлежит к сфере публичной, собственность – к частной. Иными словам, «нет ничего публичного там, где нет ничего частного» (Жан Боден).

Таким образом, необходимым показателем возникновения права в целом как устойчивого регулятора, играющего значимую роль в социальной системе, в том числе и формирования государственности правового типа (как институтов публичного права), является не просто возникновение отношений экономического обмена в форме владения, пользования и распоряжения (таковые существуют практически всегда и везде, в том числе в виде института власти-собственности), но именно устойчивое и сложившееся в социокультурную традицию разделение институтов власти и собственности.

Идея о том, что правовое сообщество существует только в условиях разделения власти и собственности, была отчетливо выражена Аристотелем, отмечавшим ошибочность смешения домохозяйства, суть которого и составляет собственность, с государством, сущность которого – власть¹⁵. По мнению Д.В. Дождева, имевший место в древнеримском обществе «имущественный ценз предполагает известность собственности и фиксирующей зависимость публичной власти от частной сферы как от объективной социальной реальности, которая становится фундаментом диалога “личность – государство”. Такой диалог преобразует публичную власть, отделяя ее от общества, но при этом конституируя общество как отдельное от власти»¹⁶. Подобный тип социокультурной организации был

характерен именно для античной полисной цивилизации, где «господство частной собственности вызвало к жизни свойственные ей и обслуживавшие ее нужды политические, правовые и иные институты», а также «систему частноправовых гарантий с защитой интересов каждого гражданина»¹⁷.

Признание права в греко-римских обществах в качестве важного социального регулятора не отменяет при этом того факта, что античность в большинстве случаев являлась примером неразвитого с современной точки зрения правового сообщества, выразившегося в том, что правовой принцип регуляции вовсе не был здесь всеобщим, то есть не распространялся на всех. Так, например, исключение из круга полноценных субъектов права в римском обществе составляли не только рабы, но и подвластные члены римских семейств: «если в публичных делах все свободные лица равны, то в семейных – свободные (*liberi* – дети) находятся в подчинении главы семейства наравне с рабами»¹⁸. Таким образом, «состояние в семействе совпадает с подчинением власти домовладыки, что отрицает важнейшие права личности: подвластные неспособны обладать собственностью... их почитают лицами “чужого права” (*personaе alieni juris*)»¹⁹. Тем не менее в сравнительном аспекте (в соотношении с другими, современными ему) римское общество на протяжении значительной части своей истории может быть отнесено к социокультуре правового типа.

В данном типе обществ основополагающим принципом регуляции социальных взаимодействий является принцип «справедливости», т. е. эквивалентности возможного и должного поведения – соответствия между правами людей и их обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. д., а также вытекающие из данного принципа как его частные формулировки остальные доктринальные принципы права. Такой тип социокультурной организации в устойчивом виде исторически сложился в греко-римской полисной цивилизации, чему способствовали как внешние, природно-географические факторы, так и внутрикультурные особенности самих обществ.

Неблагоприятные, а зачастую – экстремальные природные условия, в которых преимущественно формировались многие другие мировые социокультуры, обусловили необходимость (для выживания сообщества) и легитимную основу преобладания неэквивалентных социальных обменов, подчинения их «должным» или «общим интересам», как их формулируют носители социальной власти, и как следствие – формирование социальных регуляторов (морали, религии и идеологии) неправового типа, таких как,

например, легизм в Китае²⁰. В таком типе социокультурной регуляции преобладает принцип неэквивалентности, предполагающий несоответствие социального поведения и его результатов у разных субъектов, т. е. признаваемая должной несоразмерность между деянием и его последствиями в виде легитимного силового или суггестивного перераспределения благ и ответственности в социальных обменах от одних субъектов к другим, основанное на тех или иных идеологических предпосылках. Так, например, преобладающая традиция китайской социальной этики состоит «не в восстановлении справедливости в смысле эквивалентности, а в восстановлении в данном микро- или макросоциуме мира и порядка, то есть в возвращении обеих спорящих сторон к предписанным им традицией ролям»²¹.

Политическая власть, поглотившая также права владения и распоряжения ресурсами жизнедеятельности, порождает так называемый феномен власти-собственности, который, по словам Л.С. Васильева, есть «имманентная специфическая сущность, квинтэссенция всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории»²². Такие социальные порядки, поддерживаемые с помощью неправовых регуляторов, сложились в обществах, где в силу ряда как природных, так и культурных условий процесс эмансипации личности оказался более сложным и затянутым (неблагоприятные внешние обстоятельства существенно ограничивали возможность самоопределения отдельного индивида, усиливая его зависимость от коллектива).

Современные институционалисты в целом соглашаются, что даже сегодня возможные модели базовых социальных институтов, определяющих тип социокультуры, ограничиваются рассмотренными «западным типом институциональной матрицы» – правовые институты собственности и ее защиты, и «восточным» – институты «редистрибутивной» экономики и неправовой социальной регуляции²³. На возражение о том, что разве не характерно стремление к соразмерности/эквивалентности преступления и наказания в качестве почти общеантропологического принципа для других (неевропейских) культур, следует заметить, что социальная жизнь не сводится только карательным отношениям, и что в случае с Западом речь идет почти о полном совпадении номинаций и значения Должного и Справедливого, т. е. о преобладании принципа эквивалентности не только в контексте наказания, но и в большинстве других сфер социальных отношений, прежде всего в экономике, тогда как в незападных цивилизациях это присутствие лишь фрагментарно.

Если право – это нормативная форма справедливости и эквивалентной (правовой) свободы и ответственности в обществе, то говорить об относительной свободе субъекта, позволяющей функционировать всем юридическим конструкциям и институтам – от субъективного права до юридической ответственности – возможно только если у этих субъектов есть принадлежащие им (т. е. собственные) ресурсы и/или признаваемая обществом возможность такие ресурсы приобретать. Таким образом, легитимный и сложившийся в устойчивом виде институт частной собственности является не только важнейшим эмпирическим маркером возникновения феномена права как такового, но и, как показывает историческая практика, той институциональной основой, вокруг которой происходит формирование множества других функционально обусловленных существованием отношений собственности правовых отраслей и институтов.

Примечания

- ¹ «Собственность и право, – по словам И. Бентама, – рождаются и должны умирать вместе» (*Bentham J. Principles of the Civil Code // Bentham J. Works. Vol. 1. Edinburgh, 1843. P. 309.*)
- ² *Мальцев Г.В.* Ранние формы права и государства // Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2010. С. 90.
- ³ *Варламова Н.В.* Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / Под ред. Н.С. Соколова. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 334.
- ⁴ *Мальцев Г.В.* Указ. соч. С. 54, 58.
- ⁵ Собственность: право и свобода: Сб. ст. / Под ред. В.А. Скрипилева. М.: ИГПАН, 1992. С. 5. Впоследствии именно «наличие частной собственности явилось необходимым условием для постепенного формирования индивидуалистического (гражданского) общества, политической доминантой которого служит идея индивидуальной свободы и естественных неотчуждаемых прав человека-собственника» (*Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2005. С. 95).
- ⁶ Например, древний Египет отличался тем, что фараоны полностью контролировали земельные владения и распоряжались ими, не вступая в сделки ни с кем из своих подвластных (Государственное (церковно-храмовое) хозяйство и господствующий класс древнего Египта // Государство на Древнем Востоке: Сб. ст. М., 2004. С. 162).
- ⁷ *Пайнс Р.* Собственность и свобода. М., 2001. С. 159.
- ⁸ *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избр. произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 85.

- ⁹ Существенное влияние природно-географических факторов на процесс формирования древнегреческой социокультуры отмечают многие исследователи. См.: *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ, 2016. 720 с.
- ¹⁰ История государства и права зарубежных стран: В 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Крашенинниковой. Т. 1. М.: Норма, 2009. С. 178.
- ¹¹ *Васильев Л.С.* История Востока: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 1998. С. 6–7.
- ¹² *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 163.
- ¹³ *Дробышевский С.А.* Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. К., 1995. С. 10.
- ¹⁴ Как отмечает Л.С. Мамут, «“публичное” и “частное” – контрарные, а не контрадикторные противоположности, которые полностью отрицают друг друга» (*Мамут Л.С.* Правовое общение: Очерк теории. М., 2011. С. 32).
- ¹⁵ «Государство должно иметь собственность, но самая собственность вовсе не составляет части государства» (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 603).
- ¹⁶ *Дождев Д.В.* Частноправовое общение: Опыт римского права // Правовое общение. Постановка проблемы / Л.С. Мамут, Н.В. Варламова, Л.Е. Лаптева и др.; Под ред. Л.С. Мамут; Ин-т государства и права РАН. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 107.
- ¹⁷ *Васильев Л.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 7.
- ¹⁸ *Дождев Д.В.* Указ. соч. С. 112.
- ¹⁹ Там же. С. 114.
- ²⁰ *Jacobs N.* The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 1958. P. 161–163.
- ²¹ Правовое общение... С. 46.
- ²² *Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М.: Логос, 2000. С. 100.
- ²³ См.: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000; *Красильников О.Ю.* Импорт институтов экономической власти в современной России // Современное общество: человек, власть, экономика: Материалы науч. конф. преподавателей и студентов фак. соц. и гум. наук СГУ. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. Ч. 1. С. 127–135.

Особенности правового регулирования обязательного медицинского страхования в России и в странах Таможенного союза в современных условиях

В статье выделены особенности и тенденции развития правового регулирования обязательного медицинского страхования в России. Определены сущность и содержание правового обеспечения медицинского страхования как основы социальной защиты в условиях социально ориентированной рыночной экономики России. На примере анализа обязательного медицинского страхования, существующего в России и в странах Таможенного союза, предложены конкретные меры по совершенствованию правового обеспечения обязательного медицинского страхования в РФ.

Ключевые слова: система обязательного медицинского страхования, Таможенный союз, финансирование, здравоохранение, финансовые средства, страховые медицинские организации.

По состоянию на 2017 г. Таможенный союз (ТС) включает в себя Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию. Желание стать участником этого соглашения озвучено Сирией и Тунисом. Кроме этого, известно о предложении включить в соглашение ТС Турцию. Однако до настоящего момента не принято конкретных процедур для вступления этих государств в ряды Союза.

В Российской Федерации обязательное медицинское страхование (ОМС) закреплено на законодательном уровне. В целом в России обязательное медицинское страхование регулируется Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, Федеральным законом от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»², Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании

в Российской Федерации»³ (далее – Закон об ОМС) и др. Государство осуществляет постоянный контроль за деятельностью субъектов данного вида страхования.

Предпринятые меры по изменению правового регулирования ОМС в России в 2011–2016 гг. должны были обеспечить повышение качества и количества предоставляемых медицинских услуг.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» предполагалось, что до 2015 г. все виды специализированной медицинской помощи должны были быть переведены на финансирование из системы ОМС.

В настоящее время анализ обеспечения населения России бесплатной медицинской помощью с использованием средств Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) показывает, что существует достаточно много нерешенных проблем.

Страхование должно обеспечивать возмещение возникших убытков в результате страхового случая. Это аксиома, которая признается всеми правоведами и подтверждается законодательством не только в России, но и во всем мире.

К сожалению, нормы существующего российского законодательства зачастую не реализуются на практике в полной мере.

Одна из основных причин неразвитости страхового рынка вообще и, в частности, рынка услуг по обязательному медицинскому страхованию – низкий уровень платежеспособного спроса населения. Повышение уровня доходов населения – необходимое и важнейшее условие развития рынка страхования. Страхование, развиваясь, будет способствовать начавшемуся процессу экономического оздоровления. Именно интересы населения в первую очередь определяют стратегию развития любого страхового рынка. Роль благосостояния населения в условиях рыночной экономики, становится особенно значимой.

Если посмотреть на систему современного российского здравоохранения, то базовой проблемой можно считать несоответствие декларируемых государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи и реальных возможностей государства по выполнению этих гарантий, что приводит к недофинансированию отрасли⁴.

В феврале 2013 г. был создан Евразийский конгресс страховых организаций (ЕКСО), который в настоящее время готовит проект по созданию единого страхового рынка на территории стран Таможенного союза (ТС). Согласно плану ЕКСО, единый страховой рынок стран, входящих в ТС, должен быть создан к 2019 г. в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП)⁵.

С 1 января 2017 г. вступила в силу новая редакция правил обязательного медицинского страхования, в соответствии с которой временно пребывающие иностранные граждане из Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии, работающие в Российской Федерации по трудовым договорам, могут бесплатно оформить себе полисы обязательного медицинского страхования (указанное правило не распространяется на членов семей указанных работников, хотя это противоречит международным обязательствам Российской Федерации, принятым на себя в Договоре о ЕАЭС).

Но одной из основных проблем в обеспечении ОМС в России является низкое качество правового регулирования данного вида страхования.

Так, Правительством Российской Федерации Минздраву России были даны поручения по разработке и утверждению стандартов медицинской помощи, оказываемой в системе ОМС.

Однако за период с 1 июля 2014 г. по 28 октября 2016 г. Минздравом России к имеющимся 794 приказам Минздрава России были дополнительно приняты только 48 приказов, утверждающих стандарты медицинской помощи.

Так, отсутствуют стандарты медицинской помощи по таким распространенным заболеваниям, как астма, аппендицит, кишечная непроходимость, и ряду других.

В данной связи неясно, каким образом выявляются и устанавливаются нарушения в отношении заболеваний, не охваченных стандартами медицинской помощи⁶.

И что самое странное, эти и другие нарушения страхового законодательства, факты недостоверности бухгалтерской отчетности СМО, признаки финансовой неустойчивости отдельных СМО могут свидетельствовать о ненадлежащем исполнении Банком России своих полномочий по надзору за деятельностью СМО, установленных статьей 30 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

Анализируя данные представленного отчета Счетной палаты, можно сделать вывод, что обеспечение защиты прав застрахованных лиц сведено только к их информационному сопровождению.

При этом какие-либо иные нормативные правовые акты, которые предусматривают возможность напрямую защищать интересы застрахованных лиц, отсутствуют.

Международные договоры РФ наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью правовой системы РФ. Международные договоры об-

разуют существенный элемент стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными странами, функционирования правового государства.

В 2016 г. в Россию въехали 16 290 031 иностранных граждан, что соответствует населению некоторых европейских стран.

Урегулирование вопросов предоставления медицинской помощи иностранным гражданам может осуществляться путем подписания как многосторонних, так и двусторонних договоров и соглашений. В качестве примера:

1) Европейское соглашение от 17 октября 1980 г. «О предоставлении медицинского обслуживания лицам, временно пребывающим на территории другой страны»⁷.

2) Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством РФ от 24.11.1998 г. «О взаимном предоставлении гражданам Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации равных прав в получении скорой и неотложной медицинской помощи»⁸.

3) Соглашение Правительств государств – участников стран СНГ от 27.03.1997 г. «Об оказании медицинской помощи гражданам государств – участников Содружества Независимых Государств»⁹.

4) Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 24.01.2006 г. «О порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации»¹⁰.

5) Соглашение от 19.11.2010 г. «О правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей»¹¹.

6) Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 20 января 1995 г. «О правовом статусе граждан РФ, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан, и граждан Республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации»¹², и др.

В странах ТС выявляются существенные различия в организации обязательного страхования. В частности, в Республике Беларусь в силу значительной централизации и государственного регулирования обязательное страхование осуществляется исключительно государственными страховыми организациями и организациями, свыше 50 процентов акций которых находится в государственной собственности. Сближение национальных страховых систем осуществляется путем развития и согласования взаимных интересов по гармонизации отраслевого законодательства, форми-

рованию единых условий и требований к субъектам страхового дела, установлению единых параметров регулирования.

Содержание и направления унификации систем государственного регулирования страховой деятельности интегрируемых стран определяются уровнем экономического развития, историческими, национальными, геополитическими и отраслевыми условиями. Интеграция национальных страховых систем осуществляется на основе взаимного развития институциональных систем. Несмотря на ряд межправительственных соглашений по сближению национальных страховых систем в рамках Евразийского экономического пространства, еще наблюдаются существенные расхождения в сфере регулирования¹³.

Представляют интерес новые реформы обязательного социального медицинского страхования (ОСМС), проводимые в Республике Казахстан (РК) в 2017 г.

Финансовые средства системы ОСМС формируются из поступлений страховых взносов работодателей, работников, самих граждан, также платежей из государственного бюджета за социально-уязвимые категории населения и неработающих лиц.

Согласно закону РК «Об обязательном социальном медицинском страховании»¹⁴ существуют 15 категорий граждан, которые освобождаются от уплаты обязательных взносов – за них производит отчисления государство за счет государственного бюджета.

Указанные особенности обязательного медицинского страхования РК могут вызвать серьезные препятствия в унификации страхового законодательства среди стран Таможенного союза.

В качестве примера: страховая система здравоохранения в Европейском союзе представлена в Германии, Австрии, Бельгии, Нидерландах и Франции. В основе этой модели лежит принцип профессиональной солидарности, предусматривающий существование страховых фондов, управляемых на паритетных началах наемными работниками и предпринимателями. Медицинское страхование, как правило, является обязательным для всех работающих по найму. В большинстве стран ЕС обязательным медицинским страхованием охвачено практически все население: так, например, в Австрии и Люксембурге только 1–3% населения остаются незастрахованными; в основном это богатые жители Люксембурга. В Германии большинство населения (88%) охвачено обязательным медицинским страхованием¹⁵.

В настоящее время продолжается унификация законодательства стран ТС, регулирующего обязательное медицинское страхование.

В настоящий момент на рынке ОМС работают 109 страховых организаций, при этом численность застрахованных по договорам

ОМС составила 141 млн чел., т. е. почти все население Российской Федерации (142 млн чел.). Доля работающих граждан, взносы за которых вносятся работодателями, в общем числе застрахованных остается стабильной и составляет от 40 до 42%¹⁶.

Медицинское страхование может по праву считаться одним из столпов страхового рынка России. Его доля в общем сборе страховых взносов составляет около 34%. В целом для системы здравоохранения характерны наличие многих каналов финансирования и чрезвычайно слабая нормативная база обоснования издержек. Это обстоятельство сказывается на деятельности всех медицинских страховщиков – как в части ОМС, так и ДМС. Для того чтобы сделать медицинское страхование более эффективным в деле защиты интересов людей, надо, на наш взгляд, решить 2 задачи: во-первых, усилить позиции ОМС и, во-вторых, оптимальным образом сочетать функции ОМС и ДМС, что должно придать дополнительный стимул развитию ДМС.

При реализации политики по правовому регулированию обязательного медицинского страхования государство должно опираться на достижения современной науки. В частности, на принципы страхового права.

Публично-правовые принципы страховой деятельности основаны на действенном контроле со стороны государства. Для этого применяется механизм государственно-правового регулирования. Способы регулирования страховых отношений со стороны государства раскрывают специфику методов регулирования в отдельных областях общественных отношений и выражаются в особенности юридических норм. Есть три основных способа: запрещение, дозволение и обязывание. Государственно-правовое регулирование страховой деятельности осуществляется в основном в форме государственно-властных предписаний для участников страховых отношений. Выделяют следующие направления регулирования страховой деятельности со стороны государства:

- а) государственный надзор за деятельностью субъектов страхового дела;
- б) обеспечение финансовой устойчивости страховщиков;
- в) пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции на страховом рынке;
- г) проведение единой государственной политики в сфере страхования;
- д) формирование механизмов, обеспечивающих экономическую безопасность граждан и хозяйствующих субъектов на территории Российской Федерации.

Для развития российского страхового рынка необходимо сближение страхового законодательства с международными стандартами с целью увеличения разнообразия страховых продуктов и услуг и наращивания объема страховых операций, развития долгосрочного накопительного страхования жизни, страхования ответственности за исполнение договорных (контрактных) обязательств, укрепления капитализации и качества активов российских страховщиков.

В целях прекращения практики принятия нормативных правовых актов, содержащих декларативные нормы об обязательности страхования, необходимо создать законодательную основу обязательного страхования на территории Российской Федерации. Система обязательного страхования должна предусматривать эффективную защиту имущественных интересов государства от стихийных бедствий, аварий и катастроф при минимальных затратах бюджетных средств. Для этого необходимо провести инвентаризацию соответствующих объектов, определить их стоимость, риски, от которых будет предоставляться страховая защита, и формы страхования, а также изыскать источники осуществления страховой защиты.

Российская практика организации обязательного медицинского страхования имеет значительные отступления от классического механизма страхования. В первую очередь это связано с тем, что создание страховых фондов осуществляется не страховой организацией, а специально созданными для этой цели государственными некоммерческими организациями – Федеральным и территориальными фондами ОМС. В классическом механизме страхования недостаточный размер страховой премии или возможность ее неуплаты одним страхователем не влияет существенным образом на общую финансовую устойчивость страховой компании вследствие использования ею обычного для страхования гарантийного механизма – страховых резервов, формируемых из взносов других страхователей. Организационный механизм российской системы ОМС, в котором перечисление средств страховой компании осуществляется только территориальным фондом ОМС, ведет к нарушению автономности страховой организации. Поскольку в функциях как страховой организации, так и фонда ОМС присутствуют черты страховой деятельности, то такие отношения между двумя участниками этой системы следует отнести скорее к внутриорганизационным.

Во-вторых, в российской системе ОМС функции страховщика оказываются разделенными между территориальными фондами

и страховыми организациями. В результате получение страховых взносов возложено на один субъект, а страховые выплаты осуществляет другой.

Страховые медицинские организации в соответствии с требованиями, установленными правилами обязательного медицинского страхования, размещают на собственных официальных сайтах в сети Интернет, опубликовывают в средствах массовой информации или доводят до сведения застрахованных лиц иными предусмотренными законодательством Российской Федерации способами информацию о своей деятельности, составе учредителей (участников, акционеров), финансовых результатах деятельности, об опыте работы, о количестве застрахованных лиц, медицинских организациях, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования на территории субъекта Российской Федерации, видах, качестве и об условиях предоставления медицинской помощи, о выявленных по обращениям застрахованных лиц нарушениях при предоставлении медицинской помощи, о правах граждан в сфере обязательного медицинского страхования, в том числе о праве выбора или замены страховой медицинской организации, медицинской организации, порядке получения полиса обязательного медицинского страхования, а также об обязанностях застрахованных лиц¹⁷. К сожалению, указанное требование законодательства страховыми медицинскими организациями не выполняется в полной мере.

Представляет интерес введение системы паритетного участия работодателя и работника в финансировании обязательного медицинского страхования. Данный вариант софинансирования населением системы ОМС можно рассматривать как одно из возможных решений проблемы, которое позволит повысить финансирование до уровня, требуемого для финансирования услуг, подпадающих под государственные гарантии. Важным эффектом такого решения было бы не только увеличение объема средств, поступающих в систему ОМС, но и возникновение серьезного основания для застрахованных предъявлять требования к страховщикам и лечебным учреждениям по поводу оказания качественной медицинской помощи в полном объеме, предусмотренном программами ОМС без неофициальных платежей из личных средств пациентов за те или иные услуги¹⁸.

В нынешней системе ОМС отсутствует баланс интересов ее участников: государства, страхователей, страховщиков, медицинских организаций и застрахованных граждан. Отметим, что нет и критериев эффективности работы системы ОМС, от которых бы

зависел объем финансирования, поэтому, на наш взгляд, система медицинского страхования по-прежнему «платит» не за результат, а за процесс оказания помощи. А последние события показали, что в большинстве стационаров имеются еще и «приписки» по количеству посещений пациентов с целью увеличения финансирования и оплаты услуг по ОМС (ситуация с личным кабинетом граждан в лечебном учреждении в Москве). Исходя из этого, одной из наиболее негативных характеристик современного российского здравоохранения стало все углубляющееся противоречие между гарантируемым государством правом граждан на получение бесплатной медицинской помощи и его реальным обеспечением¹⁹.

В соответствии со Стратегией развития здравоохранения Российской Федерации на долгосрочный период 2015–2030 гг. особую роль государство отводит развитию страховых принципов модели ОМС.

Так, в частности, одним из основных параметров развития модели обязательного медицинского страхования является повышение ответственности страховых медицинских организаций за эффективность расходов в системе здравоохранения.

Необходимо коренное изменение принципов работы страховых медицинских организаций, включая переход от администрирования платежей по факту оказания услуг к эффективному управлению расходами на застрахованных, в том числе путем возложения на страховые медицинские организации части финансовых рисков по оплате медицинской помощи.

Источником покрытия данных расходов для страховых медицинских организаций могли бы стать страховые резервы, сформированные за счет части прибыли, полученной в результате введения льготного налогообложения для страховых организаций, осуществляющих «классические виды» страхования.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
- ² Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3686.
- ³ Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.
- ⁴ Ахметзянов А.Р., Устюгов А.В. Пути совершенствования механизмов финансового обеспечения здравоохранения за счет средств обязательного медицинского страхования // Модернизация России: Ключевые проблемы и решения:

- XII Междунар. науч. конф., 15–16 декабря 2011 г. / Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. М., 2012 г.
- ⁵ *Миляева М.Б., Громова С.В.* Организация системы медицинского страхования в рамках Таможенного союза // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 5. С. 45.
  - ⁶ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка эффективности деятельности страховых медицинских организаций как участников обязательного медицинского страхования в 2014–2015 годах и истекшем периоде 2016 года» // Бюллетень Счетной палаты. 2017. № 3. С. 260.
  - ⁷ См.: Сборник международных договоров СССР. Вып. 47. М., 1994.
  - ⁸ См.: СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2251.
  - ⁹ См.: Российская газета. № 90. 12.05.97.
  - ¹⁰ См.: СЗ РФ. 2008. № 9. Ст. 811.
  - ¹¹ См.: Бюллетень международных договоров. 2013. № 6.
  - ¹² См.: Бюллетень международных договоров. 1996. № 9. С. 78.
  - ¹³ *Насырова Г.А.* Межстрановая интеграция как фактор гармонизации национальных систем регулирования страховой деятельности // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (46). С. 68.
  - ¹⁴ См.: Ведомости Парламента РК. 2015. № 22-I. Ст. 142.
  - ¹⁵ *Антропов В.В.* Социальная защита в странах Европейского союза. М.: Экономика, 2009. С. 45.
  - ¹⁶ *Штиб А.В.* Система обязательного медицинского страхования и добровольного страхования в России: состояние, развитие, проблемы и перспективы. [Электронный ресурс] URL: <http://novainfo.ru/article/10976/pdf> (дата обращения: 15.09.2017).
  - ¹⁷ СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.
  - ¹⁸ *Цыганова О.А., Ившин И.В.* Медицинское страхование: Учеб. пособие. Архангельск: Изд-во Северного гос. ун-та, 2014. С. 157.
  - ¹⁹ *Мурзаева О.В.* Анализ финансового обеспечения здравоохранения в рамках территориальной программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи (на примере Республики Мордовия) // Мир науки и образования. 2015. № 5. С. 56.

Abstracts

S. Belenchuk

Crisis of the World currency system as the opportunity window for Russia's transition to the sovereign economy

The article considers issues related to the period of the search for a new formula of the world order because of the crisis in the existing dollar system and notably an issue is about the transition to a certain new system within which key elements of the previously existing gold-exchange standard can be incorporated. In these circumstances, Russia theoretically has only a few years to use the temporary uncertainty in the West, for launching a truly sovereign model of the economy and, first of all, on the basis of a cardinal reformatting of the external economic model.

Keywords: sovereign model of economy, world currency system, petrodollar standard.

L. Glukhareva

Legal dogmatics and dogmatic thinking in the Russian doctrine of law

The article deals with the features of the leading part of modern jurisprudence – legal dogmatics, it proposes definitions of its objectives, tasks and structure, notes advantages and disadvantages, reveals the style of dogmatic thinking.

Keywords: jurisprudence, legal dogmatics, constructions, definitions, principles, formal-logical method, dogmatic style of thinking.

G. Kedrova, V. Muromtsev

Current state and directions of distance education systems development

The review of the current state of distance education is presented. The main DE systems and the directions of their further development are considered. Particular emphasis is placed on innovative technologies for mass-scale global online DE: massive open online courses, or MOOC. For this perspective direction, an attempt was made to comprehend the first results and the main problem areas for the implementation of educational process.

Keywords: distance education, DEs, educational environment.

E. Knyazeva, V. Terekhova

The state debt policy of Russia at the present stage

The article considers the public debt classification, examines the Russian Federation debt policy at the present stage, and the main forms of managing public debt in accordance with the requirements of the time. It analyzes current regulatory legal acts and updated modern legislation governing relations on public debt, as well as possible measures to reduce debt burden of the state and subjects.

Keywords: state debt, state loan, debt book, refinancing, restructuring, bonds, state guarantees.

L. Korchagova, Yu. Cheremushkina

Peculiarities of product portfolio formation in pharmaceutical market

The article examines the main characteristics and features of the pharmaceutical market, which include: high costs of the market, highly qualified personnel, availability of special equipment, high rates of development, and others. Particular attention is paid to the formation of the product portfolio of pharmaceutical companies. This article describes the use of the two methods – the matrixes of the Boston Consulting Group and the McKinsey matrixes for forming the product portfolio of the pharmaceutical company “Evalar”. Using those

techniques, allows pharmaceutical companies to form their product portfolio best.

Keywords: pharmaceutical market, product portfolio, portfolio analysis, assortment policy, strategy, product life cycle, import substitution.

O. Rybkovskaya

Projects of the USSR / Russia on “de-dollarization” of the world economy. From the Moscow International Economic Meeting (1952) to BRICS. An analysis of projects on currency competition

Strengthening the economic sovereignty of the Russian Federation is seen as the most important goal in the Strategy for Economic Security of Russia for the period until 2030, as fast as there occurs the growth in danger of unleashing by the world financial oligarchy a new world war with the aim of instantly “zeroing out” debts, which by now have reached their critical mass. Securing the economic sovereignty of the Russian Federation will create an alternative geo-economic pole with the participation of civilizations that do not accept the “golden calf” cult and violence, that reject the unjust system with the privileged position of the world reserve currencies and that strive for economic cooperation based on respect for state sovereignty, equality and mutual benefit. The article considers attempts of our country to dedollarize the world economy, and analyzes both the history and our times.

Keywords: unequal currency competition, de-dollarization of the world economy, replacement of petrodollar, strengthening of Russia’s economic sovereignty, Moscow International Economic Meeting, clearing without a dollar, Eurasian geo-economic pole.

V. Sirotyuk, S. Kosyachenko

Modeling of subject domains at users of cloud technologies

The paper presents models and methods of formalized description of users’ subject domains, analysis and classification of users for users of cloud databases (HBS) and users of local databases (DBs), design of the canonical structure of HBS.

Keywords: cloud technologies; the domain of users of cloud databases, the similarity function of objects in the subject domain; object model of user requirements; object canonical structure of the cloud database.

V. Tsyganovkin

Property as an institutional basis for the formation of law

The article considers conditioning the historical process of forming the law by the achieved level of development in property relations and their separation from the power, thus securing the sufficient subjectivity of individuals and the possibility of wide dissemination of the regulatory equivalence principle. It is demonstrated that the private property institution which casted itself in a stable form is not only the most important empirical marker of the phenomenon of law as such, but also the institutional basis on which other legal institutions are formed.

Keywords: private property, public authority, the history of law, the principle of equivalence, antiquity.

I. Yurzinova, V. Nezamaikin

Functioning efficiency evaluation in the financial planning system. Integrated approach to an assessment

The authors propose a new approach to the functioning efficiency of the financial planning system as the degree of economic justifiability of expenses incurred by the Corporation in connection with the functioning of this system, highlighting the main assessment directions (aspects): organizational, managerial, financial, technological. The article provides a detailed description of the listed directions.

Keywords: effectiveness of business processes, economic justifiability of costs, organizational aspect, managerial aspect, financial aspect, technological aspect, evaluation criteria.

S. Zhuchkov

Features of the legal regulation
of the mandatory health insurance in Russia
and in the Customs Union countries
in present conditions

The article highlights the features and tendencies of development of legal regulation in compulsory medical insurance in Russia. It identifies the essence and content of the legal provision of medical insurance as the basis for social protection in the socially-oriented market economy conditions of Russia. By the example of an analysis of compulsory medical insurance existing in Russia and in the Customs Union countries, specific measures are proposed to improve the legal provision of compulsory medical insurance in the Russian Federation.

Keywords: the system of compulsory medical insurance, the Customs Union, financing, healthcare, financial means, insurance medical organizations.

Сведения об авторах

Беленчук Сергей Иванович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, belenchuk51@mail.ru

Глухарева Людмила Ивановна – доктор юридических наук, завкафедрой теории права и сравнительного правоведения, юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, liglur@mail.ru

Жучков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, 1290378@mail.ru

Кедрова Галина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, филологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, kedr@philol.msu.ru

Косяченко Станислав Анатольевич – доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория № 20, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук, sakos@ipu.ru

Князева Елена Юльевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права, юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, ele1038@yandex.ru

Корчагова Лариса Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и рекламы, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, lakor@rggu.ru

Муромцев Валерий Валентинович – кандидат технических наук, профессор кафедры моделирования в экономике и управлении, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, vvm44@inbox.ru

Незамайкин Валерий Николаевич – доктор экономических наук, профессор, завкафедрой «Финансы и кредит», Российский государственный гуманитарный университет, NezamaikinVN@mail.ru

Рыбковская Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, olga-rybkowskaja@mail.ru

Сиротюк Владимир Олегович – доктор технических наук, доцент, ведущий математик, лаборатория № 20, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук, vsirotyuk.55@icloud.com

Терехова Валентина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права, юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, wsamoilova@mail.ru

Цыгановкин Владимир Анатольевич – старший преподаватель, кафедра теории права и сравнительного правоведения, юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, whitehall@bk.ru

Черемушкина Юлия Евгеньевна – магистрант 3-го курса, факультет управления, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, магистерская программа «Маркетинг», Cheremuhay@mail.ru

Юрзинова Ирина Леонидовна – доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Yurzinova@fa.ru

General data about the authors

Belenchuk Sergey I. – Ph.D. in Economics, associate professor, associate professor of the Department of World Economy, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, belenchuk51@mail.ru

Cheremushkina Yulia E. – 3rd year master student, Master’s program “Marketing”, Faculty of Management, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, Cheremuhay@mail.ru

Glukhareva Lyudmila I. – JD, head, Department of Theory of Law and Comparative Law, Law Faculty, Institute of Economic, Management and Law, Russian State University for the Humanities, liglur@mail.ru

Kedrova Galina E. – Ph.D. in Philology, associate professor of the Department of Russian Language, Philology Faculty, M.V. Lomonosov Moscow State University, kedr@philol.msu.ru

Knyazeva Elena Yu. – LL.M., associate professor, associate professor of the Department of Financial Law, Law Faculty, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, ele1038@yandex.ru

Korchagova Larisa A. – Ph.D. in Economics, associate professor, associate professor of the Department of Marketing and Advertising, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, lakor@rggu.ru

Kosyachenko Stanislav A. – Dr. in Engineering, professor, chief researcher, Laboratory № 20, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, sakos@ipu.ru

Muromtsev Valeriy V. – Ph.D. in Engineering, professor of the Department of Modeling in Economics and Management, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, vvm44@inbox.ru

- Nezamaikin Valery N.* – Dr. in Economics, professor, head, Department of “Finance and Credit”, Russian State University for the Humanities, NezamaykinVN@mail.ru
- Rybkovskaya Olga N.* – Ph.D. in Economics, associate professor, associate professor of the Department of World Economy, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, olga-rybkovskaja@mail.ru
- Sirotyuk Vladimir O.* – Dr. in Engineering, associate professor, leading mathematician, Laboratory № 20, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, vsirotyuk.55@icloud.com
- Terekhova Valentina V.* – LL.M., associate professor, associate professor of the Department of Financial Law, Law Faculty, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, wsamoilova@mail.ru
- Tsyganovkin Vladimir A.* – senior lecturer, Department of Theory of Law and Comparative Law, Law faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, whitehall@bk.ru
- Zhuchkov Sergey V.* – LL.M., associate professor of the Department of Civil Law and Process, Law faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 1290378@mail.ru
- Yurzinova Irina L.* – Dr. in Economics, professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, IYurzinova@fa.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 19.12.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 10

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Экономика. Управление. Право»
выходит 4 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71130.
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
